

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 37 СЕНТЯБРЬ 1980

К 1000-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АБУ АЛИ ИБН СИНЫ
/АВИЦЕННЫ/

Превосходно оборудованная операционная — один из экспонатов советского раздела.

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

З Д О Р О

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 37 (2774)

13 СЕНТЯБРЯ 1980

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонёк», 1980

Фирмы Франции показывали разнообразные медицинские приборы, препараты, оборудование.

Гамма стерильных изделий — это стенд «Финнада».

В Москве только что завершился крупный международный смотр-выставка «Здравоохранение-80».

Йозеф Дворжак — он представляет чехословацкую фирму «Хирана» — подчеркивает: «В основе нашей работы — забота о здоровье человека. Вот совместная разработка с венгерскими коллегами... А вот этот препарат мы поставляем во все страны СЭВ... Эта машина комплектуется советскими приборами...»

В экспозиции — медицинская техника, различное оборудование, лекарственные средства и препараты, передвижные лаборатории, оснащение амбулаторий. «Обратите внимание, совершенно новый стоматологический кабинет. Кто испугается бормашины, если знает, что боли она не принесет?» Затем Йозеф показывает монитор для переливания крови. «Можно сказать, в Москве — его премьера», — замечает он.

Одна из особенностей этого международного показа — изделия и приборы совершенно новые, они войдут в медицинскую практику после «Здравоохранения-80».

«Такая солидная экспозиция прозвучит лучше любой клиники» — это мнение, высказанное по поводу выставки, подкреплено многими примерами. Оскар Торрес и Стиг Хеллстен из финской «Фармос Групп» и такие известные фирмы, как «Орион» и «Медика», показали препараты, которые подготовлены специально для этой выставки. «С волнением ждем оценку. Надеемся на успех».

«Получить признание на таком представительном смотре почетно и важно», — говорит Леона Расиенперя, которая привезла на выставку продукцию акционерного общества «Финнвад». Спрашиваем: «Какова программа фирмы?» Госпожа Расиенперя перечисляет: маски для хирургов, стерильные

Такие очки ныне в моде... Обращаем на это внимание дизайнеров Министерства медицинской промышленности СССР.

косынки, защита для обуви, рукавички для умывания, простыни, одеяла, халаты. «Все из целлюлозы, изделия разового применения: они дешевы, абсолютно стерильны, словом, бумага на службе гигиены».

Обилие совершенно новых разработок сделало выставку особо представительной. Сюда привезли свою продукцию сотни крупнейших зарубежных фирм и предприятий мира.

Очень представительна советская экспозиция. В нашей операционной побывали инженеры и конструкторы многих стран. И коммиссионеры тоже — интересуются: «Цена?» «Сроки поставки?» «Можно ли рассчитывать на помощь в монтаже оборудования?» Знатоки присматриваются, как работает операционная, изучают ее вдоль и поперек. Экспонат не рядовой, крупный, внимание к нему понятно. Но вот по соседству с ним, в зале напротив, конструктор Геннадий Андреевич Карталов показывает приборчик-кроху — считанные сантиметры, и вес небольшой, — а народу тоже собрал не-

мало. Переносной стоматологический аппарат. Не скажем, чтобы нашлись желающие испытать его на себе, но приобрести хотели бы многие медики: прибор помещается в саквояже, его можно взять с собой в дальнюю экспедицию, повезти на пастбище.

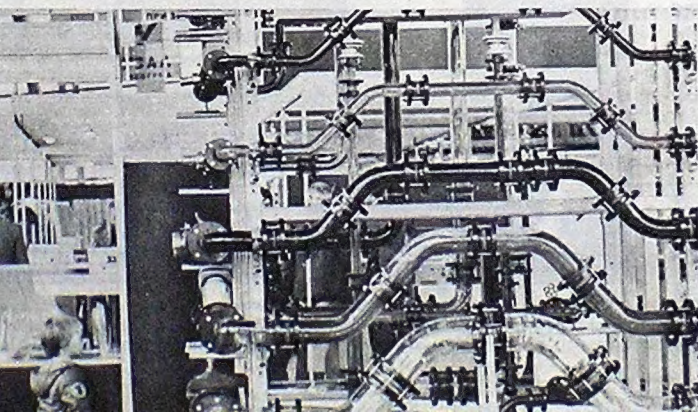
Тысячи экспонатов, тысячи вопросов, обмен мнениями. Франция и ФРГ, отличные разделы Польши и Болгарии, венгерский «Медикор», великолепные оправы для очков из Индии; половину этажа большого павильона занимают фирмы Великобритании; известные всему миру лекарственные препараты из Югославии. Очень представительна экспозиция ГДР. Есть в ней и уникальный прибор: аудиометр, тот самый, с которым на борту «Салюта-6» проводили эксперименты Валерий Быковский и Зигмунд Йен. Французская фирма «Шовен-Бланш», специализирующаяся на препаратах для офтальмологии, показывает новый препарат.

Здравоохранение мира было представлено на московском смотре.

ВЪЕМИРА

Чехословацкая Демократическая Республика была представлена на выставке очень большими разработками.

Чехословацкий раздел «Здравоохранения-80» привлекал большое внимание

Праздник
на поле
Куликовом.

К

ак удивительны бывают природные совпадения! Каждый год, вот уже столетия, ранними утрами начала сентября здесь повисает белесый туман над Куликовской, Монастырщиной, Доном, Непрядвою. Теплым, влажным туманом, будто небо слилось с землей, начинался тот день кровавой сечи; туман, известно, предвещал век назад ее полутысячелетний юбилей, когда с окрестных сел и деревень сюда, поклониться полю, пришли инеем не знавшие «лапотные» крестьяне; в этой дымке он родился и теперь, в 1980 году, в праздник шестисотлетия великой русской победы.

Но едва поднялось солнце, ключи растаяли, будто и не было их, засверкали золотая маковна обелиска Славы, медь оркестра, и загремели фанфары.

7 сентября пришли на поле Куликово больше тридцати тысяч человек со всех концов страны, из дальних и ближних ее областей, но особенно много было туляков, тех, чьи руками поле наряжали: обновляли памятники, разбивали цветники, прокладывали дорожки, ставили и празднику красочные шатры и палатки.

Среди гостей — заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. Тяжельников, писатель Л. Леонов, художник И. Глазунов, Герой Советского Союза А. Маресьев, чемпион мира по шахматам А. Карпов, передовики производства тульских промышленных предприятий, колхозов и совхозов, ответственные работники центральных ведомств, представители творческих организаций.

Над полем — злым стяг СССР, знамена боевых полков, преградивших на этой священной земле путь танковым армадам Гудериана в 1941 году и не посрамивших чести предков. Над полем звучит наш Государственный гимн. Минтинг открыл заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. Кочемасов. Выступили также

первый секретарь Тульского обкома КПСС И. Юнан, секретарь Московского обкома партии В. Борисенков, секретарь правления Союза писателей РСФСР Ф. Кузнецов, космонавт А. Николаев, ветеран Великой Отечественной войны участник сражений на поле Куликовом в войне с фашистами А. Терехов.

А потом перед чугунной стрелой монумента Славы, подножие которого превратилось в огромный холм живых цветов, шли четким парадным маршем войска, тинулась бесконечная лента русских людей, отдававших свою дань великим предкам. Праздник был ярким и красочным: тут читали стихи, пели песни, танцевали, а вечером вспыхнули над Куликовым полем пышные гирлянды фейерверка.

Событием сделалось и торжественное собрание, прошедшее 8 сентября в Москве, в Колонном зале Дома союзов.

На собрании присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соколов, секретарь ЦК КПСС И. В. Капотов, заведующий Отделом ЦК КПСС Е. М. Тяжельников, а также президент Академии наук СССР А. П. Александров, представители партийных, советских и общественных организаций, передовики производства, военачальники, космонавты.

В Государственной Третьяковской галерее открылась выставка живописи, графики, скульптуры, посвященная 600-летию победы над игом. Здесь — необычайные редкости, создания современников великого события: творения замечательных русских художников О. Кипренского, В. Васнецова, В. Серова, Н. Рериха, К. Брюллова; работы на эту тему советских художников М. Нестерова, П. Корина, М. Авилова, А. Бубнова; произведения наших современников — Ю. Кугача, И. Глазунова, П. Оссовского, Ю. Ракши.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

ПРАЗДНИК РУССКОЙ ПОБЕДЫ

Москва, 8 сентября 1980 года, Колонный зал Дома союзов. Торжественное собрание, посвященное 600-летию Куликовской битвы.

Почтовая марка, выпущенная к юбилею.

Государственная Третьяковская галерея. Художественная выставка к победе русского народа над Золотой Ордой.

5 сентября. Торжественное собрание в Туле.

Фото С. Белявго, В. Великманна, В. Мاستюкова, В. Хухлаева (ТАСС)

БЕЛАЯ СТРАДА УЗБЕКИСТАНА

В эти первые дни осени в сельских пейзажах Узбекистана все заметнее выделяется теплая урожайная белизна хлопковых полей. В хозяйствах все готово к сбору урожая. И по дорогам республики в уборке кумача, под звуки карнава и сурнаев, в сопровождении певцов и танцоров уже движутся первые караваны с хлопком-80. Торжественно встречают их на заготовительных пунктах.

Уже пошли в переработку десятки тысяч тонн нового урожая «белого золота», собранного в Сурхандарьинской, Кашкадарьинской областях, более северной Самаркандской. На митинге хлопкоробов Каттакурганского района Самаркандской области первый секретарь райкома партии И. Туррапов сказал:

— Сегодня мы привезли только частицу нашего большого хлопка. Мы уверены: повышенные обязательства — собрать 70 тысяч тонн хлопка, принятые тружениками района в честь XXVI съезда КПСС, — будут выполнены!

В. КОСТЫРЯ

Первые караваны хлопка-80.

Фото В. Молгачева.

ПЯТИЛЕТКА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Как быстро пролетает время. Не вчера ли было: родилась первая моя дочь, и кое-что из соседней соболевской мне. Нет, не вчера то было, а несколько десятков лет тому назад. У казахов в те времена еще жила традиция горевать, если в семье рождалась девочка. Но тогда же, помню, мой старший друг Мухтар Ауэзов, в то время работник Семипалатинского губисполкома, ставший впоследствии выдающимся казахским писателем, сказал мне:

— Верю, что жизнь твоей дочери, как и всех женщин Востока, будет светлой и радостной, непохожей на судьбу их матерей и бабушек...

И назвали мы с женой своего первенца Масурой, что означает «Радостная». Шло время, у нас в семье выросли девять девочек и один мальчик, и мы не горевали... Не вчера ли было: Райхан, одна из моих дочерей, биохимик по профессии, защищала кандидатскую диссертацию, а я принимал поздравления. Нет, не вчера то было, но и не так давно — в начале десятой пятилетки. Вообще же это была в нашей семье восьмая защита кандидатской. Семь дочерей и сын Алтай стали кандидатами наук. Есть в семье химик и историк, библиотечник и журналист, филолог и специалист по энергетике. А главное, есть в нашей большой семье счастье, которое с годами не убывает.

Мне уже 77 лет, я давно на пенсии, но выходящим из строя себя не считаю, продолжаю по мере сил активную деятельность. За пятилетку перевел на казахский язык некоторые работы Энгельса, продолжаю заниматься журналистикой, как в молодые годы, пишу статьи и рецензии. Активная жизненная позиция —

девиз нашей семьи. Не меньше, чем кандидатской Райхан, радовался я вступлению в партию Алмы. Она работает на химическом факультете университета, избрана членом парткома. Кстати, Алма и Алтай (он историк) — без пяти минут, как говорится, доктора наук. Предстоит защита. Раушан, кандидат наук, получила за пятилетку около пятнадцати авторских свидетельств. Мы все, честно говоря, думали, что она станет актрисой, потому что еще студенткой университета талантливо сыграла в фильме «Ма-

комбинаты, электростанции, рождаются интересные проекты. Внуки мои повзрослели еще на пять лет, некоторые из них перешагнули порог зрелости. Например, дочь Алтая Алма с отличием окончила философско-экономический факультет Алма-Атинского университета. Сейчас она находится на стажировке в Московском университете. Другая дочь Алтая, Галия, на пятом курсе исторического факультета, по стопам отца пошла, отлично учится, великолепно знает английский язык. Еркен, сын Масуры, окончил школу, поступает в архитектурно-строительный институт. Ну, а Саулеш, Миран, Мурат, Амина, Кайрат еще только в начале пути, они пока школьники. У них свои достиже-

веты и ваша дружба, ваше внимание. Я непременно изучу казахский язык. Ваша Мария Суарес. Оказалось, что Мария увидела в журнале очерк о нашей семье. И вот написала из неизвестного нам до селе городка Абреус. Адрес был предельно краток: «СССР. Алма-Ата. Гайсе Сармурзину». И еще на конверте были слова: «Советские товарищи! Это письмо с неполным адресом. Помогите во имя братства!» Письмо нашло меня и растолковало до слез. Я ответил так: «С душевным волнением принимаю твое решение и желание стать моей кубинской дочерью... Наше родство символично олицетворяет братскую дружбу народов, находящихся на разных континентах. Дочь моя Мария! Ты просишь моих отцовских советов. Скажу тебе, как говорил всегда своим детям. Будь честной и искренней в своих поступках. Будь доброй к людям. Добро всегда добром творится. Трудись во имя счастья своей родины и будешь счастлива сама... Тебя очень интересует моя жизнь. Мы поговорим об этом при встрече. Казах — народ гостеприимный. Приезжай, пожалуйста, к нам в гости, и не только я, но и твои сестры, дочери мои, с огромной радостью и открытой душой встретят тебя, родная, покажут все достопримечательности нашего изумительно красивого города, охотно расскажут о нашей прекрасной жизни, где народ все силы отдает построению коммунизма».

Завершается десятая пятилетка. Завершается важный этап в жизни моей большой семьи. Впереди XXVI съезд партии, апереди новые горизонты. Они обещают большие творческие поиски, а значит, полную беспокоества и радостей жизни.

Гайсе САРМУРЗИН,
член КПСС с 1928 года

Алма-Ата.

ДОБРО ДОБРОМ ТВОРИТСЯ

теринское поле» роль молодой невестки...

Все, о чем я рассказал, можно считать нашим семейным вкладом в пятилетку эффективности и качества. Дети мои давно взрослые и самостоятельные люди. Может быть, достижения других дочерей за эти пять лет не так заметны, но они есть и у Масуры, Шолпан, Сауле, Зуры, Лейлы и Зайры.

А теперь о детях моих детей — о внуках и внучках. Ведь это наше будущее, и хочется, чтобы они стали лучше нас. Это ведь для них составляются планы грядущих пятилеток, возникают гигантские

ния: все как один перешли в следующий класс с похвальными грамотами...

У нас, казахов, как правило, большие семьи, любим детей. Представляете, как мы все обрадовались, получив однажды вот такое письмо с далекой Кубы: «Отец! У вас десять детей, из них девять дочерей и один сын. Я очень хочу быть вашей десятой дочерью — кубинской дочерью... Дочерью, которая служит своей родине и которая продолжает прилагать все силы во имя будущего. Принимаете, отец, я думаю, что оправдаю ваше доверие и надежды. Мне нужны ваши со-

Владимир МАЛЫШЕВ

Суббота 2 августа в Болонье была жаркой и солнечной. На городском железнодорожном вокзале, как и всегда в это время года, было оживленно и шумно. Внезапно радостный гомон спешащих на летний отдых толпы перекрыл ужасающий грохот взрыва. Со стороны это выглядело так, будто в здание попала мощная бомба: в воздух поднялись обломки бетона, рухнули потолки и стены, послышались душераздирающие крики гибнущих под градом камней людей.

В здании вокзала взорвался подложенный неонацистами мощный заряд динамита. Почти двое суток спасательные команды, пожарные, санитары «Скорой помощи» извлекали из-под обломков изувеченные тела. Итог злодейского преступления черноубашечников был страшен: более 80 убитых и около 200 тяжелораненых. Среди них было много детей.

Почему именно Болонья? Этот вопрос стали задавать, едва улеглась пыль под обломками рухнувшего здания вокзала. Впрочем, не так уж было трудно догадаться, почему именно этот итальянский город стал мишенью безумной ярости неонацистов. Болонью называют в Италии «красным городом» — все послевоенные годы им управляет муниципалитет, сформированный из представите-

родским властям, действующим в условиях буржуазного государства, приходится преодолевать немало трудностей, но тем не менее Болонью называют «городом с образцовым коммунальным хозяйством». Будучи в Италии корреспондентом ТАСС, я не раз встречался с его мэром — членом ЦК Итальянской компартии товарищем Ренато Дзангерри. Он говорил, что на примере Болоньи итальянские коммунисты хотят показать, как нужно управлять страной, успешно доказывают, что компартия — та сила, которая способна вывести Италию из нынешнего тупика экономического кризиса и политической нестабильности. Именно поэтому успехи «красной Болоньи» вызывают ярость реакционных сил, неонацистов, кругов международного империализма.

Известно, что незадолго до взрыва на вокзале в Болонье судебные власти вынесли окончательный приговор группе правых экстремистов, организовавших 6 лет назад взрыв пассажирского экспресса «Италикус», который курсировал на линии между Римом и Миланом. Сейчас установлено, что вокзал взорвали неонацисты из террористической организации «вооруженные революционные ячейки» (НАР). Эта подпольная группировка создана в 1977 году и тщательно законспирирована. Она организована по принципу «звезды» в центре находится ядро, или стратегическое руководство, от которого ответвляются «лучи» с собственными руководителями. Ядровые члены каждого «луча» никого не знают ни из центра, ни из других «лучей». Известно также, что в состав НАР вошло немало черноубашечников из подпольной неонацистской банды «черный порядок», взорвавшей экспресс «Италикус».

Стенного банка в Милане было убито 14 и ранены десятки человек. А всего в общей сложности за минувшие 11 лет в результате различных совершенных неонацистами террористических актов погибло более 200 человек.

Расследуя преступления неонацистов, следственным органам удалось раскрыть несколько опасных заговоров правых экстремистов, которые накапливали запасы оружия, обучали террористические группы в специальных военизированных лагерях, готовились к широкому выступлению против демократических институтов итальянской республики.

По сведениям итальянских газет, еще два месяца назад служба безопасности Болоньи направляла в Рим донесение, согласно которому в этом городе происходит реорганизация крайне правых подпольных группировок, готовящихся перейти к «решительным действиям». Однако развалины городского вокзала красноречиво свидетельствуют о том, что центральные власти так и не приняли необходимых мер по предупреждению готовящейся провокации.

«Тандемом» с неонацистами на Апеннинских орудуют молодчики из левых террористических организаций. Итальянская компартия не раз указывала, что между неонацистами и выступающими под фальшивыми «революционными» лозунгами левыми нет принципиальной разницы: те и другие преследуют одну и ту же цель — подорвать демократические устои республики, нанести удар по левым партиям и прежде всего по ИКП, по организованному рабочему движению. Не случайно генеральный секретарь компартии

ным центром, объединяющим фашистские организации разных стран, а также крайне правой организацией «ФАНЕ» (Федерация национального и европейского действия) с центром во Франции. Ежедневники сообщают, что в середине июля один из руководителей «ФАНЕ», Поль-Луи Дюран, предпринял «экскурсионную» поездку по Италии и останавливался, в частности, в Болонье. Судебные органы выяснили, что этот Дюран занимал пост... инспектора отдела информации французской полиции! О связях Дюрана с крайне правыми экстремистами было известно уже давно, однако только после взрыва в Болонье и запросов итальянских властей министерство внутренних дел Франции приняло решение об увольнении подзудного «инспектора» из органов охраны общественного порядка. О тесном международном сотрудничестве правых экстремистов свидетельствует и недавний арест в Ницце скрывающегося во Франции итальянского неонациста Марко Аффатигато, которого также заподозрили в причастности к организации взрыва в Болонье.

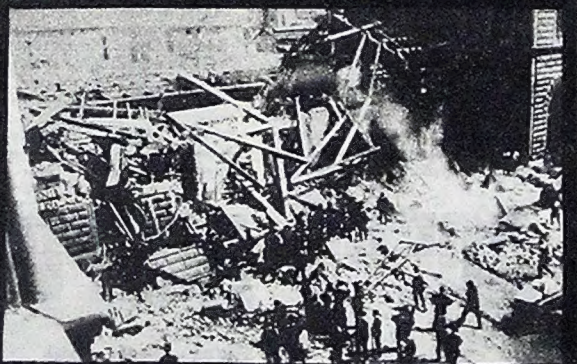
Уже первые шаги по расследованию взрыва вокзала привели к раскрытию и других подробностей черного альянса неонацистов. На пресс-конференции в Болонье заместитель генерального прокурора города Лундига Персико сообщил журналистам, что следственные органы смогли установить существование в Италии подпольного центра по вербовке среди неонацистских элементов наемников для иностранного легиона, который используется реакционным режимом Южной Африки для подавления национально-освободительного движения. По сведениям газеты «Пэзе сера», эти легионеры, прошедшие курс специальной подготовки и обращения со взрывчаткой, возвращаются затем на Апеннины, где вливаются в ряды террористических группировок.

Загадочная «неуловимость» многих террористов, неспособность органов охраны общественного порядка пресечь их преступления наводят на мысль о том, что подпольные террористические группировки пользуются покровительством в кругах, близких к правительственным сферам. Известно, например, что такой крупный государственный чиновник, как бывший начальник СИД (прежнее название итальянской контрразведки) генерал Вито Мичели был снят с должности и обвинен в потворстве правым заговорщикам. Однако в настоящее время он не сидит за решеткой, а занимает кресло депутата парламента от неонацистской партии ИСД — НПС.

После раскрытия связей генерала Мичели с заговорщиками спецслужбы Италии были реорганизованы, однако, как свидетельствует итальянская печать, они по-прежнему засорены симпатизирующими неонацистам элементами. Сосем недавно был отстранен от должности полковник Руссоном — заместитель руководителя одной из уже реорганизованных спецслужб. При Муссолини этот «страж демократии» служил в гитлеровском вермахте, во время взрыва в Милане фальсифицировал улики с тем, чтобы отвести подозрения от фашистов, помогая замечать следы террористам, похитившим Альдо Моро.

Самое загадочное и запутанное политическое преступление в послевоенной истории Италии — это расправа экстремистов над Альдо

ЭХО ВЗРЫВА В БОЛОНЬЕ

Так выглядит взорванное неонацистами здание вокзала в Болонье.

Фото из журнала «Ньюсвик»

лей коммунистической и социалистической партий. На всех административных выборах за коммунистов там голосует большинство жителей. И это не случайно. Муниципалитет многое сделал для развития городского хозяйства: в Болонье больше, чем в других районах Италии, уделяется внимания строительству недорогого жилья для трудящихся, открытию новых школ, развитию сети социальных учреждений, работе городского транспорта, охране памятников старины. Конечно, го-

Взрыв вокзала — это не только «месты» неонацистов за приговор суда своим сообщникам, а еще одно звено в длинной цепи террористических актов — так называемой «стратегии насилия», при помощи которой силы реакции пытаются нанести удар по демократическим институтам Италии, созданным на Апеннинских останках страха и насилия с тем, чтобы добиться прихода к власти «сильного» правительства, способного «навести порядок» по уже печально известным в истории Италии рецептам.

«Стратегия насилия» была впервые пущена в ход 12 декабря 1969 года, когда в результате взрыва бомбы в помещении сельскохозяй-

Э. Берлингуэр назвал левых в одном из своих выступлений «новыми фашистами».

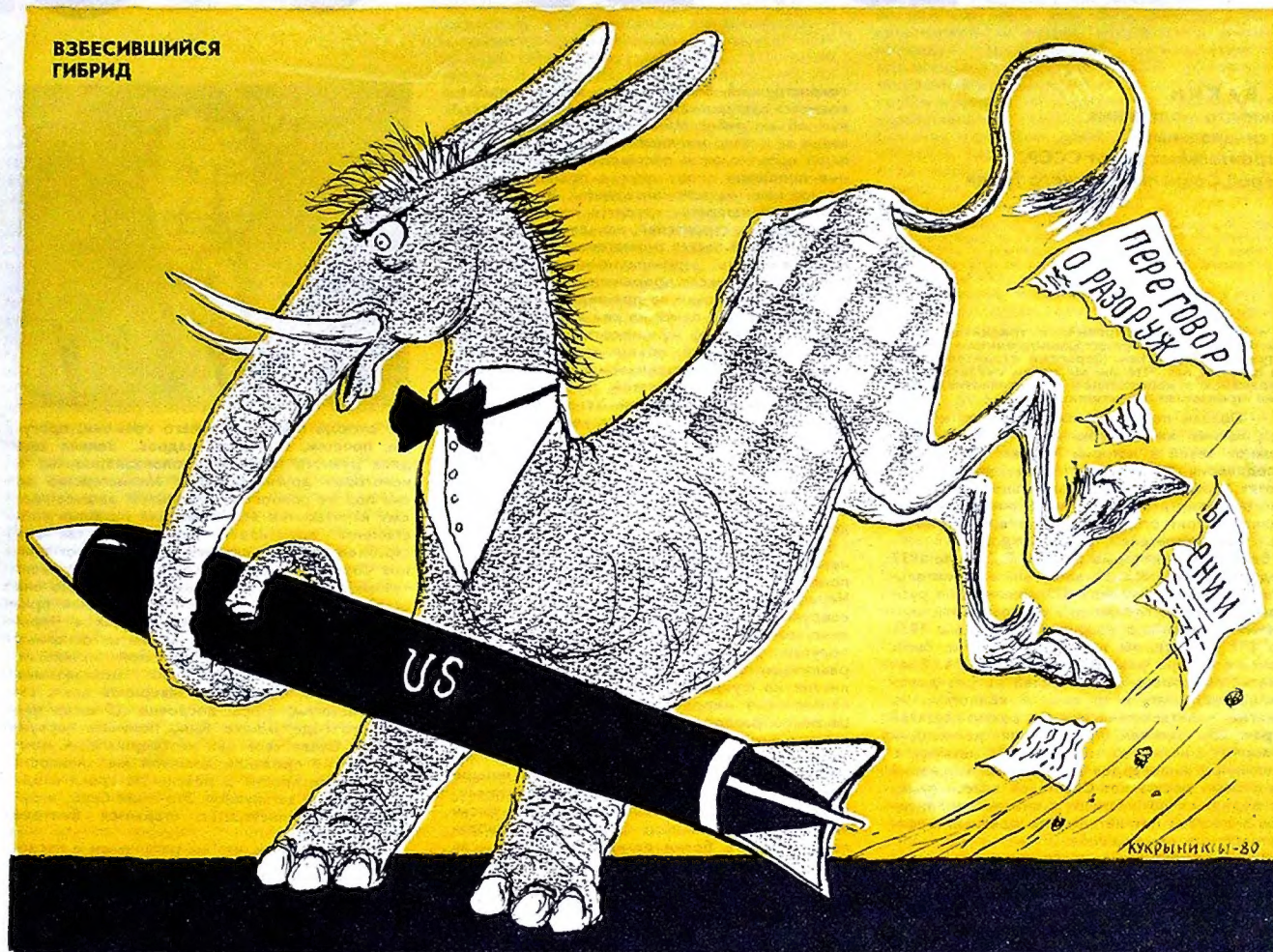
Есть немало оснований полагать, что чудовищное преступление черноубашечников в Болонье, как и многие другие преступления правых и левых экстремистов в Италии, — результат широкого международного заговора. Ежедневники «Панорама», в частности, считают, что взрыв на вокзале в Болонье был подготовлен так называемым «черным интернационалом» — международ-

Сравнение основных положений предвыборных программ демократов и республиканцев показывает, что под крики о «советской угрозе» и те и другие в угоду военно-промышленному комплексу состязаются в том, кто подведет больше ядерных мин под основные элементы международной безопасности.

Из газет

(Символом демократической партии является осел, а республиканской партии — слон)

ВЗБЕСИВШИЙСЯ ГИБРИД

Лягается взбесившийся гибрид,
К войне пробить лазейку норовит.

Дм. Демин

Рис. КУКУРИНИКОВС

Моро. И именно здесь мы, по всей вероятности, подходим ближе всего к пониманию подлинных причин захлестывающего Италию терроризма. Известно, что Моро был одним из основных в ХДП сторонников сотрудничества с компартией, а похищен он был именно в тот день, когда итальянский парламент собирался обсуждать важнейший для страны вопрос об участии коммунистов в парламентском большинстве.

Как здесь не вспомнить о том, что является наиболее активным и самым могущественным противником усиления влияния коммунистов в Италии — Соединенных Штатах, которые в течение всего послевоенного периода систематически вмешиваются во внутреннюю политическую жизнь этой страны! Ведь еще в 70-е годы были преданы гласности «План 10-Г» и план «100-1», которые подтверждали, что США на случай «чрезвычайных обстоятельств» сохраняют за собой «право» своими собственными вооруженными силами подавлять на территории стран — членов НАТО любое движение,

«угрожающее стратегическим интересам США». В опубликованном в 1978 году заявлении Госдепартамента США говорилось, что Вашингтон «не одобряет» участия компартий в правительствах стран Западной Европы. Таким образом, ясно по крайней мере одно: задачи, которые ставят перед собой в Италии неонацисты, «левые» экстремисты и реакционные круги США, совпадают. Все они пытаются блокировать возможность демократического сдвига на внутриполитической арене, любой ценой не допустить компартию к участию в правительстве — даже ценой убийств, террора и провокаций.

Не случайно, что усилившиеся сейчас попытки дестабилизировать положение в Италии совпали по времени с провозглашением США новой ядерной стратегии, в которой итальянской стороне отводится важная роль. Ведь именно в итальянских портах базируются американские авианосцы и ядерные подводные лодки, и именно

на Апеннинских стратегиях из Пентагона планируют разместить значительную часть новых ядерных ракет средней дальности. Ясно, что для обеспечения и сохранения в Италии своих стратегических позиций США хотят иметь в этой стране «попкорное» правительство, готовые использовать все средства и не допустить нежелательных для себя перемен. Здесь можно вспомнить, что итальянская печать не раз выдвигала предположения о том, что к совершению террористических акций причастно Центральное разведывательное управление США.

На Апеннинских сохраняется сейчас очень сложное положение. В последние дни в редакции ряда итальянских газет последовали телефонные звонки, в которых от имени террористических групп неонацистов содержались угрозы совершить новые покушения и взрывы. Демократическая Италия бдительно следит за происходящими реакциями, и нет никакого сомнения

в том, что все попытки экстремистов и реакции расколоть единство демократических сил, нанести удар по республиканским учреждениям обречены на провал. Подтверждение этой уверенности — мощная волна протестов против фашистского террора, которая охватила страну после взрыва в Болонье. По призыву демократических профсоюзов в Италии была проведена всеобщая забастовка протеста, прошли массовые демонстрации и митинги, в которых приняли участие сотни тысяч итальянцев. В итальянском парламенте состоялись чрезвычайные дебаты, которые показали, что все партии решительно осуждают злодейское преступление чернорубашечников и требуют принятия решительных мер по пресечению их подрывных происков. Эхо взрыва в Болонье звучит для итальянских демократов как набатный призыв к бдительности, сплочению рядов, решительному отпору наступлению реакции.

Б. БАКИН,
министр монтажных
и специальных
строительных работ СССР,
Герой Социалистического Труда

— Борис Владимирович, в тридцатые годы вы были рабочим-электромонтажником на сооружении Магнитки. Дорогами строителей иде-те десятилетия. Что бы вы могли сказать о тех переменах в капитальном строительстве, которые произошли на ваших глазах?

— Позади почти десять пятилеток, и каждая из них имела свою меру высоты, была важной вехой в истории Родины. Сегодня, в преддверии XXVI съезда партии, который наметит дальнейшие пути социально-экономического развития страны — на одиннадцатую пятилетку, стоит оглянуться на те высоты, которые нам, строителям, удалось одолеть.

Вспомним некоторые цифры. С 1918 по 1977 год сумма капитальных вложений в строительство составила триллион 575 миллиардов рублей. Причем от пятилетки к пятилетке эти вложения непрерывно возрастали. Только с 1951 по 1975 год темпы их прироста у нас были почти в четыре раза выше, чем в США. Специалистам нашего министерства не раз доводилось встречаться со своими коллегами из многих капиталистических и развивающихся стран. «Вы великая строительная держава», говорили многие из них, — если с четырех с половиной миллиардов капитальных вложений за первые десять лет Советской власти сумели подняться до шестистот с лишним миллиардов в десятой пятилетке. Это признание свидетельствует само за себя.

За десять пятилеток у нас построено и восстановлено более сорока пяти тысяч крупных промышленных предприятий. Таких темпов не знает ни одна развитая капиталистическая держава. Днепрогэс и Магнитка, Челябинский тракторный и «Запорожсталь», Московское метро и Новотатгильский металлургический, Уфимский нефтеперерабатывающий и Краматорский завод тяжелого машиностроения — вот они, «визитные карточки», наших довоенных пятилеток, по которым мир знакомился с «шагами саженцами» молодого Советского государства. А потом стало делом привычным, что на земле советской появились: первая в мире атомная электростанция, уникальная по масштабам Красноярская ГЭС, самая высокопроизводительная в мире доменная печь в Кривом Роге, крупнейший в Европе прокатный стан в Липецке... Это уже были «визитные карточки» послевоенных пятилеток, которые вместе с первыми пятилетками стали, по словам товарища Л. И. Брежнева, замечательными главами одной великой книги, повествующей о героическом труде нашего народа во имя социализма и коммунизма. Эти успехи сделались возможными благодаря созданию в стране мощной строительной индустрии, оснащенной высокопроизводительными машинами и механизмами, которые поступили на вооружение квалифицированных кадров строителей и монтажников.

— А если перейти к перемене в вашей отрасли? Как изменилось «лицо» Минмонтажспецстроя за последние годы?

— Министерство монтажных и специальных строительных работ СССР было создано в 1957 году. Через три года объем всех его работ составил один миллиард девяносто два миллиона рублей. В коллективе тогда трудилось менее четырехсот тысяч человек. Мы изготавливали около девяти тысяч тонн метал-

локонструкций, большая часть которых производилась кустарным способом. Теперь ежегодный объем работ Минмонтажспецстроя перевалил за девять миллиардов рублей. Наши заводы производят и поставляют на строительные площадки около двух с половиной миллионов тонн металлоконструкций. В подразделениях министерства трудятся почти миллион монтажников, строителей, наладчиков, инженеров, ученых. В состав министерства входят двести двенадцать строительного-монтажных трестов, свыше трехсот промышленных предприятий, которые только за прошедший год выпустили продукции почти на два миллиарда рублей, что примерно на четверть больше, чем в 1975 году. Годовой объем строительного-монтажных работ, выполняемый нашими подразделениями, с начала десятой пятилетки вырос почти на миллиард рублей. Успешно развивается собственная производственная база. У нас построены свои заводы по производству металлических конструкций и ряд других предприятий, оснащенных высокопроизводительным оборудованием. Здесь действует более ста автоматизированных и механизированных линий.

Наши монтажники и рационализаторы чуть ли не каждый месяц бьют рекорды по поднятию промышленных тяжестей. Так, на Череповецком металлургическом заводе, где сооружается кислородно-конвертерный комплекс, конвертеры собирали в блоки весом до полутора тысяч тонн, а затем с помощью гидравлического устройства доставляли и устанавливали на фундамент. Таких методов сборки конвертеров мировая практика еще не знает. Широкое распространение на стройках десятой пятилетки получила выверка фундаментов с помощью лазеров. Уверенно входят в жизнь стеклянные трубопроводы. Только за четыре года нынешней пятилетки нашими монтажниками было смонтировано тринадцать тысяч километров стеклянного «русла», что позволило сэкономить более пятидесяти двух тысяч тонн стальных труб. Все это шаги наших пятилеток.

— Ваш рассказ будет, несомненно, с большим удовлетворением воспринят читателями, но есть в почти журнале из письма, где речь идет о так называемой «незавершенке», оставании от графика пусковых строек. Что вы скажете по этому поводу?

— Прежде всего хочу заметить, что много очень важных строительных объектов мы начинали и завершали строго по графику, а то и с опережением. Вот, например, Ново-Липецкий металлургический завод. Меньше чем за два года, точно в срок здесь была сооружена и введена в строй крупнейшая в Европе доменная печь № 6, рассчитанная на ежегодную выплавку двух миллионов тонн чугуна. Там же, в Липецке, своевременно был сдан уникальный прокатный стан. Уже в этом году его мощность должна быть доведена до полутора миллионов тонн стального листа. Строители вправе гордиться сооруженными в Оренбурге газоперерабатывающим заводом, современным комплексом по производству нитрильной кислоты на саратовском производственном объединении «Нитрон», комплексом по производству аммиака в Черкасском производственном объединении «Азот», главным корпусом «Атомаша», КамАЗом. Аналогичных примеров много.

И тем не менее проблема пусковых строек, своевременного их завершения остается для нас одной из самых острых.

— Если говорить о вашем министерстве, то в чем вы видите причины отставания некоторых пусковых строек от графика?

— Монтажники — народ самокритичный. Мы можем смело сказать, что не всегда еще у нас концентрируются ресурсы на главных объектах. Я имею в виду не только механизмы, но и людские ресурсы. В ряде управлений, трестов не на должном уровне организация тру-

да, отсюда потери рабочего времени, прогулы, простой, текучесть кадров. Велика еще доля ручного труда на теплоизоляционных и некоторых других работах. Министерство до сих пор не полностью использует выделенные ему капитальные вложения для развития собственной производственной базы, так как строители в ряде случаев не выполняют планов возведения этих объектов. Порой у монтажников отсутствует инициатива там, где она особенно необходима. Вот характерный пример. Кислородно-конвертерный цех в Череповце по праву считается одним из основных объектов на стройках десятой пятилетки. Строители, готовившие для монтажников фронт работ, пообещали завершить его с таким расчетом, чтобы досрочно, 25 июня нынешнего года, можно было получить первую плавку. Слово свое они не сдержали. А монтажники не проявили должной настойчивости и требовательности. В результате сроки ввода цеха в строй затянулись. Это наши беды, и руководство министерства старается быстрее одолеть их.

— Судя по тому, что вы рассказали о пусковой стройке в Череповце, монтажники зачастую оказываются в зависимом положении?

— В восьмидесяти случаях из ста. Всем известно, что строители выполняют работы нулевого цикла — сооружают фундаменты, прокладывают подземные коммуникации, дороги, а в некоторых случаях и возводят коробки зданий, которые монтажники «начинают» технологическим и прочим оборудованием.

Как говорится, кесарю кесарево! Однако давайте посмотрим, что значит сегодня смонтировать и отладить оборудование современного предприятия? Это не просто «раставить мебель в доме». Количество сложнейших технологических агрегатов, электродвигателей, станков, всевозможных приборов автоматизации и управления, ЭВМ на нынешнем промышленном комплексе измеряется тысячами. Все их надлежит связать в единую технологическую линию: соединить трубопроводами, оснастить контрольно-измерительными приборами, подвести электроэнергию. Затем надо испытать каждый аппарат в отдельности, одновременно проверить надежность всей многокилометровой технологической цепочки. Одним словом, с тех пор, когда демонтировался фильм «Высота», профессия монтажника заметно преобразилась. Теперь она требует от человека не только смелости, умения, но и технической эрудиции, знания многих отраслей народного хозяйства, а зачастую и владения иностранным языком. Ведь сплошь и рядом нашим людям приходится иметь дело с импортным оборудованием и документацией. С гордостью могу сказать — таких специалистов у нас тысячи! Но, к сожалению, работать им приходится порой по системе авралов. А причина в том, что строительные коллективы опаздывают со сдачей помещений под установку технологического оборудования. В результате монтажники, нарушая все строитель-

ТА

ные нормы, идут на неподготовленные объекты. Ради сокращения сроков их сдачи в несколько раз увеличивают число рабочих, занимающихся монтажом. Это, конечно, отрицательно сказывается не только на росте производительности труда, но и на других экономических показателях.

В задачу наших подразделений входит также монтаж каркасов промышленных зданий, сборка кожухов доменных печей, возведение шаровых резервуаров, эстакад, установка радиорелейных и телевизионных мачт. Специализированные организации министерства в сложных гидрологических условиях проходят шахтные столбы, возводят высокие железобетонные сооружения — градирни, дымовые и вентиляционные трубы высотой до 420 метров. Наши подразделения занимаются устройством плотин, каналов, применяя для этого «взрывы в мирных целях», и ведут многие другие работы.

И тут мы постоянно сталкиваемся с проблемой зависимости монтажников от строителей, поставщиков оборудования, транспортников. Сегодня из-за несвоевременного возведения фундаментов на некоторых строительных площадках скопилось около полумиллиона тонн несмонтированных конструкций. Чтобы читателям «Огонька» стала зримой эта цифра, добавлю: при строительстве БАЗа было смонтировано всего 140 тысяч тонн металлоконструкций, а на КамАЗе — около 450 тысяч тонн.

В значительной степени сроки ввода в строй различных сооружений зависят от своевременного обеспечения их технологическим оборудованием. Нередки случаи, когда оборудование приходит на строительную площадку в тот месяц, когда, скажем, предприятие уже должно начать действовать. Вот и начинается аврал. Или поставка металлопроката. Наши заводы, изготавливающие стальные конструкции, получают его либо с большим опозданием, либо не того профиля. И получается — стены есть из чего монтировать, а перекрытий нет.

К концу года поставщики наконец раскочуются и заводы получат металл. В спешке, иной раз в ущерб качеству выйдут недостающие конструкции для перекрытий, и все складывается, как в пословице: «Хоть пой, хоть плачь, хоть впавай, хоть вскачь». Но тут скажи не скажи, а далеко не укажешь, когда остались считанные дни до ввода очередной мощности.

— Но ведь не по злой же воле поставщики задерживают доставку металла. Есть какая-то объективная причина?

— Основная причина, порождающая все трудности, — недостаточная сбалансированность планов капитального строительства с планами других отраслей народного хозяйства. Особо это касается проблемы обеспечения металлом. Если четверть века назад индустриальные конструкции только входили в моду, а промышленные предприятия главным образом возводились из бетона и кирпича, то сегодня удельный вес металлоконструкций преобладает над всем остальным. Наши специалисты ежегодно монтируют около четырех миллионов тонн металлических конструкций. У нас создана новая отрасль строительной индустрии — производство легких металлических конструкций. Они позволяют не только сократить сроки пуска предприятий, но и значительно снизить расход металла и вес зданий, а следовательно, и транспортные расходы. Однако мощности этих заводов используются только на шестьдесят — семьдесят процентов. И все потому, что эти конструкции медленно внедряются в проекты и, как всякая новая техника, нуждаются в специальных металлах. А их-то нам хронически и не хватает. Вот и получается: несбалансированные поставки металла приводят к потере не только времени, но и больших государственных средств. Подсчитано, например, что несвоевременный

ввод новых мощностей хотя бы на месяц приводит к потере в целом по стране более двух миллиардов рублей.

— Что же нужно сделать, чтобы резко сократить «незавершенку», ускорить темпы работ на стройках?

— На первое место я бы поставил проблему повышения плановой дисциплины. Это относится и к строительным организациям, и к министерствам-заказчикам. Возьмем конкретный пример. Государственные нормы предписывают, чтобы к началу пускового года было выполнено 60—70 процентов всего объема строительно-монтажных работ. Золотое требование! Однако с огорчением приходится констатировать, что и в прошлом году и в нынешнем отдельные министерства — наши генеральные подрядчики — по ряду причин выполнили вдвое меньше работ на завершаемых объектах, чем установлено планом. Это не может не тревожить. Стоит сказать и о том, что в силу сложившегося порочного правила пуск объектов по годам пятилетки распределен неравномерно. В десятой пятилетке нам предстоит построить заводы плодородия общей мощностью 54 миллиона тонн минеральных удобрений. Плюс сырьевая база — производство аммиака, кислоты и т. д. Программа чрезвычайно сложная, потребовавшая невероятной затраты энергии и сил. И все потому, что на первые два года пятилетки было запланировано увеличить мощность на 12 миллионов тонн, а в последующие — чуть ли не в четыре раза больше.

И еще одна острая проблема — техническая документация. Получил мы ее своевременно, и большинство объектов плодородия были бы сданы с опережением сроков. Однако даже тогда, когда дело касалось типовых проектов производства азотной кислоты, аммиака, то и здесь были задержки по вине проектных институтов, промышленных министерств, которые занимались корректировкой технологической документации в ходе сооружения объектов. В итоге нарушался ритм строительства, выполнялся большой объем дополнительных работ.

И еще одно. Чтобы улучшить обеспечение строите- технологическим оборудованием, надо «централизовать» ответственность за его комплектную поставку. Сегодня этим вопросом в основном ведают всевозможные организации Госнаба Союза ССР. По нашему мнению, полную ответственность за обеспечение строите- оборудованием следует возложить на отраслевые министерства-заказчики.

Пора наконец ввести железное правило, по которому каждый поставщик, исполнитель не- сет ответственность за соблюдение принятых графиков и последовательность работ так же, как за соблюдение проекта и технических условий. Нужно разработать строгие санкции за срыв графиков. У монтажников есть девиз: «Жесткая производственная дисциплина — основа сокращения сроков строительства». Об этом говорил на ноябрьском (1979 г.) плену- ме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «...Дис- цiplina и порядок нужны всегда. Ныне же, когда гигантский взоросли масштабы хозяйст- вования, когда сеть экономических взаимосвязей становится все более сложной, густой и разветвленной, они нужны особенно. И не только слова о дисциплине. Не только призы- вы к порядку. А прежде всего — кропотливая, повседневная организаторская работа, четкая проверка исполнения, гибкая, продуманная кадровая политика».

Жизнь ставит перед нами много проблем, которые надо решать сразу, без проволочек. Останавливаться и ждать чьей-то помощи не в наших правилах. Вот такую позицию высо- кой гражданской активности и занимает боль- шинство наших коллективов. Все это я говорю для того, чтобы у читателей «Огонька» не сложилось впечатление, будто специалисты Мин- монтажспецстроя сидят сложа руки и ждут у моря погоды. Нас очень беспокоит: как там идут дела на стыках? Мы-то хорошо знаем це- ну крепкого, надежного стыка и активно втор- гаемся в смежные сферы, пытаемся наладить деловые отношения и со строителями, и с за- казчиками, и с поставщиками. В девяносто случаях из ста идем им навстречу, помога- ем решать общие задачи. К сожалению, не всегда в наших силах решить ту или иную проблему.

Известно, например, что тепловая изоляция

технологического оборудования трубопрово- дов, которым занимаются специалисты отрас- ли, дает реальный резерв снижения расхода топлива. Учитывая, что с каждым годом воз- растают объемы капитального строительства и есть тенденция к размещению всевозможных аппаратов под открытым небом, обогреть которые нам ни к чему, было решено повы- сить качество и снизить трудоемкость тепло- изоляции. Министерство промышленности строительных материалов СССР, обязавшее обеспечивать монтажников «одеждой» для труб и агрегатов, не справляется с нашими все- возрастающими требованиями. Помочь ему в решении этой задачи должно Министерство хи- мической промышленности СССР. Как только будет решен этот вопрос, страна получит эконо- миию не только в стальном листе и алюминии, но и в миллионах рублей.

— До конца года остается немногим более трех месяцев — самая жаркая пора у строи- телей. Что вы можете сказать сегодня о вводе новых мощностей? Как монтажники готовятся встретить XXVI съезд партии?

— Основные мощности, намеченные к пус- ку в завершающем году пятилетки, мы сдадим в срок. В первую очередь это относится к ис- лородно-конвертерному цеху в Череповце, второй очереди КамАЗа, Абхазскому ваго- норемонтному заводу, производству этилена в городе Костове, дополнительным мощностям на «Атоммаше». Нашим подарком XXVI съезду КПСС станет Надеждинский металлургиче- ский завод в Норильске, Кембавский горно- обогатительный комбинат на Урале, капролак- тамовое производство в Чирчике, Бухарский хлопчатобумажный комбинат, молочный завод во Владивостоке...

Всего в завершающем году пятилетки бу- дет сдано около восьмисот предприятий, по- чти половина которых особо важна для народ- ного хозяйства. Как видите, география работ наших подразделений — вся страна.

Пятьдесят три треста, около четырехсот мон- тажных управлений, почти две тысячи участ- ков, более пятидесяти цехов и свыше десяти тысяч бригад обязались досрочно выполнить план 1980 года. Восемь тысяч бригад приняли обязательства досрочно завершить задания десятой пятилетки. Великолепными произво- дственными показателями встречает XXVI съезд партии коллектив треста «Южтехмонтаж», который выполнил пятилетнее задание по объе- му строительно-монтажных работ к Дню строителя. Пересмотрел свои обязательства коллектив треста «Белгородстальконструкция», который обязался завершить пятилетний план к 7 ноября. На месяц раньше намеченного сро- ка коллектив треста «Уралметаллургмонтаж» дал слово закончить работу на первой оче- редь завода сварных металлоконструкций в го- роде Верхняя Пышма.

— Начав свою трудовую жизнь монтажни- ком, вы объездили всю страну и сейчас, бу- дучи министром, часто бываете на стройках в самых дальних уголках Родины. Что заста- вляет человека оставлять свой дом, близких лю- дей и ехать за тридевять земель, чтобы стро- ить новые города, заводы, шахты, мосты, эста- кады?

— Человеку, особенно молодому, всегда бы- ло свойственно желание самоутвердиться, ис- пытать характер, волю. Одним словом, найти место в жизни. Не «хоча к перемени мест» двигает интересами человека, а скорее же- лание продолжить дело отцов, стремление сли- ть воедино свою биографию с биографией Ро- дины. Одним словом, чувство причастности к большому делу — делу всей страны — и есть тот основной мотив, что зовет людей в доро- гу.

К тому же сегодня до неузнаваемости изме- нилось само понятие монтажник, строитель. Это уже не «работяга», а Рабочий с большой буквы. У него не только отменное масте- рство, но и широкий кругозор, завидные интере- сы. Он нужен везде: в тайге, где монтируют- ся первые мосты, в городе, который только начинается, далеко на севере, где рождает- ся шахта, и на юге, где прокладывается оро- сительная система. И везде монтажники чув- ствуют себя первопроходцами, людьми, нуж- ными человечеству. А это и есть высшая на- града для них. Ведь еще Горький говорил: «Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужным и близким людям».

Беседу вел В. ЗАЦЕЕВ

ПРИНАДЛЕЖИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

«Ибн Сина, благодаря значению его творчества и трудов, принадлежит всему человечеству» — так сказано в Обращении Всемирного Совета Мира по поводу тысячелетнего юбилея гениального философа и ученого, врача, математика и поэта средневекового Востока. «Память об Авиценне — выдающаяся ученно-энциклопедисте, борце за разум и прогресс дорога для советских людей и всего передового человечества», — отметил председатель Всесоюзного оргкомитета по прове-

Абид САДЫКОВ,
президент АН
Узбекской ССР

У современника Абу Али ибн Сины замечательного поэта Фирдоуси есть такие стихи:

Все в мире покроется пылью забвенья.
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья,
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетия, не зная конца!

Ибн Сина был и героем и мудрецом и поэтому дважды заслужил бессмертие. Именно эти черты в нем особенно дороги мне как естествоиспытателю.

Появление в Средней Азии такого гиганта средневековой мысли, как Ибн Сина, — не случайность. Оно было подготовлено подъемом науки и культуры в Средней Азии в IX—X веках, обусловленным бурным развитием производительных сил во всех сферах экономики, ростом градостроительства и торговли, образованием крупнейших местных культурных центров, таких, как Бухара, Самарканд, Гургандж, Кят, Мерв и другие. В это время среднеазиатская наука выдвигается на первое место не только на Востоке, но и в мировых масштабах.

Для примера достаточно сказать, что Средняя Азия дала мировой науке таких величайших ученых, как аль-Хорезми, труды которого легли в основу алгебры и десятичной позиционной системы нумерации, крупнейший астроном аль-Фергани, гениальные энциклопедисты аль-Фараби и Абу Рейхан Бируни и, наконец, Абу Али ибн Сина.

Мудрость и героизм необходимы тому, кто осмеливается раскрывать законы природы, проникать мыслью в неизведанное. Печать мудрости и героизма лежит на каждом поступке, на каждой странице книг великого ученого-гуманиста.

Вот Ибн Сина еще юноша, почти мальчик, вместе со старым врачом Комари ночью тайно вскрывают труп умершего от неизвестной тогда болезни (приступ аппендицита) человека. Закон под страхом смерти запрещает это делать. Но естествоиспытатель не может поступить иначе...

Вот он уже в зените славы, переодетый в бедное платье дервиша, тайно бежит из Хорезма через пески Каракумов, не желая служить могущественному султану Махмуду Газневи, злобному и хитрому человеку. Всю жизнь преследовал ученого жестокий властитель, но так и не смог заставить того смириться, появиться с поклоном при дворе.

Вот во время своего недолгого визита, не боясь гнева всех властей имущих, Ибн Сина предлагает реформы, в которых предусматривается освобождение крестьян от налогов, сокращение войска и посылка освобожденных людей на строительство оросительных каналов, создание медресе и домов исцеления — больниц. И это почти тысячелетие назад!

Таким же отважным и мудрым был Ибн Сина в науке. Да нет, не таким же, в стократ более! Чтобы создать только один из трудов — «Канон врачебной науки», требовались титанический труд, смелость и глубина мысли, мудрость и доброта сердца. И сегодня эта работа для всех ученых — родник мудрости, знаний, опыта, наконец, высокий пример нравственности врача и естествоиспытателя.

Особенно велики заслуги Ибн Сины в области медицины. Его справедливо считают одним из величайших ученых-медиков в истории человечества. Гениальность его как врача многогранна.

В «Каноне врачебной науки» Ибн Сина подытожил результаты развития медицины и изложил собственные достижения в этой области.

Работа эта состоит из пяти книг. В первой книге дана общая теория медицины. В четырех ее разделах рассматриваются анатомия и физиология человека, излагается учение о причинах болезней и о самих болезнях и их симптомах.

Вторая книга посвящена фармакологии. В ней описываются «простые» лекарства растительного, минерального и животного происхождения — всего 811 названий. Третья книга посвящена частной патологии и терапии. В ней рассматриваются болезни головы, нервов, глаза, уха, легких, желудка, кишечника, печени и других органов человеческого тела.

Четвертая книга посвящена хирургии, травматологии, лихорадкам, язвам, опухолям, гнойным воспалениям, нарывам, ожогам, токсикологии и косметике.

В пятой книге даются рецепты различных сложных лекарств и описываются противоядия.

До конца XVII века преподавание медицины во всех старейших

университетах шло «по Авиценне» (так называли Ибн Сину в Европе). Лечебники и травники Древней Руси тоже дают рецепты по «Ависену».

«Канон» был переведен впервые на латинский язык в XII веке Герардом из Кремоны. С введением в Европе книгопечатания он вошел в XV веке в число первопечатных книг и полностью или фрагментарно издавался около 40 раз. Однако до последнего времени полных переводов «Канона» на современные языки не существовало. Для ученых-востоковедов казались непреодолимыми трудностями и огромный объем работы и специфика научного языка Ибн Сины, особенно терминологии, и сложность содержания, которое глубоко и верно понять востоковеду без помощи специалистов-медиков невозможно. Впервые в мире эта задача была решена комплексными усилиями группы сотрудников Института востоковедения Академии наук Узбекистана и специалистов в области истории медицины из Москвы и Ташкента: в период с 1954 по 1962 год «Канон» был опубликован полностью в русском и узбекском переводах издательства Академии наук Узбекской ССР (ныне издательство «Фан»).

В связи с 1000-летием со дня рождения Ибн Сины тем же институтом осуществляется второе издание русского и узбекского переводов «Канона», в котором значительно уточнен перевод отдельных медицинских и лекарственных терминов.

Помимо «Канона», до нас дошло еще около 30 медицинских трудов Ибн Сины и около 25 приписываемых ему, авторство которых требует уточнения. Перечислю наиболее значительные из них. «Сердечные лекарства». Это специальный труд о болезнях сердца и средствах их лечения. Он был написан в 1015 году. Интересно, что Ибн Сина связывает сердечную деятельность с душевным состоянием человека, и ряд глав этого трактата посвящен психологии.

В отличие от распространенного в его эпоху убеждения, что психические заболевания — следствие воздействия потусторонних сил, Ибн Сина считал, что они вызваны реальными причинами, а именно расстройством деятельности органов больного.

Ибн Сина может быть признан одним из величайших хирургов своего времени. Он описывает сложнейшие операции на глазах, методы лечения травм черепа, самые различные операции. Один из способов вправления плеча при

вывихе до сих пор носит в хирургии название «способ Авиценны».

Велик вклад средневекового ученого и в развитие лекарствоведения. Одним из первых он ввел в медицинскую практику такие широко распространенные теперь медикаменты, как александрийский лист, ревен, камфора. Многие открытые им лечебные средства считались незаменимыми на протяжении нескольких веков, а некоторые из них употребляются и в настоящее время. Например, мумие, которое находят у современных врачей все более и более широкое признание, особенно при лечении травм.

Он занимался физикой, астрономией, математикой, минералогией... И везде, чего бы ни касалась его мысль, он совершал буквально революцию.

«Китаб-уш-шифа» — так называется еще одна многотомная работа ученого: «Книга исцеления души». В ней собраны знания по геологии, геофизике, астрономии, метеорологии, физике, оптике, химии, зоологии, ботанике. Только знание может дать человеку исцеление — считает философ-гуманист.

Как химик не могу не остановиться и на том наследии, которое Ибн Сина оставил нам, хотя специально он химией не занимался. Однако со многими химическими реакциями он имел дело: ведь они необходимы для приготовления сложных лекарств, а в числе препаратов, описанных им, количество компонентов доходило до 30—40.

В то время в мире господствовала алхимия. Авиценна же не только избегал ее влияния, но и (опыт-таки почти тысячу лет назад!) выступил с резкой некомпromиссной ее критикой.

«...Алхимия отстает от природы и не может достигать ее, хотя и очень старается. Что касается претензий алхимиков, то необходимо знать, что они не в состоянии произвести какое-нибудь действительное изменение видов. Они могут делать хорошее подражание, окрашивая красный металл в белый

■ Памятник Абу Али ибн Сине на его родине в Афшане * В музее * Авиценна лечит больного. Копия с Гератской миниатюры 1431 года, недавно изготовленная в Таджикистане. * Средневековые списки трудов Ибн Сины.

Фото А. КУЛЕШОВА

цвет, так, что он будет похож на серебро, или же в желтый, чтобы он напоминал золото... Однако сущность этих металлов остается при этом неизменной», — пишет он в своей «Книге исцеления».

Можно только удивляться, как много создал за свои 57 лет жизни Ибн Сина скитающийся ученый. «Книга познания», «Книга о правильном пути» и последняя, увы, пропавшая двадцатитомная «Книга справедливости». Все эти работы написаны мудрецом и героем — отважным естествоиспытателем и гражданином, жаждущим служить людям.

Накануне юбилея великого естествоиспытателя, в республике, кроме «Канона врачебной науки», выпускаются и его другие труды. В их числе «Трактат о гигиене», «Художественные произведения Ибн Сины», «Афоризмы», высказывания Ибн Сины. Ученые республики подготовили более сорока трудов, посвященных многогранному творчеству великого ученого-энциклопедиста. Огромную работу по проведению юбилея осуществляет республиканский оргкомитет, возглавляемый председателем Совета Министров республики Н. Д. Худайбердиевым.

У нас в республике большинство работ Ибн Сины сосредоточено в Институте востоковедения Узбекской АН. Их список составляет довольно внушительное число — 70 рукописей, 55 сочинений.

Среди них самым древним и значительным по своему содержанию следует считать список знаменитой медицинской энциклопедии Ибн Сины — «Канона врачебной науки». Рукопись — огромный фолиант в 289 листах — переписана в 1308—1309 годах одним переписчиком, содержит текст всех пяти книг «Канона». Рукописи «Канона» в книгохранилищах мира встречаются обычно отдельными томами, а наличие всех пяти книг в одной рукописи — явление довольно редкое. Список этот обнаружен сравнительно недавно в Андижанской области у частного владельца и приобретен институтом.

Перу великого ученого принадлежит более четырехсот работ, 95 процентов из которых написаны на арабском языке — языке науки того времени. Из них сохранилось только 240.

Сейчас в институте подготовлен аннотированный каталог рукописей трудов Ибн Сины, куда вошли описания новоприобретенных рукописей, пока неизвестных в научной литературе.

Долг ученых всего мира — объединить и умножить усилия на пути максимально широкого и глубокого освоения наследия Ибн Сины. Это будет лучшим ему памятником от благодарного человечества.

Современные издания работ великого ученого-энциклопедиста в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР. * Так выглядят сегодня поселок Афшана * Сцена из пьесы «Юности» в Таджикском молодежном театре имени М. Вахидова. В роли Авиценны — Фируз Умаров * Молодые наследники Авиценны * У нового здания хранилища рукописей Института востоковедения Академии наук Таджикской ССР.

Мухаммед АСИМОВ, президент АН Таджикской ССР

«Здесь Гиппократ, Гален и Авиценна...» — эти строки Данте из «Божественной комедии» мне прежде всего приходят на память, когда я думаю о великом Авиценне.

«Искусство врачевания лечит тело, поэзия искусство души лечит», — писал Абу Али ибн Сина. Его стихи дошли до наших дней наравне с «Канонам врачебной науки» и философскими сочинениями. Игра судьбы! Просто дань памяти великому врачу-ученому-энциклопедисту!

Нисколько. Стихи Авиценны имеют непреходящую поэтическую ценность. Потому и не потеряли своего очарования и через тысячу лет после того, как были созданы. Более того, язык трактатов Ибн Сины сегодня требует подробных комментариев. Язык стихотворения абсолютно понятен современному таджику и иранцу, если оно написано на его родном фарси-дари; арабу — если на арабском.

Возрождения впервые прочли «Поэтику» Аристотеля именно с его комментариями!

Путь поэтического слова прослеживается не так четко. И все же в комментариях к «Поэтике» Ибн Сина подчеркивал, что для античного мира основным жанром была трагедия, как для восточной поэзии лирика. И все же в философском построении «Божественной комедии» Данте большинство исследователей находят развитие идей, содержащихся в «Касыде о душе» и «Трактате о любви» Авиценны. И все же европейская куртуазная поэзия возникла под сильным восточным влиянием — не только в идейном, но и в формальном плане.

Обращение Ибн Сины к поэзии не случайность. Ведь он вырос в культурной среде Бухары, когда у всех на устах были пленительные строки Адама Рудакиса. На вечерах поэтических состязаний исполнялись песни на стихи Дакики и Шахида Балхи, в зените была слава Фирдоуси. Эту эпоху можно считать апогеем фарсоязычной поэзии Востока, а Бухара была ее Меккой.

Авиценна заметно выделяется среди своих современников-поэтов. В каждом литературном жанре, точно так же, как и в науке, он был открывателем, новатором.

Ибн Сине приписывают несколько десятков четверостиший — рубай. Некоторые, бесспорно, принадлежат его перу. Но вот что любопытно — другие приписываются одновременно и Авиценне и Омару Хайяму, непре-

стихам, причем кристально ясный и доступный. Как подлинный гуманист, Авиценна считал своим долгом пропагандировать достижения науки в доступной и привлекательной форме. «Урджужа» была переведена на латынь и неоднократно переиздавалась как приложение к «Канону». Влияние научной поэзии Авиценны на европейскую поэзию Средневековья еще не изучено, но оно несомненно.

Жанр «касыды», панегирика, в котором воспевались герои и правители, Авиценна превратил в нечто совершенно новое, доселе невиданное — в поэтическую философскую притчу. Я имею в виду «Касыду о душе», которая, к сожалению, еще мало знакома русскому читателю и опубликована лишь в Душанбе в переводе Марнанны Фофановой.

Авиценна — первооткрыватель не только в поэтических литературных жанрах, но и в прозе. Его аллегорические повести «Саламон и Абсоль», «Аттаир», «Хай ибн Якан» — тоже мост между античностью и Средневековьем, тоже находят развитие и вызывают целую серию вариаций на Востоке, даже у таких мастеров, как Аттар, Джами, Навои.

Я уже говорил о постоянном стремлении Ибн Сины осмыслить свое поэтическое творчество. Ему принадлежат слова: «Характер поэта накладывает отпечаток на его поэзию». Гордый характер Авиценны в полную силу выражен не только в дошедших до нас стихах, но и в исследованиях по поэтике и музыке. Как и его современники, Ибн Сина не от-

ДУША И СЛОВО

Он творил на двух языках. Такого было время. Некоторые историки по привычке к традиционной династической хронологии называют его временем распада государства Саманидов, а затем правления Газневидов. Другие, сторонники культурной концепции, включают время жизни Ибн Сины в период, получающий название Восточного Ренессанса.

Правы и те и другие. Правы по-разному. Но конкретные обстоятельства жизни Авиценны в 980—1037 годах все же остаются обстоятельствами его собственной жизни, тогда как жизнь его творений — одна из ярчайших вех на пути развития мировой мысли и мировой поэзии.

Европа погрязла в междоусобицах, фанатизме и кровосточных войнах. Высоты мысли, достигнутые в античную эпоху, сохраняются и развиваются на Востоке. Развиваются их главные, гуманистическое содержание. Они еще вернутся на запад, обогащенные мыслителями Востока. Такими, как Авиценна. Не показательно ли, что гуманисты Европейского

возрождения впервые прочли «Поэтику» Аристотеля именно с его комментариями!

Рубан, жанр, широко представленный в творчестве Рудакиса и его современников, приобрел свое высокое философское звучание именно под пером Авиценны. Хайям принял эстафету, а сегодня в жанре восточного катрена работают не только поэты Средней Азии и зарубежного Востока, но и немало мастеров поэзии народов нашей страны, Европы и Америки.

Нельзя сказать, что Ибн Сина был первооткрывателем научной поэзии. Он, быть может, был знаком со знаменитой поэмой Тита Лукреция Кара «О природе вещей». Но его «Урджужа» — явление совершенно новое в восточной поэзии. Это не система представлений о мире, но система представлений о человеке и его организме, о достижениях медицины и правилах гигиены. Это как бы минимальный «Канон» в

рывал один жанр от другого, более того, сам был автором десятков мелодий, изобретателем музыкальных инструментов. Но как ученый он главное внимание уделял эмоциональному воздействию поэзии и музыки на человека.

Существует легенда: чтобы скрасить долгий караванный путь в бесконечных скитаниях, Авиценна так подбирал колокольчики для верблюдов, что караванщики то впадали в печаль, то пускались в пляс. Легенда легендарной, но как основатель психотерапии Авиценна уделял немало внимания воздействию музыки на человека, стремился подобрать ее к душевному состоянию, уделял немало внимания соответствию поэтического слова музыкальной форме.

Душа Авиценны столь же велика в поэтическом слове, как и в научных исследованиях. Велика потому, что обращена она к самому главному на земле — к человеку. Потому, что вобрала в себя величайшие достижения мысли народов и вернула их развитыми и обогащенными.

ИЗ ГЛУБИ ВЕКОВ

Бюст Ибн Сины работы Ю. Атабекова, Ш. Хамидуллина, Е. Соколовой [Андижан].

Персидская литография.

Одно из средневековых европейских изображений Авиценны.

Портрет Ибн Сины работы художника И. Лисикова (1979 год, Душанбе)

В. ВАСИЛЬЕВА

Как выглядел Авиценна? До недавнего времени этого не знал никто. Внимательно вглядываясь в древнюю персидскую миниатюру с изображением Ибн Сины. Нет, не мог великий жизнелюбец, естествоиспытатель и поэт быть таким аскетом. Но и добродушный, изнеженный толстячок в кружевом жабо — так изобразил Авиценну французский средневековый художник — тоже мало похож на гордого скитальца. Может быть, Ибн Сина — этот человек, так напоминающий хитроватого преуспевающего бухарского купца? Вряд ли... Труды самого Ибн Сины и легенды о нем рисуют нам человека мудрого и отважного, прямого и справедливового. Он был государственным мужем и математиком, философом и музыкантом, поэтом, врачом. Он был добр и весел с друзьями, терпелив и ласков с больными, полон гордого достоинства с правителями.

На стол ложатся все новые и новые изображения. Средневековый ученый Востока в шалочке академика, в одежде дервиша, в богатом бухарском халате и чалме... Каждый художник видит его по-своему.

А как же выглядел великий Авиценна?

Об этом история молчит. Существовавшее тогда положение ислама запрещало писать портреты людей. Правда, враг свободомыслия ученого, жестокий и мисти-

тельный султан Газневи приказал написать портрет Ибн Сины и сжечь с него 40 копий. Не для того, чтобы увековечить своего великого современника, а чтобы найти не желавшего служить ему гордого ученого и уничтожить его. Но время, сохранившее для нас большинство трудов Ибн Сины, не сохранило этот портрет. Не описал внешний облик Авиценны и его друг, биограф и ученик Джурджани.

— Поэтому художникам, скульпторам, изображающим Ибн Сину, ничего не оставалось, как полагаться на свою интуицию, — говорит директор Института востоковедения АН Узбекистана Музаффар Мухитдинович Хайруллаев. — Только у нас в республике выявлено до сорока совсем разных миниатюр и портретов Ибн Сины. Однако теперь мы располагаем и более обоснованными данными. Большую работу по созданию скульптурного портрета великого ученого древности провели ректор Андижанского медицинского института Юсуп Атабеков, доцент Шавкат Хамидуллин и скульптор Евгений Соколова, к сожалению, ныне покойная. Но, думаю, вам лучше расскажут об этой работе в Андижане.

И вот я беседую с ректором Андижанского мединститута Юсупом Атабековым и доцентом Шавкатом Хусеиновичем Хамидуллиным. Только что мы вернулись из музея института, где находится сейчас скульптурный портрет гениального врача и мыслителя, выполненный андижанцами, который патентно-лицензионная служба Академии медицинских

наук СССР после тщательной экспертизы признала научно обоснованным. На нас смотрело гордое и мудрое лицо 57-летнего ученого, не сложенного скитаниями и преследованиями. Лицо мыслителя и поэта, страстно любящего жизнь.

— Как вы работали над портретом? — спрашиваю я.

Юсуп Атабекович и Шавкат Хусеинович раскладывают передо мной фотографии, изображения человеческого черепа, листочки с математическими формулами, чертежи, ставят на стол небольшого размера бюст Ибн Сины из голубоватого пластилина. Все это связано с многолетней кропотливой работой.

Шел 1952 год, когда в иранском городе Хамадане, где в 1037 году умер Ибн Сина, вскрыли его могилу, чтобы торжественно перенести останки ученого в мавзолей. Когда прах переносили, один из иранских ученых сделал две фотографии черепа ученого; эти снимки он послал и советским коллегам. Известный историк медицины, академик АМН СССР В. Н. Терновский составил по фотографиям анатомическое описание черепа Ибн Сины. С ценным подарком иранского ученого Владимир Николаевич ознакомил историка, антрополога и скульптора М. М. Герасимова, восстановившего по черепу внешний облик многих великих людей, живших столетия назад. Изучив снимки и используя имеющиеся размеры черепа, Михаил Михайлович сделал приблизительный графический портрет Ибн Сины в профиль. Это изображение вы видите на обложке «Огонька».

— Метод Михаила Михайловича Герасимова — реконструкция внешнего облика человека по черепу — сейчас уже достаточно хорошо отработан, — рассказывает Юсуп Атабекович. — Но все дело в том, что как раз черепа у нас и не было. Даже не было фотографий черепа анфас и всех его размеров. Требовалось найти совсем новые методы, новые пути работы.

Мне показывают фотографии черепа, испещренные чертежами, узкие вычисления, цифры. Так, используя математический анализ, ученые постепенно поворачивали череп до положения анфас. Затем, зная один размер, при помощи математических вычислений и тригонометрических приемов удалось восстановить все необходимые размеры.

— Следующим этапом работы было создание модели черепа, — продолжает рассказывать Юсуп Атабекович. — Только после этого стало возможным создание скульптурного портрета Ибн Сины.

Миллиметр за миллиметром шли ученые по пути, разработанному ранее Михаилом Михайловичем Герасимовым. Современные медики окунались в эпоху тысячелетней давности. Известно, например, описание, сделанное другом Ибн Сины, как он одевался, готовясь идти на прием к султану.

Первым, кому послали андижанцы фотографии воссозданного ими документального скульптурного портрета Авиценны, был Михаил Михайлович Герасимов. Какова же была их радость, когда в Андижан пришел ответ: «Созданный портрет мне нравится, и я рад, что мой труд был вам полезен».

АБУ АЛИ ИБН СИНА

ГАЗЕЛИ

На свете был я несколько днейков,
Прошел сквозь бурю, логово псков,
Над мудрецом смеялся и при этом
Невежду возносил до облаков.

Ничтожно льстил и гневу предавался,
Теперь душа грязнее каблучков.

И пламень, что из сердца высекал я,
Кропил слезами, как из родников.

Избавиться от дьявольских страстей я
Не в силах был, как пленник от оков.

Гулял, очей воселся не смыкая,
Но жатва — норов у нее таков,
Являясь в срок, под корень косит злаки,
Счет предъявляя без обиняков,
Пришлось пожать все то, что я посеял,
Как в мире повелось спокон веков.

Что делать? Я к своей вернулся сути,
Уйдя от суеты, как от клыков.
Где был — не знаю, а куда исчез я,
Не скажет ни один из знатоков.

Благородный муж не зря почитать привык
закон
И не должен преступать десяти запретов он.

А из этих десяти шесть запретов, говорят,
Не нарушит, хоть убей, истинный аристократ:

Черной завистью себя не унижь перед людьми,
Честен будь, чтоб о тебе не сказали: плутоват.

Хоть нагрнула нужда, не взывай к другим
с мольбой,
А когда в достатке сам, будь на помощь
тороват.

Богом всуе не клянись, стоном боль
не выдавай,
Если даже ликом стал от недуга желтоват.

Знай: не стоит этот мир и вопроса одного,
Тяжкий вздох — один конец в нем,
исполненном утрат.

Круг Каабы — свод небес, сквозь него
пройдет лишь тот,
Кто пред богом и людьми не был в жизни
виноват.

В нарды смерть играет. Мы, словно шашки
в той игре.
Мир — доска, а день и ночь — две игральные
кости, брат.

КНТИН

Ты к дружбе с каждым встречаемым
не стремишься

И тайн не поверяй кому попало,
Гони лежеца, пройдоху сторонись,
Иначе повредишь себе немало.

И воле подлеца не покорись,
Не превышай дозволенного меры,
А запятнаешь честь, как ни винись,
Как слез ни лей — слезам не будет веры.

«Темен век, — подумал я, — милосердия в нем
нет,
И давно у доброты стал подслеповатым взор.
Зодиака полный круг описали семь планет,
И великое число на тот свет с долин и гор
Благороднейших мужей за двенадцать лет
ушло
И обратно ни один не вернулся до сих пор».

...На поклонников спешишь неприязнь
обрушить ты,
Кровь из раненых сердец растеклась под стать
зари.

Из пучины жизни ты у порога своего
Вытащишь пустую сеть иль с жемчужиной
внутри?

Лжи и пагубной страсти тенета
стремись разорвать,
Поведешься с ничтожным и станешь,
как дурень, отвертат.

Но гармонию мира способен ли смертный
постичь,
Чей приход и уход для него самого непонятен?

РУБАН

Хоть на тысячу частой расщепил я волосок,
Но, как прежде до сих пор, я от истины далек.
К совершенству путь искал, не дал бог удачи
мне,
И в познаниях я себя на раскаянье обрек.

Вино — твой друг, пока тверез, а если
пьян — то враг,
Змеинный яд оно, когда напился, как дурак.
Немало может быть вреда во многом, дорогой,
А в малом прок великий есть,
что знать обязан всяк.

Когда с моим врагом мой друг находит лад,
Такого друга я оставить буду рад.
Сидевший на змее, ты мухи стерегись
И меда сторонись, попал в который яд.

Привычно иным, как охотничьим псам,
Вынюхивать тайну, что дичь по лесам.
Как пленницу, тайну храни неусыпно,
Сбежит — ее пленником станешь ты сам.

Суть в существе твоём отражена,
Не сможет долго тайной быть она,
Не потому ль, что суть любой природы
В поступке, словно в зеркале, видна.

Желанья твоего не спросит седина,
И в должный срок, как снег, появится она.
Коль хочешь скрыть ее — покрась иль
остриги,

Но что ушла она, ты сам себе не лги.

И если седины возник лишь первый след,
А ты, как от бед, кричишь за целый свет,

В смятении каком окажешься, когда
Вся голова твоя окажется седа?

Зеленую листву пленительных утех
Холодный ветер в срок срывает, как на грех.

На жизненном пути не избежать утрат
И знай, на нем цветут не только розы, брат.

Превратна наша жизнь, и лутник не один,
Уйдя, порос травой задолго до седины.

Быть алчным стерегись и, сохраняя честь,
Не требуй от судьбы ты большего, чем есть.

Знай, будит жадность в нас погубительную
страсть,
И кто охвачен ей, тому легко пропасть.

Юбилейная медаль ЮНЕСКО с портретом Абу Али ибн Сины, доктора философии, профессора, иранского поэта, доминика Мухаммеда Сидики.

Стяжатели богатств впадают в маету,
При этом обречен их дух на нищету.

Воистину из нас тот муж исполнен сил,
Кто гибельную страсть в душе своей смирил.

И счастье тот познал вдали от суеты,
Кто на мученье шел во имя правоты.

Без меры жрал и пил обжора вечер весь,
Пока не ощутил в своем желудке резь.

Обжора враг себе, а лстец — другому враг,
Он убивает нас, хотя желает благ,

Скользя по волосам, не так ли гребень вот
Из нашей головы с корнями волос рвет?

Ты прочь гони лстеца, а грешника привасть,
Когда клянется он жить благородно впредь.

И голову сломя кидаться не спеши
В тот промысел, какой тревожен для души.

Ты юношу наставь, а старика почти,
Винового юнца со злобой на шерсти.

Ты вспомни, что, когда был молод и удал,
Такие же, как он, ошибки совершал.

И юноше совет ты подавай, любя,
Но старика учить спаси господь тебя.

Совет твой для него, хоть ты в большой
чести,
Колпучка, что ладонь пронзает до кости.

Завистники во мне старались вызвать гнев,
Но я сдержал себя, его преодолел.

И в придорожный прах отбросил потому
Я каждого из них, подобного дерьму.

И не подняться им из праха никогда,
И выше звезд других возшла моя звезда.

Избавлюсь скоро от мирских кручин,
Увижу, что не видел ни один
Ни человек, ни джинн. Уйду отсюда,
Где жил, пронзаем стрелами годин.

Щит кованный они пробить могли,
Где нищему, стоящему в пыли,
Скупился поднести кусок лепешки
Иной владыке пахотной земли.

Где легкие задачи разрешали,
Но пред бедою головы теряли.

Готов больного исцелить всевышний,
В заботе этой я, как врач, не лишиний.
И в бейтах вновь, не делая секретов,
Подать обязан несколько советов:
Когда лицом больной от крови пылок,
Пивавки след поставить на затылок.

Он мало пищи должен есть мясной,
Не пить вина ни капельки одной.

А перед сном тепло не укрываться
И соком розы утром умывать.

Все исключить — от гнева до испуга —
И ворот не застегивать свой туга.

Больной, к моим прислушавшись советам,
Здоровым станет, я уверен в этом.

Завистникам дявлюсь я неспроста:
Чернят мой ум их злобные уста.
Я чист душой, не в этом ли причина
Усердия тех, чья совесть нечиста.

Пускай клеветают. Не срывают скалы
В горах рогами дикие козлы.
И не страшна невежд хула и ругань
Для юноши, чьи помыслы светлы.

Перевел с фарси
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Андрей шел домой как оглушенный. Он хотел перед Ольгой защитить Мирона, а выходит, предал его. Ощутив поцелуй на губах, этот первый девичий поцелуй, почему он радостно зашептал: «Оля... Олечка», — а не оттолкнул ее? Что она: играет с ним, как играла с Мироном, или прикоснулась своими теплыми губами к нему просто так, от движения чистой души, потому что и Мирон хороший и он, Андрей, тоже очень хороший? Понять, что же произошло, он не мог. Но он твердо знал, что теперь он сможет глядеть на Ольгу открыто, и не только из своего дальнего уголка. Он часто будет с ней и разговаривать, и вместе с ней об руку пойдет куда-нибудь далеко, и... может быть, снова она его поцелует.

И еще знал Андрей, что вот теперь наконец ему удастся нарисовать Ольгин портрет таким, каким он в мыслях ему видится. Он близко рассмотрел ее глаза и еще ближе — такое милое, нежное лицо. Губы...

коился. Он изрядно проголодался и теперь всухомыжку жевал корочку черного хлеба, оставшегося после обеда в плетеной из соломки корзиночке.

— Откуда, из какого журнала ты срисовал эту красотку? — спросила мать, веером раскладывая несколько особенно приглянувшихся ей набросков. — Или на духовом мыле я такую видела?

— А правда, мама, она очень славная? — ускользая от прямого ответа, сказал Андрей. И вместо «славная» выговорилось у него «славная», потому что красивой действительно могла быть и безымянная картинка на упаковочной бумажке туалетного мыла, а славной — только живой человек, девушка, которую знаешь по имени, и в лицо, и по характеру. И по первому с ней поцелую.

— Мордашечка миленькая у нее, прямо прелесть, — согласилась мать, с прежним добродушием разглядывая эскизы, — а вот глаза нехорошие. С хитреютой, неискренние.

— Мама, да ты что? — У Андрея сразу прорезался густой бас. — Как раз наоборот. Особенно мне ее глаза удались. Совсем как живые. И вся она...

— Так я ведь в этом, как нарисовано, ничего не понимаю, — растерянно сказала мать, — я вижу, что нарисовано. А глаза у твоей красотки, нет, не нравятся мне. Портрет они хорошенкое личико, с ним никак не сходятся.

— Ну, мама... — протянул Андрей. Но спорить не стал больше. Иначе мать начнет настоятельнее допытываться, кто это нарисован. А он и так почти договорился. — Мама, я что-то очень спать хочу.

Среди ночи он вдруг проснулся, откидывая туго сдвинувшее грудь жаркое одеяло. Ему приснилось, что он в постели был не один...

И после он долго лежал неподвижно, словно бы ожидая, не продлится ли этот сон и наяву.

Андрей стал самым прилежным посетите-

лется поскорее узнать адрес Мирона. Получалось: Ольга любит Мирона. И еще, уже вне всякой логики, получалось: ему, Андрею, необходимо видеть Ольгу каждый день и каждый день разговаривать с ней. Все равно о чем. Хотя бы и о Мироне...

А ночью он видел Ольгу во сне.

Так было, пока не пришло то страшное письмо из тайги.

Похоронив отца, Андрей долго ходил как неприкаянный. Ему в отцовской смерти виделась и какая-то собственная вина. Отца скосила весть о трагической гибели сына; а эту гибель подготовил уход Мирона в тайгу; а в тайгу Мирон ушел, потеряв веру в чистую любовь Ольги; а он, Андрей, не только оправдал поступок Ольги, он чуть не каждую ночь видит ее во сне и во сне целуется с ней.

Федор Ильич скорбно покачал головой, узнав от Андрея о тяжком горе, так внезапно свалившемся на их семью. Предложил свою помощь. Андрей отказался. Помощи никакой не надо, теперь он сам по всем статьям стал взрослым. И зарабатывает достаточно и в жизни начинает по-настоящему разбираться. Но за добрый совет, если случится в том надобность, будет всегда благодарен.

— Тогда сейчас тебе совет мой такой, — выслушав Андрея, сказал Федор Ильич, — мать береги. Ей куда тяжелей, чем тебе. С маху не сделай чего-нибудь глупого. Вот как Мирон. Хотя судить его не могу, ему до-своему было виднее.

Теперь нужно было сообщить Ольге о гибели Мирона. А как это сделать — Андрей колебался. Он проверил себя, совесть свою: не стремился ли он без Мирона сам занять его место? Это еще можно было бы простить себе по отношению к живому Мирону, решительно отвергнувшему Ольгу, но не к мертвому, память о котором у Ольги — он сознавал это — будет вечно жива.

СВИНЦОВЫЙ МОНУМЕНТ

Он все свои рассуждения переводил на Мирона, убеждая себя, что действует только в его интересах, ведь Оля и Мирон обязательно должны пожениться; а безотчетно хотел, чтобы при встрече с Ольгой она ему, и только ему, и о нем, об Андрее, говорила: «Какой ты хороший парень... И глупый...»

Домой он сразу же кинулся к полке, на которой лежала папка с его рисунками, эскизами набросками портрета Ольги. Папки на месте не оказалась. Вот так так!

— Мама, а где же... — в смятении Андрей не мог выговорить последние слова.

Мать в комнате что-то строчила на швейной машинке. Сообразив, что он ищет, откликнулась немного виновато:

— Ой, Андрюшенька, прибралась я да папочку твою нечаянно уронила. Все из нее рассыпалось, а пол был мокрый. Вот я тут по постели нашей раскидала. Давно уже вышло. Не горюй, ничего не испортилось.

Она собрала все в одну стопочку, принесла на кухню, положила на стол. Андрей успо-

лем читального зала. Теперь он брал книги уже не на абонементе, а только у Ольги, стремясь по возможности затягивать с ней разговор, но так, чтобы это никому особенно не бросалось в глаза. Потом отходил в свой уголок и срисовывал ее, мысленно приговаривая: «Адрес придет — отошлю Мирону. Однако пуда на два посылка получится». А когда приближалась пора закрывать библиотеку и читатели танулись к Ольгиному столу сдвигать взятые книги, он пристравивался в очередь самым последним. Ждал, когда же она скажет ему: «Андрюша, проводи меня до дому». Но Ольга принимала от него книгу, как от всех других, и заинтересованно спрашивала: «Понравилась?» — и лучисто улыбалась. Правда, особенно мягко пожимала ему руку, по долгу задерживала в своей. И это означало: до скорого свидания.

Сам он позвать ее пройтись с ним, куда ей захочется, никак не решался. А в каждом, даже самом маленьком разговоре непременно упоминал имя Мирона, вынуждая Ольгу сказать о нем хотя бы несколько слов. И тогда по его логике получалось: Ольге

Отец когда-то говорил, что от совести своей никуда не уйдешь и если она хоть самую малость худым поступком задета, надо, чтоб она тяжелым livestockным бревном на плечи давила. Не очень понятно было, за что мучила совесть отца, когда выходили они из тайги, истощенные, обмороженные, чудом оставшиеся в живых. Теперь это ясно Андрею. Без следа потеряли в дебрях лесных человека. Потеряли не только мертвое тело его, но и весь смысл его жизни — разведчика недр земных. И ясно, что совесть Андрея тоже замучит, если он по неумелости своей нанесет Ольге нечаянный и неоправданный тяжелый удар.

Он привык, что Ольга как-то обо всем знает все, словно бы она действительно умеет угадывать мысли на расстоянии. Так говорил Мирон. Это не раз проверял на себе и сам Андрей. Она, конечно, знает о смерти Мирона, но ведь не знает же ни о его письме, ни о письме начальника топографической партии. А Ольга теперь для него по-особенному не чужая, и от нее ничего скрывать не следует.

Андрей дождался на крыльце, когда из библиотеки выйдет последний посетитель. Уборщица хотела было набросить на дверь длинный железный крюк, но Андрей сказал умоляюще:

— Тетя Паша, я в читальный зал. И сейчас же обратно.

Важно было войти и застать Ольгу одну. А разговор, конечно, не будет коротким. Где они его проведут, пусть сама Ольга решает.

Она взглянула на него удивленно. Готовилась уходить, замыкала ящики стола, приводила в порядок картотеку, из маленького флакончика духов по капельке брала на палец и терла за ушами.

— Оля, прочитай эти письма, — сказал Андрей, понимая, что лишние слова в эту минуту совсем не нужны. — Раньше я не мог... Ну, не мог прийти. Прости меня.

Она отстранила его протянутую с письмами руку.

— Не надо, я все знаю, — сказала она. И прикрыла длинный картотечный ящик полированной крышкой.

— Мирон погиб в тайге, упал с большой высоты и разбился, — уже невнятно выговорил Андрей.

Почему же Ольга не хочет взять письма?

— Разбился, знаю, — сухо, бесстрастно сказала она. — Я здесь совершенно ни при чем.

И смотрела в сторону, мимо Андрея, на неплотную прикрытую стеклянную дверку книжного шкафа. Нетерпеливо постукивала по полу носком туфельки.

— Оля, ты, может быть, думаешь...

— Чего вы хотите от меня, Андрей? — перебила она его. — Почему я должна читать эти письма? Да, как и всякого по неосторожности погибшего человека, мне жаль вашего брата. Достаточно этого? Или вам нужно, чтобы я говорила длинные и трогательные речи? И плакала? Мирону не понравился мой смех, вам, Андрей, вряд ли понравятся мои слезы. Поймите, это мне до чертиков надоело. Взгляд у Ольги стал непреклонный и злой, и странно было Андрею видеть ее всегда такие мягкие, улыбкавшие губы сейчас словно бы втянутыми вовнутрь. — Я бы этого не сказала тебе, — она резко нажала на слово «тебе», —

если бы ты не привязывался, не прилипал ко мне еще назойливее, чем твой брат. Тем более, что ты еще мальчишка! Надеюсь, что после этого нашего разговора ты не уедешь в тайгу и там не свалишься с вышки. Говорю так потому, что добрые и вразумительные слова до тебя не дойдут, как мои шуточки не могли дойти до Мирона.

— Ольга Васильевна! — вскрикнул Андрей. И едва договорил остальное, голос дрожал и обрывался: — А Мирон так вас любил, Мирон из-за вас...

Она вдруг улыбнулась, глаза засветились обычным веселым, живым огоньком. И на Андрея повеяло запахом очень сладких духов.

— Ну ладно, не будем больше ничего выяснять. Мне это вообще не нужно. А тебе разбираться в чужих отношениях, таких, как любовь, попросту не советую. Рано еще. Зелен. И будет лучше, Андрей, если ты не будешь торчать здесь, в читальном зале, каждый вечер, воображая, что ты Рембрандт и пишешь сотый портрет своей милой Саски. Не ходи сюда больше. Это, чтобы кто-нибудь не

вскрикнул потом: «Ольга Васильевна, а он так вас любил!» Я и сама свободно выберу, кого и когда мне полюбить...

На улице было темно, только на перекрестках слабо светились фонари. Сыпалась сухая снежная крупка. Начиналась метель. Андрей не запомнил, как он выскочил из библиотеки. Шел, стиснув зубы, но ощущая, как у него по щекам против воли катятся холодные слезы, а в измученном мозгу медлительно и туго звучат вычитанные им у Льва Толстого слова, сказанные мудрейшим писателем о Катюше Масловой: «...она вернулась домой, и с этого дня в ней началась тот душевный переворот, вследствие которого она сделалась тем, чем была теперь. С этой страшной ночи она перестала верить в добро».

С этой метельной ночи Андрей перестал верить в любовь...

«...Да, опустились — они сюда на вертолете. Предприимчивый Широкопал неизвестно каким образом раздобыл его. Кажется, сочинил убедительную легенду об имеющемся у него от кого-то «сверху» распоряжении. Но так или иначе, а этот вертолет больше сюда не придет. Они должны будут своим ходом перелезть через хребет, а там спуститься на сооруженном или самими плоту до Ермачета по реке, несущей это же имя».

Герман Петрович, может быть, прав и в том, что ему, Андрею Путинцеву, медведи повсюду мерещатся. Конечно, зверь может оказаться и за любым кустом, тайга здесь очень глухая. Но разве страшны только медведи? Особенно впервые оказавшейся в тайге городской женщины. И такой молодой. Ни разу еще не побывавшей в сложных переделках.

Когда спохватились, что Даша исчезла, уже наступили сумерки. Постреляли, постучали обухами по звонким сухостойкам, а в глубь тайги не пошли. И опять-таки Герман Петрович был прав: если разбрестись в разные стороны, в темноте и еще кто-нибудь может потеряться, а идти всем скопом в одном направлении — какой же смысл? Хотя наиболее вероятное направление как раз, видимо, только одно: вниз по довольно крутому склону горы. Почему он, Андрей Путинцев, — наперекор едководушному вскрику остальных: «Не смеете этого делать!» — не пошел, отделившись от всех? Есть неписаный закон для трюнных случаев: подчиняться решению старшего в группе. А «старший», глава их группы, — теперь Широкопал, Герман Петрович. И пришлось его требованию — дожидаться утра — подчиниться.

Зенцовы зорятся и хвалятся тем, что обогрели чуть ли не весь шар земной. Именно обозрели. Передвигаясь на всех видах транспорта, кроме собственных ног. Это первый случай, когда им приходится идти пешком, да еще с тяжелой поклажей за плечами. Нет, они не хлюпки и не нытики, выносливы и жизнерадостны. И еще просто спокойны, каменно, до бездущих спокойны, а это не лучше чрезмерной возбудимости. Если бы они не помогли Широкопалу уговорить Дашу включиться в их группу, не было бы и этой тоскливой ночи. Для него, Андрея Путинцева. И для самой Дашы. Для нее эта ночь еще бесконечнее. Льет и льет дождь, он вовсе не теплый, когда от него где-то укрыться. Голодно. Вокруг повисла тревожная тишина. И совершенно непроглядный мрак. А Даша так боится темноты...

9

О том, что инспектировать уровень боевой подготовки полка будет сам командир дивизии Зыбин, знали все командиры командных составов. Но все до единого рядовые бойцы. И знали, что Зыбин — человек очень жесткий, а если в чем и щедр, так только в наказаниях провинившимся. А в понятие вины у него входили не только явные проступки и нарушения боевых уставов и устава внутренней службы, но также и плохо подполсанная гимнастерка, не снежной белизны подворотничок, затянутый шаг в строю, сбивчивый ответ на точно заданный вопрос, и так далее, и так далее. Невозможно было заранее предвидеть, к чему может придаться «каменный» командир. Красноармейцы между собой шутили, что если Зыбин не найдет в личном составе полка хотя бы каждого десятого, кото-

рому следует «впечатать» дисциплинарное взыскание, он самого себя на двадцать суток посадит на гауптвахту.

И потому добрых три-четыре недели во всех подразделениях полка царил нервная, напряженная обстановка. Стрелковые командиры стремились добиться от бойцов отличного ухода за личным оружием, меткости стрельбы — а число патронов было строго ограничено — и красивой, парадной маршировки на учебном плацу. Политруки вне обычного расписания, в свободные от занятий часы, проводили дополнительные беседы, организовывали разного рода «культурно-просветительские», выставочно-экспозиционные мероприятия боевой славы полка, следили за тем, чтобы регулярно и содержательно выпускались стенные газеты. Старшинский состав и вообще хозяйственная часть с ног сбились, чтобы раздобыть побольше вечно недостающего «материального обеспечения», высветлить казарменные помещения и особенно проследить за безупречностью санитарного состояния столовой и кухни. К этому Зыбин относился с повышенной требовательностью. Повзра уныло гадали, кому из них выпадет трудная доля дежурить в день инспекторского обхода командира.

Зыбин начал свою проверку с объявления боевой тревоги за два часа до обычного подъема и на три дня раньше, чем предполагали в полку.

Он стоял посреди учебного плаца в окружении сопровождающих его дивизионных штабных работников и подбежавших по сигналу тревоги старших командиров инспектируемого полка. Поглядывал на часы с самосветящимися стрелками и принимал рапорты о полной готовности того или иного подразделения к выполнению боевой задачи. Штабные под диктовку Зыбина записывали очередность, в какой отдавались ему рапорты. В целом результатами начальной фазы осмотра командир остался доволен. Контрольные сроки были выдержаны. Он прошелся по фронту выстроенных в шеренги рот и лично, с подсветкой карманным фонариком, проверил по несколько винтовок в каждом взводе. Заставил пять-шесть бойцов сесть прямо в снег и показать, по всем ли правилам у них подмотаны портянки. Шел и бубнил себе под нос что-то вроде: «Ничего, хм, ничего...»

Остановился, спросил шагающего рядом с ним начальника штаба:

— Да, чья рота оказалась готова последней?

Командир полка Чулков поспешил вмешаться.

— Разрешите напомнить, товарищ командир, что все роты выведены на плац и построены в пределах положенного для этого времени.

— А я спрашиваю: кто последний? — сухо чеканя слова, сказал Зыбин. — Или в вашем полку вообще не бывает последних? Все только, первый! Ваша преждевременная защита не напоминает ли вам, полковник, известную народную поговорку: «На воре шапка горит»? И Чулков пожалея о своей реплике. Так, быть может, все и прошло бы бесследно, кто его знает, в какой связи задал свой вопрос командир, а теперь командиры роты Кобцеву не миновать строгого замечания при разборе итогов объявленной боевой тревоги.

Неведомо как первоначально была задумана программа инспекционной проверки Зыбиным, но тут он приказал всему полку немедленно в походном строю направиться на полигон и провести учебные стрельбы. Чулков почувствовал, как, несмотря на легкий туманный морозец, его так и обдало горячей волной. Бойцы не доспали, не умылись, не позавтракали на месте, кто-то из них забудет схватить шанцевый инструмент или пристегнуть подсумок с боевыми патронами, походные кухни вряд ли готовы к быстрому маршу, а если даже они и успеют сварить что-то, вдруг Зыбин распорядится накоротке полк лишь по окончании стрельб. Боевая тревога есть боевая тревога, ее условия могут быть самыми неожиданными, мимирующими возможную ситуацию в действительной фронтальной обстановке. Тем более учитывая недоброе сообщение Зыбина, сделанное им по секрету лишь для состава перед самым выходом полка на полигон. А отстреляются ничего не ведающие ребята по-учебному. Вряд ли они вытнут на высокую оценку.

Опасения Чулкова подтвердились. Зыбин с ходу бросил полк на огневые рубежи. Мишень оказалась мало, стрелки подолгу томились в очереди, поглядывая на дымящиеся в отдалении кухни и подтягивая ремешки. Стреляли не совсем уж плохо, но хуже, чем на обычных полковых стрельбах. И вид у бойцов, прозябших и изголодавшихся, был далеко не браво. Зыбин хмурился. Постоял возле одного полупрофильного окопа, в сильной полевой бинокль разглядывая мишень, по которой велась стрельба.

— Так, одна за молоком, две в семерку, — проговорил он, обращаясь к Чулкову. — Неважно. Чья рота?

— Старшего лейтенанта Кобцева, товарищ командир, — ответил Чулков, думая между тем, что когда у человека не повезет, так не повезет. И все же считал необходимым добавить: — Лучшая в полку по стрельбам рота.

— Тем хуже. И стреляет не безлика рота, стреляет конкретный боец, — назидательно проговорил Зыбин, — а командует этой ротой старший лейтенант Кобцев, фамилия которого у меня уже отмечена. — Приказал: — Встать, боец Доложите.

— Рядовой первого года службы Путинцев, товарищ командир дивизии, — поднимаясь и по-уставному вытягиваясь, отпоровал Андрей. — На стрельбище третий раз. Попадания в мишень были лучше.

— «Первого года...» — проворчал Зыбин. — «Попадания были лучше...» А вы знаете, Путинцев, что белофинны начали войну против Советского Союза?

— Никак нет, товарищ командир дивизии. — Андрея ошеломило страшное слово «война».

— Это не ставлю в вину. — К Чулкову: — Объясните всему личному составу полка по возвращении в казармы. — И снова к Андрею: — А стреляете плохо. Что, если завтра придется вам выступить на защиту наших священных границ? Наше Забайкалье недалеко отстоит от Ленинграда. Страна Советская едина. Думаете о себе, Путинцев: «Я не выпал, заколочен в снег и морозе, меня тошнит от голода, — где уж тут метко стрелять?» А на войне это часто случается. Куда труднее бывает. И пули летят не только от тебя, не в одну сторону, в бумажную мишень, а и в твою сторону, в тебя, живого, летят. И стреляет настоящий живой враг, целясь точно. Кто кого. Понятно, боец Путинцев?

— Понятно, товарищ командир дивизии.

— Вольно, — проговорил Зыбин. И тут же вскрикнул: — Смирно! — показал пальцем: — А пряжка на ремне, боец Путинцев, у вас куда уползла? Чуть не на спину. Когда докладывают командиру, даже на стрельбище, надо смотреть за собой. Доложите старшине, что командир дал вам два наряда вне очереди.

Он пошел вдоль линии окопчиков, из которых велась стрельба по мишеням, плотный, прямой, в тугую перетянутую ремнями голубоватой шинели, в серой мерлушковой папахе. Снег на полигоне лежал неглубокий, перемешанный с песком низко летящими над землей забайкальскими степными ветрами. Сопровождающие Зыбина командиры старались ступать как-то так, чтобы грязный снег по возможности меньше забрасывался им на сапоги. Сам командир умел ставить шаг: — Похоже было, что он и так не по взвешенной снежной — ужасно! — по чистому выметенной ровной дорожке.

Андрей проводил его немного завистливым взглядом. Завидуя не тому, что командир и тепло одет и, наверно, не испытывает сосущего чувства голода, что он имеет право отдавать любые приказы и все будет беспрекословно их выполнять; он завидовал крепкой сбитой фигуре Зыбина, его твердому шагу, непреклонному голосу и, конечно же, необыкновенной смелости, если ему груда в грудь пришлось бы столкнуться на поле боя с врагом. Слово «война» связывалось в сознании Андрея пока только с этим зрительным впечатлением.

Настроение у Зыбина портилось. Чулков кусал губы. Как назло, когда командир останавливался у окопа и подносил бинокль к глазам, разглядывая мишень, стрелки начинали посыпать пули «за молоком». У одного из красноармейцев Зыбин обнаружил в подсумке лишнюю обойму патронов, и боец,

путаясь в словах и замирая от страха, никак не мог объяснить, откуда эта обойма у него появилась.

— Хвалю инициативу и солдатскую сметку, — сказал комдив, — хорошо, когда у бойца есть запас. Но не украденный у своего товарища либо со склада. Десять суток ареста! Горнист протрубил отбой. Зыбин скомандовал: «Обедать здесь».

Красноармейцы с котелками потянулись к походным кухням, от которых вкусно пахло горячим дымком и крепким мясным наваром. Повара, хотя и захваченные сигналом тревоги врасплох — все у них было подготовлено к раздаче в столовой, — сумели быстро приспособиться к полевым условиям, благо стрельбы изрядно затихли. Комдив подставил котелок. Отведал. Жирная, хорошо упаренная гречневая каша оказалась пересоленной...

— Правильным было бы заставить тех, кто варил эту кашу, съесть по три порции, — медленно проговорил Зыбин, — но это похоже на средневековую пытку. Полковник, вам бойцы часто жалуются на плохое приготовление пищи? Уже предвижу ответ: жалоб не было.

— Не было, товарищ комдив, — подтвердил Чулков. — Это досадная оплошность.

— Так вот, жалуются вам командиры дивизии Зыбин. А как вы относитесь к этой жалобе — дело ваше. Контролировать вас не буду. Вечером поужинаю не в комсоставской, а в красноармейской столовой. Из общего котла. Но предупреждаю: раскладка продуктов должна быть обычной. Это контролирую.

Вечером Зыбин появился на кухне за полчаса до начала раздачи. Придирчиво осмотрел всю посуду, пробуя алюминиевые бачки и миски носовым платком — чисто ли вымыты, не остался ли на них жировой налет. Заглянул в котлы, где теперь варились перловка, попробовал на вкус заварку чая — не пахнет ли березовым веником. Веником чай не пах, но и чаем тоже — еле желтенькая водичка. Комдив сморщился, но никаких замечаний не сделал. Повара здесь ни при чем. Такая норма и такой сорт чая.

Перловка, «шрапнель», хотя и достаточно уваренная, по самой природе своей была резиново туга, а у Зыбина с утра поднывали зубы, и, немного пожевав, он молча отодвинул миску с кашей в сторону. Командир полка Чулков, сидевший напротив Зыбина за столом, не разгадав, что означает жест комдива, тоже отодвинул свою миску. Этому примеру последовали и все остальные сопровождающие Зыбина штабные командиры.

— У вас, товарищи, есть собственное мнение? И собственный аппетит? — внутренне вздыхая, но тихим голосом спросил Зыбин. — Или у вас у всех, как и у меня, болят зубы?

Наступило общее замешательство. Ответить было невозможно, а промолчать — и еще хуже. Чулков, уже весь день натывавшийся на бесконечные замечания комдива и отодвинувший свою миску скорее механически, чем сознательно, готов был принять весь огонь на себя.

— Мое мнение, товарищ комдив, таково, — сказал он, придвигая миску обратно: — Каша удалась, хотя перловка никогда не отличалась популярностью у рядового и тем более командного состава. А командир полка Чулков сегодня настойчиво добивается от вас зыскивания.

Зыбин легко хлопнул ладонью по столу. Первый раз за весь день рассмеялся. Невесело, тут же гася свой смех.

— Ну как откажете командиру полка в такой просьбе? — спросил он, ни к кому из сидящих за столом напрямую не обращаясь. Помолчал, икса наблюдая, как другие тоже потянулись за своими мисками с кашей. — Нельзя отказать. Но отказываю. Поскольку Чулков сам себе уже объявил достаточно строгое зыскивание. А за одну вину два раза не наказывают. Настроение у меня, товарищ командиры, не скрою, сегодня особенно скверное. Думаю, не надо в подробностях объяснять, почему. Наша дивизия вряд ли будет направлена отсюда, из Забайкалья, в район боевых действий, но все же мы на войне. Должны ли мы стать с сегодняшнего

дня к себе еще более требовательными, чем были до сих пор? Или будем считать, что, поскольку до нас не доносятся раскаты артиллерийских залпов и мобилизация в нашем военном округе не объявлена, можно нам пребывать в счастливой убежденности, что никакие тревоги после Хасана и Халхин-Гола нас и не коснутся? — Он встал. — Заканчивайте ужин, товарищи командиры, в надежде, что дома вас жены накормят повкуснее. А инспекционная проверка продолжается. Хочу осмотреть клуб и Ленинские комнаты в казармах.

В клубе крутили фильм. Приоткрыв створку двери, Зыбин заглянул в полутьму зрительного зала, пронизанную бегающими по экрану лучами. Ударило теплотой потных тел, зал был набит до отказа, красноармейцы стояли у стен, сидели на полу. Дружно прокатывался молодой сочный хохот.

— Игорь Ильинский, — поощрительно проговорил комдив, — это правильно. А часто ли вам дают хорошие фильмы?

Начальник клуба подтвердил, что, в общем, к кинопрокату претензий нет. Только вот присылают очень изношенные, рваные ленты...

— Именно это называется «претензий нет»? — уже раздражаясь, перебил его Зыбин. — Тогда к вам претензия: бесхарактерность — не лучшее качество для начальника клуба.

Ленинская комната в ближайшей к клубу казарме произвела на Зыбина хорошее впечатление. Было очень чисто, уютно, торжественно. С большим умением и вкусом оформлен уголком боевой славы полка. Политрук роты Ярославцев, ответственный за оборудование Ленинской комнаты, толково давал необходимые объяснения.

— А вот наша стенная газета, товарищ командир дивизии, — сказал Ярославцев. — Всегда довольно острая по содержанию...

Он не договорил. Зыбин повернулся, куда ему показал политрук, отшатнулся безразлично. Нанюсиком через одну из заметок, повсюду тонкими усиками, навстречу друг другу ползли два жирных черных таракана. Он до содрогания, с детства еще терпеть не мог тараканов и пауков. От вида их у него по спине пробежали колючие мурашки.

— Чулков! — Зыбин искал глазами командира полка. — Это же черт знает что такое! За это... За это... Он не находил слов. Суд! Трибунал! Развести в казармах такую антисанитарию...

— Простите, товарищ комдив, но ведь это...

— Что «это»? — сдавленным от гнева голосом спросил Зыбин. И ромбики в его петлицах, казалось, вспыхнули зловещими огоньками.

— Они же, тараканы эти, нарисованы. — Чулков в недоумении развел руками. Шутит, что ли, комдив? Да уж такое на шутку вовсе не похоже. Подвело зрение? Впрочем, кажется, комдив не первый...

Зыбин застыл с перекосившимся лицом. Как нарисованы? До него постепенно начало доходить убывающее значение этих слов. Нарисованы... В каких же дураках тогда он оказался! По всей дивизии долго будут теперь ходить шепотком ядовитые анекдоты. Но ведь тараканы явно шевелили усиками и явно ползли по листу бумаги. Он стоял спиной к столу и боялся вновь взглянуть на нее. Ах, если бы там по листу бумаги сейчас бежали настоящие, живые тараканы!

— Кто нарисовал? — холодно спросил Зыбин, насильно заставляя себя все же повернуться лицом к стене.

— Разрешите доложить. Рядовой второй роты Путинцев, товарищ командир дивизии, — отрапортовал политрук, приметив, что Чулков замаялся.

Зыбин с отвращением сдернул газету со стены, скрутил ее в трубку.

— Путинцев? — переспросил он, припоминая, что какому-то Путинцеву на стрельбище он уже объявлял зыскивание. — Пришлите его ко мне завтра в штаб дивизии к четырнадцати ноль-ноль.

Продолжение следует.

ФЕДЯ НАШЕЛ ДРУЗЕЙ

Голодный, холодный, замученный непосильной работой мальчик — целых три года провел он в оккупации и все три года ждал «наших»... Когда пришли советские воины, в судьбе Федя поначалу ничего не переменялось бы — он остался один в далеком от родных мест крае, родителей убили немцы, — если б не встретил он разведчиков...

Дядя Вася, молодой боец, помял ребенка, одиноко слонявшегося по улицам. А когда узнал, что нет у него ни отца, ни матери, оставил при себе. Так Федя стал своим в семье разведчиков, и началась для него самая настоящая фронтовая жизнь. О ней, о мальчишке на войне рассказывает книга Феликса Семяновского «Повесть о фронтовом детстве».

Федя привязался к старшим товарищам. С любовью рассказывает он о суровом, неулыбчивом командире Демушкине, о дяде Васе, о смелом разведчике Вите Соколовском, который стал для него во всем примером. Благодарный за их заботу и ласку, он старался в меру сил помогать бойцам: научился чистить оружие, бегал за письма-

ми, таскал дрова и растапливал печь. Разведчики берегли мальчика по-своему, между делом воспитывали, грамоте обучали и хвалили, когда надо: «Федюшка у нас молодцом!» А Федя еще азартнее стремился быть им нужным и полезным.

Повествование ведется от первого лица. Автор нашел верную тональность — в повести нет ни сентиментальности, ни пренебрежений, казалось бы, все обыденно. И вместе с тем бесхитростное это повествование подкупает своей искренностью и непосредственностью. Именно так, сдержанно и скупое, может рассказывать двенадцатилетний мальчик о своей жизни:

«На другое утро гестаповцы устроили облаву, хватали всех подряд. Схватили и маму. Вместе с другими... Их увезли за город. Я бежал за мамой изо всех сил». За этим, казалось бы, такими простыми словами и короткими, обрывистыми фразами возникает трагическая картина военных лет, когда сотни таких же мальчишек и девочек оставались сиротами.

Есть еще одно большое достоинство у этой повести для детей — она написана добрым, хорошим человеком, благодарным советским воином, спасавшим детей и заменившим им родных. Военный журналист Феликс Семяновский хорошо знал таких воинов и таких мальчишек. У него самого было фронтовое детство, и он тоже был сыном полка.

Т. ТРОНЦАЯ

Феликс Семяновский. Повесть о фронтовом детстве. М., «Детская литература», 1980, 126 стр.

БОРИСОВ-МУСАТОВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Множество людей стремятся приникнуть, приблизиться к красоте древних храмов, часовен, дворцов. Хотят услышать чудесную гармонию старых фресок, грезят увидеть дивное мерцание античных мозаик, мечтают узреть сияние средневековых витражей. Трудно поверить, что в наш стремительный век прагматики и техницизма с невиданной силой проявилось желание человека ощутить дыхание прекрасного. Все сложнее стало проникнуть на выставки искусства мастеров Египта, Ренессанса, художников XIX века—реалистов, импрессионистов. Нескончаемые очереди у входов в наши музеи и галереи говорят об этом.

Встречи с мечтою...

Таорения живописцев, ваятелей, зодчих—все они ведут человека к светлой радости, черуящему счастью сопереживания. Многие современные художники могут только позавидовать, как властно и безраздельно берут в колдовской плен людей «Джоконда» Леонардо, «Даная» Рембрандта. Тысячи зрителей ежедневно толпятся у ног «Сикстинской мадонны» Рафаэля, благоговейно, глядя в прозрачные глаза «Весны» Боттичелли. Никогда не забуду смутный гул и смятенный лепет человеческого около фрески «Страшный суд» Микеланджело в Ватикане.

Неиссякаем поток жаждающих попасть в Третьяковку. Иконы великого Рублева, полотна могучих Сурикова, Репина, Васнецова, прекрасные холсты Венецианова, Нестерова, Врубеля, Борисова-Мусатова... Нет им числа. Все эти замечательные мастера привлекают к себе, заставляют мыслить, переживать, волноваться. Мы невольно начинаем замечать, что после посещения музеев, галерей некое доселе дремавшее в нас чувство вдруг будто вздрагивает, пробуждается, и мы начинаем многое переосмысливать, задумываться над проблемами, ускользавшими от нашей души, заверченной кругозерцью будней. Люди оказываются незаметно, неотразимо в лучах силового поля, еще мало изученного,—под воздействием магнетических чар красоты.

Прикосновение, приобщение к прекрасному... Может ли оно остаться как холодными, сколь ни хотели бы мы казаться бесстрастными? Нет! Как музыка входит в сердце, какими бы угрюмыми, мрачными ни были бы слушатели, так и живопись помогает зрителю сбросить усталость, тоску, мизантропию и открывает людям еще неведомые им радости.

В этом заветная роль высокого творчества. Именно с его помощью рождается это волнующее чувство пристрастия, переходящее потом либо в любовь, либо неприятие или равнодушие. Все зависит от меры понимания, сопричастности к явлению искусства.

Давным-давно блуждая по окрестностям Тарусы, я забрел в березовую рощу на берегу Оки. Погожий день клонился к вечеру, и какая-то особенная напоенная летним покоем тишина охватила меня... Внезапно среди зеленых кудрявых ветвей возникло странное видение. Каменный подросток, неловко погнувшись, застыл на гранитном ложе. Прозрачные голубые, сиреневые блики бежали по щеке его, крепко прижатой к худенькому плечу. Дремотные серые тени рисовали закрытые веки, тонкие, хрупкие линии носа, рта. Каменный аккорд. Поэтический, интимный, он звучал горько, меланхолично. Нежность и целомудрие образа, созданного скульптором, особенно гармонизировали с чистотой, задушевностью дивного уголка природы.

Пахло травой. Сизый дымок рыбаков ленивой куделью тянулся к закатному небу. Только вздохи ветра да тоскливые крики одинокой птицы нарушали покой. Казалось, что время остановилось. Молчание бездонного небосвода, легкий шелест деревьев лавно безмерно усиливали ощущение вечности этого мира, полного грез и суровых реалий.

За мощными и простыми очертаниями цоколя памятника легли раздольные просторы русского пейзажа. Ясные, бескрайние. Они будто говорили: «Жизнь продолжается!»

Как бы подтверждая эту истину, тишина исчезла. Раздвинув заросли прибрежных плакущих ив, облетев кругогорбы холмы, властно и гулко закричал гудок парохода. Его голос вымг сломал робкое безмолвие приокской глуши.

Позже я узнал, что Борисов-Мусатов завещал похоронить себя на берегу Оки, а скульптор Матвеев в 1910 году изваял поразивший меня памятник.

Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов—прекрасный русский художник. Холсты его пронизаны чувством поэзии, глубоко лиричны и волнуют нас своей интимностью, причастностью к чувствам людским—горю и радости, нежности и любви.

Весною 1870 года на берегу Волги, в городе Саратове родился Виктор Мусатов. Его имя, как и Вингет, означает победитель, но не больше, чем у Ван Гога, было успешных дней в жизни художника Мусатова. Ничто не предвещало драмы в судьбе мальчика, он рос, радовался жаркому солнцу, свежему ветру и сверкающим просторам

реки. Но когда Виктору было три года, несчастный случай сломал всю его жизнь. Падение, ушиб, и малыш остается увечным—горбатым.

Пробежали годы детства. Юноша много рисует, пристально и зорко видит красоту природы. Страсть к живописи овладевает всеми его помыслами. Мусатов едет в Москву и везет с собою этюды, рисунки, эскизы. Неоценимый запас прекрасного—Волга, саратовский музей с шедеврами Ватто и Брюллова, встречи с творчеством Ге, Левитана, Васнецова, Нестерова на передвижных выставках на родине—все это вместе с усердием и трудом молодого художника дало свои плоды. Его принимают в Училище живописи, ваяния и зодчества. Он начинает не без успеха писать, но уже через год покидает Москву и приезжает в Петербург, где приступает к учебе в Академии художеств. Представим себе застенчивого провинциала, бесконечно раннего, ушибленного, но сильного своей верой, вошедшего в храм Искусства и увидевшего в нем вместо благости познания—смятение и борьбу. Психологическое состояние Виктора хорошо выразил художник Михаил Нестеров: «искание живой души, живых форм, живой красоты в природе, в мыслях, в сердце, словом, повсюду».

На первых порах Мусатов старательно рисует в «гипсоголовном классе», но вскоре начинает работать в частной студии знаменитого Павла Петровича Чистякова, воспитавшего Сурикова, Репина, Виктора Васнецова, Врубеля, Серова.

Строгий, взыскательный Чистяков и Эрмитаж—вот что было истинной академией молодого художника. Он копировал Веласкеса, Веронезе, Ван-Дейка. Росло мастерство, а вместе с ним зрел бунт против сухой догмы консерваторов и педантов из Академии.

Вскоре обострившаяся болезнь заставила Виктора покинуть Петербург с его сырым, капризным климатом. Он приезжает в Москву, где встречается с Николаем Николаевичем Ге, и видит его новую картину «Распятие». Вот запись современника об этой встрече:

—Мусатов рассказывал об ошеломляющем впечатлении, которое произвело на него «Распятие». Картина была выставлена, как запретная, в чей-то частной квартире. В большой пустой комнате у холста собралось несколько человек, и Ге страстным шепотом передавал примолкшим зрителям, что он хотел выразить в своем создании. В комнате стояла жуткая тишина.

...Но, конечно, не только картина Ге потрясла молодого Мусатова. Он беседовал позже с Николаем Николаевичем, и тот многое поведал ему.

—Мы все любим искусство,—говорил Ге, и его страстное, горькое чувство овладевало слушателями.—Мы все его ищем, мы все его открываем и как будто остаемся ненасытными. Всем нам хочется верить, что оно еще многое и многое, может быть, откроет.—Мусатов боялся проронить хоть одно слово.—Даже старое искусство,—продолжал Ге,—которое, казалось бы, уже исчерпано, мы должны открывать, узнавать, отыскивать новые взгляды, новые понимания.—Виктор, вспомни часы, проведенные за копированием шедевров в Эрмитаже, поновому взглянул как бы со стороны на дивные мгновения, которые он тогда пережил.—Вот этот смысл искусства,—сказал Николай Николаевич,—говорит нам о той работе духовной, которую создает себе художник. Обыкновенно смотрят на искусство, как на что-то очень светлое для самого художника и для тех, для которых он работает; как будто не подозревают всего того, что сопровождает жизнь художника во время этих розысков и отысканий.

При последних словах на глазах Виктора Мусатова навернулись слезы. Он представил свою судьбу, Саратов, Москву, Петербург, искания, болезни.

—Как нарочно,—тихо произнес Ге,—ряд художников, начавших наше движение и отошедших, почти всех я видел или знал. Я один остался как бы свидетелем их жизни, как очевидец.—Ге встал и, быстро ходя по мастерской, негромко, будто задыхаясь, рассказал о страшной судьбе Александра Иванова и Павла Федотова.—Жизнь этих художников есть сплошное страдание, сплошное мучение: отыскание, недовольство тем, что найдено, полное разочарование в конце работы и смерть...

Шум города глухо проникал в окна студии, вечерние тени бежали по стенам, и Мусатову вдруг показалось, что души старых мастеров бродят рядом и слушают эту беседу. Ге говорил о судьбах Перова, Флавицкого, Крамского, Прянишникова, и за каждым из них, за внешне счастливой судьбой стояло страдание, подавляющее жизнь.

—Вот жизнь моих товарищей,—почти прошептал Ге,—которой я был свидетелем. Остальные жили точно так же. Радостных, светлых, счастливых почти не было, так что когда встречаешь мысль о том, что искусство дает какие-то необыкновенные радости, делается как-то странно. Точно говорящие это не видят, кто создает это искусство и какими усилиями оно достигается.

Ночь заглянула в окно мастерской. Тишина встретила последние слова создателя «Голгофы», «Тайной вечери», «Петра и Алексея». Мусатов был потрясен. Недо искать свой язык, свое понимание красоты... «Мне скоро двадцать пять лет,—думал он,—а что я создал? Нет, надо увидеть шедевры Лувра, узнать, что делают в этой столице искусства».

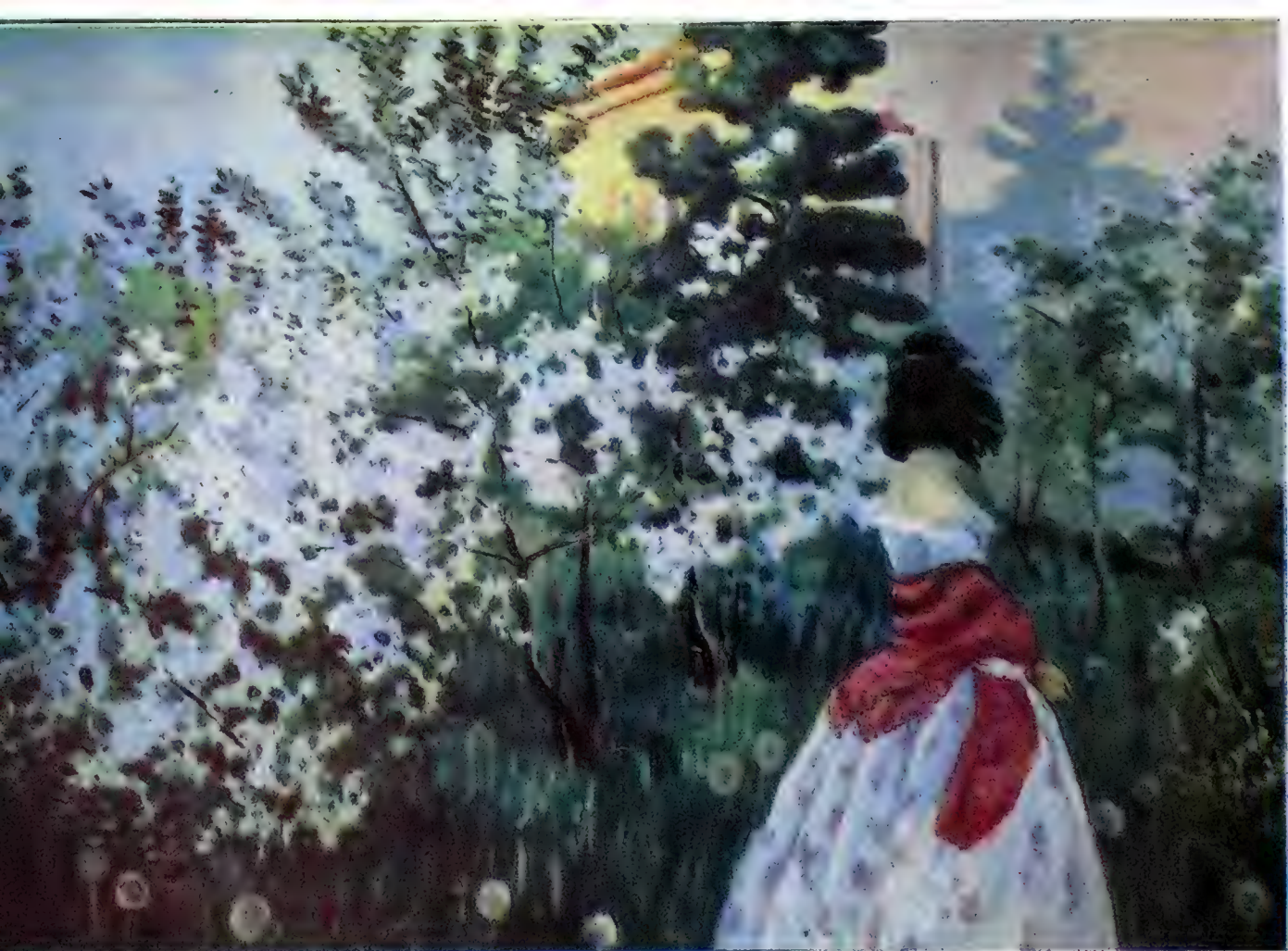

В. Борисов-Мусатов. 1870—1905. АВТОПОРТРЕТ С СЕСТРОЙ. 1898.

В. Борисов-Мусатов. ВОДОЕМ. 1902.

В. Борисов-Мусатов. ВЕСНА. 1901.

СТАРУШКА. (Этюд). 1899.

Мусатов едет в Париж, где поступает в студию к Кормону. Да, к тому самому старому Кормону, у которого некоторое время учился Винсент Ван Гог. Но если говорить правду, то школа Кормона почти ничего не дала Мусатову. Зато он целыми днями не выходил из Луавра.

Виктор Мусатов переживает как бы второе рождение, его покорила живопись Леонардо и Боттичелли, великих флорентийцев. Это найдет отражение в его будущих полотнах... Луавр еще раз подтвердил изумительную филигранность и изящество великолепных полотен Ватто — точнейшего певца женской красоты. Сложный kaleidoscope впечатлений дополнился экспозицией Люксембургского музея, где Мусатов впервые познакомился с картинами Мане, Ренуара, Дега.

Надо было быть незаурядной личностью, чтобы не потерять себя в столице искусства, в столкновении стилей, манер, видений мира. Мусатов остался самим собой — нежным, нервным мечтателем, не прикнувшим ни к одной из многочисленных школ. Только на третью зиму пребывания в Париже начинает чувствоваться настоящий Мусатов. Он получает признание у Кормона. Даже такие мэтры, как Бонна и Жером, одобрили его работы. Внезапное обострение болезни. Клиника. Операция и долгое лечение... Наконец он снова на родине, в Саратове, и его этюды-пейзажи, портреты, писанные летом 1897/98, провозглашают радость ощущения Отчизны.

Друг художника Немиров рассказывает: «Помню, такой был случай: пошли мы с ним на пруды ловить карасей, это было часов в 10 утра, когда закинули удочки, то он вскакивает, подбегает ко мне и указывает мне на воду. Признать сказать, я думал, он рехнулся, оказалось, что он увидел в воде красивые отражения деревьев и берега, я думаю, что это было начало его «Водоема».

Крепло чувство любви художника к чудесному миру России, своей причастности к Волге, садам, цветам... Мусатов пишет одному из своих друзей:

«Цветущий сад, обширный, как мир, где все молодо, зелено. Солнце играло своими лучами по яркой зелени травы, мягкой, как шерсть агнеца, как бархат. Оно играло на роскошных цветах бесчисленных клумб, их запахи тянулись повсюду, переплетались между собой в голубой дыме. Цветы мирно качали перистыми головками своими и любовались друг другом. Они быстро вошли и распустились в полной своей красоте; они окружили молодые цветущие деревья, дремавшие повсюду в сладком полусне. То были вишни, яблони и еще какие-то плодовые деревья, названия которых сердце не требовало. Они были покрыты белыми и розовыми цветами, пушистыми гроздьями, осыпавшими их; они стояли, разделенные широкими пространствами, и эти пространства — был воздух, насыщенный парами весны. Лучи солнца, как паутины, пересекали бесконечно эти пространства. Деревья, как маленькие дети, радостно простирали свои ветви друг к другу. Они купались в пространстве, как золотые рыбки в аквариуме».

Необъятные дали Волги, бело-розовые цветущие яблони, сверканье весеннего солнца, голубые тени, прохлада и свежесть деревянного флигеля с окнами в сад, где молодой художник устраивает свою студию. Именно в этих стенах будет написан «Водоём» — лучшая картина мастера.

Вокруг тихий омут провинциальной жизни.

Конец века. 1899 год. Художник уже попробовал свои силы в картинах — «Автопортрете с сестрой», «Осеннем мотиве». Его постигает неудача в работе над картиной «Гармония»...

Судьба продолжает испытывать стойкость Виктора Мусатова. Умирает мать, больной, издерганный живописец остается один с младшей сестрой Леной.

«...Жил как-то я раньше только миром искусства, — пишет он Лушниковым, — а теперь пришлось и с жизнью столкнуться, с ее буднями и неудобствами, со своей неподготовленностью и неприспособленностью». Но художник фанатично упорен и предан своей мечте. Он говорит: «По-прежнему стараюсь быть один и жить только искусством. Здесь больше нет ничего для меня. Искусство, Лена и я...»

Наступает знойное саратовское лето. Пыльное марево стоит над городом. Внизу — необъятная ширь реки, по которой будто плывут розовые струи облаков. Это лето 1901 года — пора расцвета таланта Мусатова. Он пишет полотна «Весна», «За вышиванием», «Когда расцветают сирени...». Художник записывает: «Я... видел только солнечный свет с холодным тоном перламутра, яркий, как серебряный шелк».

Как зарницы предвещают богатый урожай, так картина «Гобелен» сулит грядущую удачу. Декоративное начало, заложенное в пейзаже и в фигурах женщин, богатство колорита ничуть не мешают, а лишь усиливают состояние тишины, радости и покоя, разлитого в холсте. Картина, исполненная сложной техникой — темперой, пастелью, гуашью, — поистине напоминает гобелен своей гармонией, музыкальностью решения.

Дягилев сразу оценил полотно:

«Особенно удачно представлен у москвичей интересный художник Мусатов, который уже при первом своем появлении в Петербурге обратил на себя внимание. Ничего же он выставил ряд совсем мастеровских вещей, из которых, правда, далеко не все одинакового достоинства, но зато те, которые удачны, — те прямо первостепенного качества. Мусатов вообще художник очень нервный, однако надо думать, что ошибки его происходят от его вечных упорных исканий, которые не всегда удачно воплощаются в его творчестве. Зато, когда задачи эти удачно разрешены, он сразу делается крайне любопытен и значителен; достаточно взглянуть на его «Гобелен» или портрет пожилой дамы в платье 50-х годов, чтобы сразу быть заинтересованным и ждать от художника много интересного в будущем». И один из столпов «Мира искусства» не ошибся. Не прошло года, как Мусатов создает свой шедевр.

Бывают в жизни даже самых обремененных судьбой людей минуты, когда наконец счастье приходит к ним само. Так было летом 1902 года, когда Елена Владимировна Александрова, знакомая девушка, приезжает погостить в Зубриловку, где находится старинное имение кня-

зей Прозоровских-Голицыных, куда пригласили на этюды художника с сестрой Леной. Начинаются звездные часы Борисова-Мусатова. Дивная русская природа старого поместья, воспоминания детства, бегущие блики по заброшенному пруду именя, тишина и покой.

Невеста — это слово заставляет нас понять тот восторг, который охватил живописца, изобразившего, как его любимая и сестра беседуют у пруда. Елена Владимировна, словно большая птица, трепетно опустилась на край водоема. Белые кружевные крылья блузки, широкая синяя юбка раскрылись в мягких просторных складках. Рядом сестра в прозрачной сиреневой накидке. Вот весь сюжет этой большой картины.

1902 год. В эту пору было создано немало славных произведений русского искусства. Брат Виктора Васнецова — Аполлинарий, тончайший пейзажист, писавший, пожалуй, как никто, проникновенно старую Москву XVII столетия и пейзажи с вековыми дремучими олами, нехоженными тропами и полянами, усыпанными дивными цветами, создает «Озеро», спящее среди векового бора. Филипп Малахов начал свою «Девку» — кoster пылающих красок, веселых и звонких. Андрей Рябушкин пишет изумительное «Чаплетти», которое он выставит в следующем году. Сергей Иванов экспонирует свой замечательный холст «Царь XVI века», где сквозит богатство колорита и постановочность картины, проглядывает критический дух живописца, срывающего маску величия с самодержца.

«Демон поверженный» Михаила Врубеля. Дата создания — 1902 год. Пожалуй, эта картина отражала не только сумеречную сматненность души автора. Художник в этом полотне показывает силу несломленной гордыни Демона. И этот холст языком символов дает почувствовать мучительность восприятия Врубелем неразрешимых контрастов его эпохи. Живописец с жемчужной пронзительностью ощущал грубую власть денег. Тонкая душа мастера искала поэзии, красоты, а каждодневно наталкивалась на безобразный, жестокий, беспощадный лик буржуазных будней. Это рождало протест стихийный, чисто художнический, если хотите, символический. Не один Врубель так горько и болезненно отвергал прагматизм тех дней!

В том же 1902 году Борисов-Мусатов показывает широкой публике свой шедевр.

«Водоём». Как дороги часы, когда все существо человеческое замирает от невыразимой прелести ощущения близости к природе. Как бесценны светлые прозрачные мгновения грез, след которых неизгладим. Но все уходит. Остается раздумье, ностальгия по юности, свежести... Бегут, бегут прозрачные тени по зеркалу водоема, плывут очарованные облака, колыхнутся кущи деревьев, составляя темное зеленое кружево. Две фигуры — сестры и невесты — на берегу. Они ведут тихую беседу, а может быть, молчат, околдованные тишиной, Глубокая грусть по несбывшимся мечтам или убежавшему счастью. Старая усадьба, запущенный пруд. Где-то кипит жизнь, слышен смех, плач. Здесь — тишина. Скользят легкие, как призраки, блики света. Далеко в выси бушует солнце, где-то гуляет ветер. Полотно опять напоминает старинный гобелен, полный того странного очарования, которое вызывает пенie старого романа под аккомпанемент виолончели, когда голос порою сливается с густым мелодичным звучанием благородного инструмента.

Музыка тишины... Ею полон холст Борисова-Мусатова.

Мир символов, усадьба, бледные лучи заката, пастельные краски полотна погружают нас в мир грез о минувшем, давно ушедшем. О времени, когда можно было, ничего не делая, вздыхая, годами созерцать восход и заход луны, слушать пенie птиц, мечтать о любимой. Мерцают сиреневые, зеленые, серые, розовые колеры в матовом зеркале водоема. Вдохнула печально невеста, привольно обернулась к ней сестра. Художник правдив, он показывает объективный, задумчивый профиль сидящей Елены, ее незарытый взгляд, устремленный в пустоту. Сестра художника с участием глядит на старшую подругу. Она хороша, лицо ее миловидное, грустное забытие красит юные черты, но какая-то окаменелость, безнадежность владеют ее молодым обликом, и нам становится не по себе от этого затаившегося, сентиментального диалога.

Тихая печальная мелодия звучит в картине «Водоём». Художник нисколько не сомневается, что, несмотря на внешнюю красоту и благополучие, этот мир доживает последние дни. Грядут новая Россия, новые песни, новые люди... Русь усадеб, загложих, полузаброшенных имений уходит в небытие; потому так по-настоящему грустен и пронзителен мотив «Водоема».

Далеко не каждому художнику хватает силы «принадлежать своему времени». Это требует огромной затраты нервной энергии для осмысления kaleidoscope будней и отражения образа современности. Борисов-Мусатов не обладал этим гражданственным темпераментом. Но он оставил нам прелестный холст, полный поэзии и тишины. Его творчество, талантливое, лирически возлюбленное, красивое, осталось. Ведь художник продолжил в своих картинах лучшие традиции цветопонимания и ритма, идущие от икон Рублева, полотен Венецианова, Ге, Врубеля. Вглядитесь в «Водоём», и вы заметите еле уловимое внутреннее движение и перламутровые колеры — бледно-розовые, сиреневые, голубые, присущие рублевской «Троице». Язык живописи Борисова-Мусатова твердый, изысканный. Рисунок, строгость, монументальность композиции говорят о незаурядном таланте этого рано ушедшего художника.

«...Всего три года отделяют нас от 1905 года, когда Валентин Серов напишет свой страшный этюд «Солдатушки, бравы ребятушки...». Он же в 1905 году создаст еще один шедевр — «Портрет Ермоловой», в котором сквозит строгую классичность исполнения так рано осмущен душой общественного протеста. Великая актриса словно застыла в глубоком трауре. Черное строгое платье. Скорбное лицо. Твердо сжаты молчащие руки... Но холст говорит. И всякий, кто умеет слушать музыку живописи, поймет: полотно звучит как режиссерским пошлым глумом.

В том же году Сергей Иванов пишет зловещий «Расстрел». Художественный мир России содрогнулся от кровавых январских событий

пятого года. Даже интимный Мстислав Добужинский создает потрясающий лист — «Октябрьская идиллия», в котором изображает залитую кровью стену с наклеенным октябрьским манифестом 1905 года и тревожащим приказом. На пустынном тротуаре и булыжной мостовой брызги крови, брошенная детская кукла, чьи-то очки, галоши — следы разгона, убийства, насилия.

1905 год. Наступила последняя осень Борисова-Мусатова. Он рассказывает в октябре Александру Бенуэ:

«Теперь я сижу в Тарусе. В глуши. На пустынном берегу Оки. И отрезан от всего мира. Живу в мире трез и фантазий среди береговых рощ, задремавших в глубоком сне осенних туманов. Уже давно я слышал крик журавлей. Они пролетели куда-то на юг, бесконечными рядами в виде треугольников. Крик их наполнил эти леса мелодичной грустью старинной, которую я когда-то знал. Крик их замер; и только белка рыжая нарушает кружевные сновидения березовых рощ. Вы думаете, я скучаю. Нет. У меня времени не хватает каждый день. Хотя я сижу дома... Я создал себе свою жизнь. Как-то странно — такая тишина среди всеобщего смятения. Какие-то слухи долетают до меня. Какие-то дороги забастовали. Какие-то надежды, какие-то ужасы. Нет ни писем, ни газет. Одни догадки... Одни слухи... Как странно. Давно ли я был в Москве, в столице Российской империи, и скоро вновь буду в ней, но уже в столице Российской республики. Как в сказке. Заснул. Проснулся. Прошло мгновение ока. А между тем уже сто лет пролетело. Повсюду жизнь. Повсюду свободные граждане.»

И вот снова встает образ светлого, честного, глубоко больного, но чистого душой художника. Многие он не понимал. Но приветствовал свет, свободу.

Вскоре, к концу октября, он умер. Не стало одного из самых лирических чистых художников России.

Борисов-Мусатов в последние годы жизни стоял на пороге нового. Он умоляет, не сказав всего того, чем была полна его душа живописца. Вдумайтесь еще раз в слова, сказанные Николаем Ге об искусстве, и вспомните еще один пример трудного счастья быть истинным художником.

Снова Таруса. Глубокая тишина царит у памятника Борисову-Мусатову. Он хотел, чтобы его могила была на крутом берегу Оки. Его желание свершилось.

Березовое, голубое, трепещущее крыло русской природы будто прикрывает, охраняет фигурку спящего подростка. Какие незлые демоны нашей земли витают в воздухе этого последнего пристанища поэта. Негромкая, душевная, прозрачная, тихая муза художника. Судьба его неповторимо печальна. Коварный рок сделал все, чтобы кисти Борисова-Мусатова не коснулись холста. Но могучий дух мастера победил немощную плоть, и мы сегодня, очарованные до слез его искусством, забываем о всех сложностях биографии живописца, о его недуге, о горестных семейных потерях. Мы ощущаем на его полотнах ликующий мир русской природы, видим красивых и немного грустных женщин, одетых в старинные одежды. Дышим воздухом давно ушедших лет. И, однако, лучшие холсты мастера вошли в Пантеон русской классики, и его «Вододем» — поистине шедевр, жемчужина русской школы живописи. Немного сказал мастер, но в тех произведениях, которые дошли до нас, звучит чистая, робкая, но и твердая душа художника, влюбленного в жизнь, тоскующая, жаждущая прекрасного. И это ощущение сферы красоты, в которую мы попадаем, либуясь полотнами художника, не покидает нас. Как нам сегодня, глядя на нескладные, а порою просто уродливые изображения огульных, оболваненных людей, созданных ныне западными модернистами, не поражаться певучим линиям, серебристому тону, очаровательному колориту, а главное, пронзительной человеческой лиричностью картин Виктора Борисова-Мусатова. Как весенний ветер, несущий свежесть и прохладу, юное желание творить, действовать, желать, рождает в нас на первый взгляд статичные, сдержанные, порою задумчивые картины живописца.

Предгрозовую покой разлит в поздних полотнах Борисова-Мусатова. Так бывает в природе, когда вдруг в небе громозлятся сизые тучи, глухо грохочет гром, полыхают алые зарницы. Земля, томясь и притихнув, будто ожидает пришествия бури. Светит солнце, невыносимо жгуче горят краски пейзажа. Листья деревьев, поверхность вод, словно оцепенев, застыли. Вот-вот рухнет призрачное затишье... Этот миг ожидания, предчувствия грозы наполняет картины, написанные мастером в последние годы жизни. Незаметно может исчезнуть робкое безмолвие. Могучий вихрь пронесется над сонными парками, застылыми прудами. Багровым заревом блеснет в окнах белоколонных усадеб, и закружит, сметет немую тишину старых поместий. Этот исход никогда не изображен Борисовым-Мусатовым. Сюжеты последних его холстов внешне безмятежны и вовсе лишены трагизма.

Но такова таинственная логика большого искусства, — художник задолго ощущает грядущие перемены, его душа бывает порою потрясена, и мастер тогда немедленно отражает это в своих творениях, волнуя нас своим неброским, глубоко потаенным, сокровенным чувством.

...Скользят, скользят голубые мягкие кружевные тени веток берез, вторя этому магическому движению, бегут серебристые перистые облака, высоко в небе парит сокол. Его мерные круги, несшие, величавые, как бы еще раз напоминают нам о неустанной жизни природы. Немногим художникам удавалось почувствовать хотя бы мгновение этого исторического неуловимого движения, полного тайной истинной красоты. Не все дни, часы и годы жизни нашей планеты — праздник... Бывали грустные страницы в ее летописи. Но увидать даже в печали своеобразие отрезка времени, в котором тебе досталось жить, — большое счастье творца, который всего себя отдал людям.

В огромном симфоническом оркестре русского искусства звучат разные мелодии. Среди тихих, душевных, гармоничных мотивов нашей Родины слышен голос музы Борисова-Мусатова — чарующий, нежный, трогательно-лирический. И этот единственный по своему образу и тембру таланта заставляет любить его картины-песни.

Земной ему поклон.

КОНКУРС
ОТОНОВ
ЧИТАТЕЛЕЙ
СТРОКА
В БИОГРАФИЮ
СТРАНЫ

ВETERAN ПАРТИИ

Открываю «Биографическую хронику» В. И. Ленина. 29 апреля 1918 года «Ленин принимает (утром) наркомов финансов Украины В. И. Меньшауна и командира бронепоезда А. И. Селявкина, привезших из Харькова банковские ценности; спрашивает их о положении рабочих и крестьян на Украине, о боеготовности и настроении красногвардейских отрядов, об умундровании и питании бойцов; приглашает на заседание ВЦИК 29 апреля 1918 года».

Недавно я познакомился с человеком очень интересной судьбы — Алексеем Илларионовичем Селявкиным. Вся жизнь его — подвиг, но я хочу остановиться только на двух эпизодах в его биографии.

Служба в армии для Алексея Илларионовича началась в сентябре 1915 года во 2-й автомобильной роте в Москве. В 1916 году он участвовал в боях первой мировой войны. На фронте и началась его революционная деятельность. Старший унтер-офицер вел большевистскую агитацию в царской армии. В марте 1917 года он стал коммунистом, а в июне вступил в красногвардейский отряд Харьковских паровозных мастеров.

Когда в марте 1918 года немцы приближались к Харькову, было решено вывезти в Москву все ценности, важные государственные документы. Возглавил этот особый состав видный большевик В. И. Меньшаун. Командовал бронепоездом ревком приказал А. И. Селявкину. Прорваться в те дни в Москву было очень трудно. Уже в первую ночь был принят бой с немецкой конной разведкой.

На пути к Луганску анархисты устроили завал, требовали сдачи эшелона. Завязался ожесточенный бой, но все же поезд вырвался из вражеского кольца и на двадцатые сутки подошел к перрону Казанского вокзала Москвы. Здесь его встретили чекисты. В. И. Меньшаун и А. И. Селявкину предстояла встреча в Кремле с вождем революции.

Вот как вспоминает об этом Алексее Илларионович: «Конечно, мы очень волновались. И так только переступили порог кабинета, Ильич вышел из-за стола, крепко пожал руки, предложил сесть. Сердечно поблагодарил за доставленные ценности, спросил о том, как живут рабочие и крестьяне на Украине. Ленина интересовала не только боеготовность красногвардей-

ских отрядов, но и одежда и питание бойцов».

В этом же 1918 году Алексеем Илларионовичем Селявкиным воевал на Восточном фронте в районе Казани, участвовал в героической обороне Царицына, выполнял особо важные поручения командующего 10-й армией К. Е. Ворошилова, потом участвовал в борьбе с бандитами Петлюры, Григорьева и Махно.

Особенно запомнился Алексею Илларионовичу бой в районе Березовки, недалеко от Одессы, весной 1919 года. Во время этого боя бронепоезду Селявкина удалось захватить несколько вражеских танков, два из которых были почти исправными. Машину отправили в Харьков и восстановили. Один танк решили послать в подарок Владимиру Ильичу. «Приношу свою самую глубокую благодарность и признательность товарищам Второго Украинской Советской Армии по поводу присланного в подарок танка», — писал Ленин в телеграмме воинам 2-й Украинской Советской Армии. 2 мая 1919 года — этот подарок дорог нам всем, дорог рабочим и крестьянам России, как доказательство героизма украинских братьев, дорог танке потому, что свидетельствует о полном крахе назвавшейся столь сильной Антанты.

А. И. Селявкин. 1919 год.

Лучший привет и самые горячие пожелания успеха рабочим и крестьянам Украины и Украинской Красной Армии».

За мужество и героизм, умелое руководство автобронедивизионом А. И. Селявкин был удостоен двух орденов Красного Знамени, Наркомвоенмор Украины Н. И. Подвойский за участие в освобождении Киева награждал его золотыми именными часами, а за отвагу при ликвидации махновских банд К. Е. Ворошилов вручил ему серебряную саблю.

Орден Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды — вот награды, которые украсили грудь полководца Селявкина в годы Великой Отечественной войны.

Сейчас ветеран Коммунистической партии и Советских Вооруженных Сил на заслуженном отдыхе. Но не сдает дома Алексеем Илларионовичем, ведет работу по патристическому воспитанию молодежи.

Ю. ПРОТАСОВ

ОБРАЩАЯСЬ К СОВРЕМЕННОМУ

«Народ безмолвствует... Вы помните эту знаменитую фразу из трагедии Пушкина? Нет, народ отнюдь не безмолвствует. Он требует, молчит, негодует и радуется. Он активен, он действует. Народ стал одним из главных героев, нравственным стержнем спектакля «Борис Годунов» на сцене Красноярского краевого драматического театра имени Пушкина.

Уже известный москвичам коллектив привез на гастроли в столицу шесть постановок. И многие из них привлекают прежде всего размером и яркостью, динамичностью массовых сцен, где каждая фигура красноречива и выразительна, служит раскрытию режиссерского и авторского замысла.

Во многом благодаря именно этому с большим интересом смотрится и пьеса «Деяность семьи» Н. Кулиша, рассказывающая о послереволюционных, трудных, голодных годах в деревне. Спектакль режиссером режиссером театра, заслуженным деятелем искусства РСФСР Н. Басиным как поединок масс бедноты, немощные крестьяне — и кулацкие недобитки, использующие все возможные средства, чтобы покорить веру людей в Советскую власть.

В последнее время мы как-то привыкли видеть в кино и театре, что если схватываются две подобные силы, то враги непременно вооружены до зубов, совершают опустошительные, кровавые налеты на села и жестоко расправляются с активистами новой жизни. А в этой пьесе, написанной, между прочим, в 1924 году, ситуация иная: сталкиваясь, ни кулаки, ни бедняки не имеют в руках орудия и т. п. У каждого из них есть другое оружие, последнее: своя вера, своя убежденность. Вопрос «кто кого?» решается тут в яростных, бешеных ссорах, криках, заканчивающихся порой драками, потасовками. Но пока живы ослабевшие от голода, еле таскающие ноши крестьяне, победа всегда на их стороне, ибо их борьба не за личное счастье — за всеобщее.

Сцена из спектакля «Борис Годунов».

Таким играет своего героя — коммуниста Мусия Копытку — В. Трущенко. Он неотделим от народа, и он его вдохновляющая, организующая сила.

На таких держится земля, подчеркивают создатели спектакля. И как бы совершая путешествие на машине времени с остановками в крупных, узловых пунктах, театр знакомит нас с людьми столь же сильными и цельными, натурными честными и искренними, преданными своей земле и своему делу. Именно такими запомнились комиссар военного поезда Данилов (В. Дьяконов) и медсестра Юлия Дмитриева в исполнении С. Зимы — герои «Спутников» В. Пановой. Таким же останется в памяти и наш современник инженер Чиков (Ю. Романов) из спектакля «Территория» О. Кузнецова — одержимый, талантливый человек с

тяжелым, хмурым характером, но неравнодушный душой, добрый сердцем. И вот, отражая в своих постановках главнейшие события, веки биографии советского народа и показывая нам удивительных людей, творивших эту биографию, театр вплотную приблизился к нашим дням.

Естественно, что коллектив, гражданский пафос которого, активное, созидательное отношение к жизни не остались непонятыми зрителем, заинтересовался одним из самых важных аспектов нашего бытия — моралью, нравственностью современного человека.

«Мы получаем квартиру» молодого драматурга Р. Солнцева — комедия. И ситуация кажется поначалу действительно комедийной, хотя и не без сатирической нотки. Некий муж, глава семьи, прописывает у себя мать и бабушку, чтобы получить квартиру побольше. Получит ли он квартиру, а вот как жить дальше, как быть с родственниками? Ведь они уже начинают обременять Бориса, всю жизнь привыкшего думать только о себе, своих удовольствиях. Комедия оборачивается трагедией. Если мать и бабушка в конце концов свехали, не выдержав, то что делать его жене Нине, которая из последних сил пытается бороться с равнодушным мужем, с бессердечием старшей дочери. Пока Нина еще борется сама за себя. Пока... А ведь как легко перейти эту грань между совестью и равнодушием...

Спектакли красноярцев отличаются простотой, лаконичностью сценария, я бы сказала даже, аскетической строгостью (главный художник А. Баженов). Неброский фон, деревенский помост или лестница, два-три ярких пятна, несущих определенную смысловую нагрузку, — все подчинено одному: не отвлекая внимания зрителей на второстепенные детали, выделить антура, безраздельного хозяина сцены. И уж коли речь зашла об антурах, антерскамболо, то надо сказать, что он оставляет хорошее впечатление. Труппа работает увлеченно, самоотверженно.

Со времени прошлой гастрольной поездки в Москву минуло десять лет. За этот срок красноярский театр создал разнообразный и при этом мало идущий на сцену репертуар. Театр стремится поднять и обсудить со зрителем основные проблемы, волнующие зрителя. Ему это удалось.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото М. Строкова

ДОМ ПОЭТА

«Коктебель» — старейший Дом творчества советских писателей, и у него есть своя необычная история.

В декабре 1929 года коктебельский патриарх, замечательный русский поэт М. А. Волошин, перенес инсульт, здоровье его резко ухудшилось. Появляется мысль как-то определить будущее своего дома, много лет дававшего приют деятелям культуры. Нужно было найти организацию, которая продолжила бы сложившийся за советские годы традиции «Дома поэта», сохраняя при этом волошинскую библиотеку, архив, художественные коллекции.

Желающих взять под свою опеку нашлось много: летчики, инженеры, проводившие в Коктебеле планерные слеты; сотрудники Пушкинского дома Академии наук; члены Общества политкаторжан; преподаватели Московской консерватории... Каждый ратовал за свою организацию. Однако Максимильян Александрович склонялся в сторону своих коллег — литераторов. Их в «Доме поэта» всегда было больше, чем художников или ученых; им должны были быть особенно интересны волошинские библиотека и архив.

Волошин начинает переговоры с ленинградским Литфондом. Его председатель Б. А. Лавренев отвечает принципиальным согласием. Слухи об этом доходят до правления Всероссийского союза советских писателей, немедленно следует предложение передать архив и библиотеку московскому отделению (письмо от 8 августа за подписями В. Кириллова, П. Павлова и С. Есенина). В феврале 1931 года Волошин обращается за советом в Вересаеву, а своего молодого друга журналиста К. М. Добрянникова прямо просит «немедленно связаться с Союзом советских писателей» и предложить ему принять в архив, и библиотеке

ку, и дом (с условием, что поэт и его жена остаются его пожизненными распорядителями на известном месячном жалованье).

27 марта Волошинны получают телеграмму с заверением, что дом отдыха для писателей будет устроен этим же летом; с марта Волошинны начинают получать жалованье как хранители мемориальных комнат. В конце мая в Коктебель приезжает представитель Союза писателей и оформляет с Волошинным договор. 22 мая Максимильян Александрович подписывает личную записку, которой приносит в дар Всероссийскому союзу писателей каменный флигель своей дачи «для устройства дома отдыха писателей под именем «Дом поэта».

В этом здании, построенном матерью поэта (сам Волошин и друзья дома звали ее «Пра») в 1908 году и называвшемся «домом Пра», было 11 комнат, в которых можно было разместить более тридцати проваторей. Жена Волошина, незабвенная Мария Степановна, на первый раз сама обставила их скромной мебелью; позаботилась о матрацах, одеялах, белье; договорилась о питании с соседним домом отдыха Московского энергетического института. В тот год в Крыму было плохо с продовольствием, и отдыхающих было меньше, чем в другие годы. Но все-таки они были: сезон в коктебельском Доме творчества состоялся!

Следует отметить, что Максимильян Александрович пришлось отстаивать некоторые традиции «Дома поэта». Заведующий хозяйством ВССП писатель И. Н. Евдокимов предлагал, чтобы Дом творчества строился по образцу обычных домов отдыха, нуда не допускались жены и дети отдыхающих. Протестуя против этого, Волошин писал в апреле 1932 года как в правление ВССП, так и са-

мому Евдокимову. «Детям писателей гораздо важнее убежище на лето, — убеждал он, — чем писателям всегда найдется место в любой санатории. И в «Доме поэта» уже выросло два поколения молодежи».

В 1932 году Союз писателей передал волошинский флигель в аренду Партизату, который должен был отремонтировать его и оборудовать. Но приоритет писателей оставался непоколебимым.

В дальнейшем, год за годом, Дом творчества креп, ширился, благоустранивался. Его популярность не переставала расти: многие поэты и прозаики, критики и драматурги отдыхали и работали здесь. Много здесь создано произведений. И сейчас, когда Дом отдыхает свой полувековой юбилей, мы должны еще раз почитать добрым словом стоявшего у его начала Максимильяна Волошина, большого патриота своей земли.

В письме к Л. М. Леонову (также

поддержавшему идею «Дома поэта») он писал: «Летчики предлагали мне арендную плату, комнату в Москве и много других современных благ, — но я предпочел подарить дом ВССП, чтобы он продолжал служить тому, чему служил всю жизнь, т. е. литературе».

Хотелось бы также, чтобы первоначальный корпус Дома творчества, получивший у писателей название «Муравейника» (сейчас это корпус № 2), был сохранен. Еще до основания Дома творчества в нем жили и работали В. Я. Брюсов, Н. С. Гумилев, В. А. Рондественский, М. И. Цветаева. Между тем по генеральному плану реконструкции это здание должно быть снесено, на его месте планируется север. Думается, что это очень крепкое строение славилось бы оставшимся мемориальным комплексом волошинской усадьбы...

Вл. КУПЧЕНКО

Крым. Планерское.

Дом поэта в 1930-х годах.

КОНСЕРВИРОВАННЫЙ СМЕХ

Владимир НИКОЛАЕВ

У американского телевидения есть такая традиция: в концертных программах (шоу), беседах, лотереях и многих других передачах участвуют собравшиеся в студии зрители, то есть человек, сидящий дома перед своим экраном, ощущает себя частью, продолжением той аудитории, какую он видит во время трансляции. Когда впервые знакомимся с такими передачами, то удивляемся бурной реакции собравшейся в студии аудитории на происходящее перед ней. Особенно поражает дружный смех по поводу чуть ли не каждой реплики ведущего очередного шоу. И что самое удивительное — у американцев, сидящих дома перед своими «ящиками» с экранами, ни один мускул на лице не дрогнет, в то время как аудитория в студии просто умирает от смеха.

Признаться, я сначала не мог разгадать этой загадки, не понимал, почему в зале, где идет шоу, веселее, чем в кресле перед домашним телевизором. Я даже задумывался о психологии массы зрителей, о влиянии толпы на восприятие зрелищ. И вдруг вычитал в одном американском журнале, что дружный смех аудитории в студии заранее записан на пленку, которая включается в нужных местах программы. Консервированный смех! Как все просто!..

Американская пропаганда во многих случаях построена на таких же дешевых трюках, но вот, как ни странно, не всегда их сразу разгадаешь. И к тому же это еще полдела — понять, что консервированный смех служит пропаганде официального оптимизма или, говоря шире, американского образа жизни. Обратите внимание на то, что домашний телевизор не смеется. Он наблюдатель, а не участник. Магический «ящик» с экраном превращает американцев в нацию зрителей. В этом, на наш взгляд, первый эффект пропагандистской телемашин. Этот эффект неплотного раскрытия (раскрыт, можно сказать, по методу от противного) в читательском письме, опубликованном в журнале «Ридерс дайджест»:

«Теперь в нашей семье мы делаем то, чего не делали раньше, когда у нас был телевизор. Дети, кстати, быстро свыжились с его отсутствием. Теперь они напрягают собственные мозги, чтобы позавидать самим себя. В доме появились новые игры, мы все снова стали читать книги. Дети познали радость тихой забавы с игрушками на ковре. А однажды вечером они втроем написали письмо своей кузине, живущей в другом штате. Теперь нередко по вечерам они после ужина беседуют с родителями. И что самое главное — их речь стала живой, оригинальной, их собственная, она освободилась от телевизионных штампов. Я спросил детей: «Что дало нам отсутствие телевизора в доме?» Старший сын ответил за всех: «Мы научились думать и делать!»

Иными словами, они отвыкли думать и делать, отвыкли с помощью телевидения, под его влиянием. Но главное в том, что образовавшийся вакуум мысли, души и действия тут же заполняется. Чем? Продукцией все того же телевидения. Какой продукции? Частично ответ на этот вопрос дает журнал «Ньюсвук»: «Опросы общественного мнения в США свидетельствуют об огромном воздействии телевидения на духовный

мир американцев. Более, чем другие средства массовой информации, три «большие сестры» — крупнейшие коммерческие теле-сети Эн-би-си, Си-би-эс и Эй-би-си — формируют стереотипы представления «среднего американца» — к сожалению, часто неверные — о собственной стране, о мире, о жизненных ценностях».

«Формируют стереотипы!» Вот в чем суть явления. Виднейшие американские специалисты в области пропаганды считают, что такие стереотипы играют важную роль, становятся как бы генетическим кодом широкого читателя и зрителя, то есть массы «одинаково мыслящих» людей. По мнению известного американского обозревателя У. Липпмана, стереотип освобождает «массового человека» от «обязанности объяснять причину», то есть процесс мышления подменяется дурными эмоциями, вызванными привычными раздражителями.

Вот, пожалуй, стереотип № 1: «Красный — значит плохой!» Этот давно уже консервированный стереотип вдалбливается в головы американцев всеми средствами буржуазной пропаганды. По существу, никогда не прекращается ее главная кампания — антисоветская, а время от времени она превращается просто в истерию. У нее уже богатая история и глубокие корни. Пытаются они классовую ненависть. Вспомним, что с 1917 по 1919 год газета «Нью-Йорк таймс» девятнадцать раз предсказывала «неминуемое падение» и «скорую гибель» Советской власти. Вот одно из утверждений на эту тему: «Большевизм не способен создать... С экономической точки зрения продолжение существования советского режима невозможно, с политической — абсурдно». Как только на всю планету прозвучал ленинский Декрет о мире, газета «Вашингтон пост» тут же по-своемуотреагировала на него — призвала к войне против первого государства рабочих и крестьян. Как известно, похоронить молодую республику не удалось. Тогда в ход пошли ложь, клевета, дезинформация, а также и замалчивание правды о нашей стране. Десятилетия такой пропагандистской политики не могли пройти бесследно.

Почти четверть века назад я впервые побывал в Соединенных Штатах, но и тогда и сегодня не перестаю удивляться тому, как ничтожно мало знает американец о нашей стране. Сравнить эти его мизерные и, как правило, искаженные познания с тем, что советские люди знают о США, просто невозможно. Этот факт настолько очевиден, общеизвестен и бесспорен, что я не припомню случая, чтобы его отрицали или подвергали сомнению. В последние годы по инициативе американской и нашей сторон не раз проводились опросы советских и американских граждан с целью установить, что одни знают о США, другие — о Советском Союзе. При знакомстве с ответами американцев порой просто волосы дыбом встают. Так, например, не рядовых обывателей, а представителей самой что ни на есть элиты (политиков, банкиров, издателей и т. п.) попросили ответить на такие элементарные вопросы: «Сколько союзных республик входит в состав СССР?», «Назовите четырех советских писателей?», «Какие советские кинофильмы вы видели?» И вот ответы. Число советских республик варьировалось от 9 до 40, никто из опрошенных не мог вспомнить больше одного советского писателя, наши фильмы смотрели только двое из множества опрошенных. Другой пример. Среди аме-

риканских студентов, будущих географов, провели опрос о нашей стране, вопросы были на уровне самых детских, но многие ответы все равно звучали просто анекдотически.

И это не вина американцев, а их беда. Им не откажешь ни в уме, ни в любознательности. Мои встречи с ними — это прежде всего сотни вопросов, которые они задавали, чтобы удовлетворить свой интерес к самым разным сторонам нашей жизни. Несколько дней я провел на советской выставке в Лос-Анджелесе, посвященной 60-летию Октябрьской революции, и видел, с какой жадностью американцы тянутся к правдивой информации о нашей стране. Я бегом давал с посетителями, читал толстенные книги отзывов, присутствовал на вечерах вопросов и ответов и убеждался, как велик за океаном интерес к Советскому Союзу. Об этом же говорят не только мои личные впечатления. Недавно в США вышла книга «Путешествие по России: Советский Союз сегодня». Она была создана по инициативе известного журнала «Нэшнл джеографик». Его редактор Гилберт Гроувер в предисловии к книге писал, что он сам, побывав в СССР, понял, как мало американцы знают о нашей стране, как мало сообщают им о Советском Союзе американские средства информации. И вот два американца, писатель-географ и фотоматер, направились на несколько месяцев в СССР и создали книгу о всех пятнадцати советских республиках, они выступили с позиции объективных наблюдателей с целью улучшить взаимопонимание между обоими народами. В результате — первый тираж книги составил полмиллиона! И спрос читателей на нее не был удовлетворен. Для Америки такой успех — поразительная сенсация. И одна из ее причин — отсутствие в США правдивой информации о Советском Союзе. Этот старый-старый пропагандистский трюк — стереотип замалчивания — доводится порой до абсурда. Есть, скажем, в Чикаго всемирно известный музей науки и промышленности, есть в нем такое информационное табло, которое называется «Важнейшие события истории» и которое, по замыслу его создателей, должно отвечать на вопросы посетителей. Так вот, в перечне важнейших исторических событий нет ни Великой Октябрьской социалистической революции, ни Великой Отечественной войны... Нет, отнюдь не рядовой американец виноват в том, что он почти ничего не знает о Советском Союзе.

В целом направленная против нас американская пропаганда работает чаще всего грубо, но, увы, она тем не менее дело свое делает. Достигается это главным образом за счет ее интенсивности. Многомиллионные тиражи многих сотен газет и журналов ежедневно поставляют американцам как «консервированный смех», так и выгодную буржуазную пропаганду дезинформацию. Так, например, журнал «Ридерс дайджест» выходит в США и за рубежом тиражом более 30 миллионов экземпляров на 15 языках. Это издание удобной карманной формы публикует выжимки из других журналов, как бы спрессовывает, делает общедоступными сложные мысли и рассуждения. Много в нем и «консервированного смеха» и того, что называется полезными советами (как жить, не старая, как лучше готовить, как быть счастливым в браке и т. п.). «Мы находим путь к сердцу читателя, делая упор на житейские истории», — говорит один из редакторов журнала. Об этой «житейской»

направленности американской пропаганды мы еще поговорим дальше, но под ее соусом и в «Ридерс дайджест» мы найдем такие блюда, как: «Новая советская угроза НАТО», «Можем ли мы остановить советскую военную машину в Африке?», «Шпионаж: темная сторона разрядки» и т. п.

С ростом монополистического капитала в США шел (и продолжается) такой процесс — большой бизнес скупает так называемые «независимые» органы периодической печати. Таким образом происходит концентрация средств информации в руках их подлинных закулисных хозяев — финансовых тузов. Здесь мы вплотную подходим к одному из самых главных тезисов американских пропагандистских эквилибристов — о «свободе слова». Она действительно есть для тех, кто покупает себе в вечное пользование средства информации. Такие приобретатели этой «свободы» с другими не делятся. Американский историк Г. Зинн пишет:

«Резонно не только спрашивать, пользуетесь ли вы свободой слова, но и в какой степени вы ею пользуетесь, как слышен ваш голос и сколько людей могут его услышать. Право человека свободно высказываться определяется его доходом и политическим весом. Какой-нибудь радикал может воспользоваться ящиком из-под мыла и, забравшись на него, обратиться с речью к сотне людей в парке. Кто-нибудь еще может взять напрокат систему громкоговорителей, и его голос дойдет до нескольких тысяч людей. А корпорация может купить лучшее время на телевидении, и в один вечер ее услышат десять миллионов зрителей... Инакомыслящие могут издавать свои крошечные журналы и газеты. Но те, кто владеет журналами «Тайм», «Ньюсуик», «Макколс», «Ридерс дайджест» или газетой «Лос-Анджелес таймс», имеют огромное преимущество в использовании свободы слова».

Еще большей силой воздействия, чем пресса, обладает теперь телевидение: оно стало главным учителем американца, главным рупором пропаганды. Казалось бы, сравнительно недавно, всего-навсего в 1945 году, институт общественного мнения Гэллупа задал американцам вопрос: «Знаете ли вы, что такое телевидение, видели ли вы когда-нибудь работающий телевизор?» Через четверть века тот же институт на вопрос: «Что для вас является главным источником информации (радио, газеты, журналы, телевидение), которому вы больше всего доверяете?» — получил от большинства опрошенных ответ: телевидение. Изданный в Нью-Йорке фундаментальный труд об американском телевидении «И-ви бук» констатирует: «Более семидесяти процентов опрошенных американцев заявили, что главным источником информации для них является телевидение». Наконец, о силе его воздействия говорит и такой факт: подсчитано, что средний американец проводит перед экраном своего «ящика» ежедневно около четырех часов (а дети и подростки и того больше), точнее — 26 часов 18 минут в неделю. Это данные весьма авторитетные: их приводит компания «А. С. Нильсен», занимающаяся изучением телеаудитории в США и пользующаяся при этом самой современной техникой. Итак, выходит, что «средний американец» к 18 годам имеет за плечами уже более 20 тысяч часов «телезастажа», можно сказать, телевизионного образования. Ведает этим образованием монополистический капитал, поскольку телевидение в США — одна из его ведущих отраслей. Оно должно приносить прибыль и не имеет права не служить капиталу. Как и пресса, радио и телесети не только принадлежат большому бизнесу, но они еще тесно связаны с ним деньгами рекламодателей и просто не могут не быть его рупором. «Телевидение могло бы стать новым мощным орудием просвещения», — пишет американский профессор Роберт Хатчинс. — «Вместо этого нам продают мыло, пиво и развлекательные программы, составленные с одной целью: держать зрителя в постоянном напряжении от одной рекламной вставки до другой». Еще более конкретно сформулировал ту же мысль обозреватель Уолтер Липпман: «Хотя предполагается, будто телевидение свободно, оно, в сущности, является креатурой,

служанкой и, более того, проституткой торговли».

В свое время американские журналы «Лайф» и «Лук» были, по существу, главными рекламными проспектами среди всех средств информации в США. Затем набиравшее силу телевидение начало отбирать у них рекламодателей с их деньгами, оба журнала захирели, а один из них — «Лук» — и вовсе закрылся. Вот какова на самом деле кровная связь и зависимость прессы (и других средств информации) от большого бизнеса! Сегодня реклама на телевидении занимает 12—14 минут в час, рекламными вставками постоянно прерываются любые передачи. И чем популярнее передача, тем больше денег платит бизнесмен за свою рекламу. Так, минутная вставка в финальной футбольной встрече стоит 300 тысяч долларов! И нет ничего удивительного, скажем, в том, что телевизионно-рекламный бюджет одной только фармацевтической промышленности превышает 100 миллионов долларов в год.

Большой бизнес делает средства информации не только своим рекламным рупором, но и источником дохода, поскольку дело это само по себе прибыльное (многомиллионные тиражи газет и журналов, десятки миллионов телевизоров). А уже сам факт извлечения бизнесом дохода из средств информации не может не влиять на направление и качество пропаганды. Такова весьма простая и, можно сказать, железная схема. О ней неплохо сказал профессор Колумбийского университета, специалист по телевидению Фред Френдли: «Уолл-стрит обнаружил, что можно хорошо заработать на телевизионных акциях. Но трагедия состоит в том, что Уолл-стрит обнаружил также Нильсена (так называемый индекс Нильсена, определяющий популярность тех или иных передач у зрителей. — В. Н.) и размеры собираемой аудитории, и очень скоро главным фактором эфира стала странная формула. Биржа начала следить за размерами аудитории, а также за продажей рекламного времени, предполагаемыми доходами, объемом новостей и серьезными передачами в расписании, определяя телевизионное меню американцев».

Специализирующийся на стратегических исследованиях американский научный институт «РЭНД корпорейшн» выпустил монографию «Телевидение и человеческое поведение». Ее авторы изучили более 2500 книг на эту тему, проанализировали результаты опросов общественного мнения и сотни телевизионных программ. «Среди детей и подростков», — говорится в монографии, — «телевидение приобрело в воспитательном отношении большее влияние, чем родители и школа, а среди взрослых стало главным источником информации, который определяет их общественное поведение». Ученые из «РЭНД корпорейшн» в своих выводах идут еще дальше — они усматривают в телевидении даже «обещающую» возможность «массовой психотерапии». До нее дело пока еще не дошло, но стремление к такому сомнительному «идеалу» четко просматривается. В бесконечном потоке самых разных телепрограмм при внимательном их рассмотрении обнаруживаются общие пропагандистские тенденции, претендующие на массовое внушение, на «массовую психотерапию». Например, американские телевидение весьма упорно vzdalivaet своим зрителям мысль о неполноценности небелых граждан США. Делается это, разумеется, не с помощью голословных заявлений. Было проанализировано 5600 (!) героев телевизионных передач, они представляли национальные меньшинства США — негров, пуэрториканцев, выходцев из Мексики — «чиканос». Оказалось, что подавляющее большинство из них были показаны трусами, дикарями, злодеями. И, разумеется, их противостояли благородные и смелые белые американцы, в основном полицейские и шерифы, то есть представители тех самых карательных органов, которые стоят на страже интересов «белой» Америки.

Среди наиболее употребляемых пропагандистских приемов есть и такой: утопить существующие проблемы в лавине связанных с ней мелочей житейского, скандального толка, то есть тем самым скрыть ее социальные

корни, оставив в распоряжении читателя или зрителя то, что лежит на поверхности. Вспомним снова утергейтское дело, в результате которого Никсону пришлось покинуть свой пост президента США. Когда скандал разросся и скрыть его было уже невозможно, средства информации США утопили его социальную суть в океане бытовых мелочей и подробностей. Тогда в Соединенных Штатах мне довелось быть свидетелем всей этой сипотласки вокруг утергейтского дела, устроенной на потребу обывателя в газетах, журналах, на телевидении. Никто не рискнул назвать вещи своими именами, вскрыть корни политической коррупции прогнившей системы, но зато мелкий, зачастую дурно пахнущих деталей было хоть отбавляй. Они возбуждали привычное уже любопытство обывателя к такого рода информации, приятно щекотали его нервы и удовлетворяли вкус, давно испорченный бульварной прессой и не отстающим от нее телевидением. Целые газетные полосы и журнальные страницы посвящались описанию повседневной жизни главных участников утергейтского дела, их родных и близких. Телевидение часами транслировало передачи на эту тему, превратив политический скандал в очередное многосерийное развлекательное шоу. Я неоднократно видел эти своеобразные постановки и смог еще раз убедиться в том, что прием отвлечения внимания от главного, от сути проблемы отработан весьма четко. И это не только мое мнение. Об этой характерной черте то же самое говорит, например, телевизионный критик Р. Собел:

«Когда-то ветеран американской радиотележурналистики Эд Морроу читал сообщения из студии, используя лишь фотографии. Теперь в распоряжении У. Кроукайта (известного телекомментатора. — В. Н.) киноленты видеопленки практически из любой страны мира. Но изменилась техника, а не содержание. Почему американские телезрители и сейчас ничего или почти ничего не сообщают об отдельных странах, а о других, наоборот, твердят день и ночь? Не парадоксально ли, что американские телезрители знают подробности семейной жизни А. Садата и М. Бегина, однако не могут перечислить половины названий молодых стран Африки или Азии?»

Здесь не зря названы А. Садат и М. Бегин. Псевдодраматические подробности их якобы сенсационного личного сближения создали в прессе и на телевидении плотную завесу, за которой предаются интересы палестинского народа, снова за демагогическим треском и шумом скрывается социальная суть проблемы. К ней да и к другим вопросам американо-израильских отношений все средства информации в США подходят очень осторожно, поскольку сионистские силы имеют огромное влияние в прессе и на телевидении, для них не составляет никакого труда мгновенно начать массовую кампанию всеамериканской травли любого, кто попытается стать на их пути. От этого не застрахован никто, даже президент США, чему уже были наглядные примеры.

Точно так же, по команде, буржуазные средства информации способны «провернуть» любую пропагандистскую кампанию. Рассмотрим, например, как эквилибристы пера способствуют гонке вооружений в США.

В 50-е годы ими был поднят невероятный шум об «отставании США в бомбардировщиках» от Советского Союза. Мгновенно были воздвигнуты горы пропагандистской лжи, обыватель был до смерти запуган. Под этот шум военно-промышленный комплекс получил новые ассигнования на строительство бомбардировщиков. А затем оказалось, что платные пропагандистско-дезинформаторы завысили число советских бомбардировщиков в три-четыре раза. Это не мы выяснили, это потом сами американцы докопались, но дело было сделано — гонка вооружений вышла на новый виток. В 60-е годы началась аналогичная пропагандистская кампания, но уже по поводу «ракетного отставания» США от СССР. Все было разыграно по тому же сценарию, и в результате были отпущены средства на ракеты, гонка вооружений набрала новые темпы, а потом выяснилось, что советская «ракетная угроза»

была завышена в тридцать (!) раз. В 70-е годы по тому же принципу американская пропаганда заговорила о «гуманной» нейтронной бомбе, выдавая ее опять-таки за спасение от «советской угрозы». С аналогичной пропагандистской кампанией начались и 80-е годы, цель ее все та же — запугать Америку и еще больше взвинтить гонку вооружений.

Действуют ли такие приемы на американца? Увы, действуют. В этом убеждаешься, когда едешь по Соединенным Штатам, встречаешься и беседуешь с американцами. Вакуум незнания ими действительного положения дел в нашей стране заполняется дезинформацией и стереотипами о «советской угрозе» или о том, что «красный — значит плохой». Чем меньше знает американец о Советском Союзе, тем прочнее для него эти стереотипы. Когда в беседах с ним приводишь факты, которые от него скрывались, он просто терпится. Ему трудно представить, что при такой с виду широкой информации (телевидение, пресса и т. п.) он может о чем-то не веда.

Как известно, многосерийный фильм о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов называли в США так: «Неизвестная война» (?). В таком придуманном, разумеется, не нами, а самими американцами названии — обвинение против буржуазной пропаганды США. Как же так?! Почему десятки миллионов взрослых мыслящих людей не знают о величайшей в истории войне? Причем войне, которая имела прямое отношение к США? Факт явный: подвиг нашего народа явно замалчивался. Ведь стоит нормально человеку узнать хотя бы о понесенных нами огромных жертвах, как у него сразу могут появиться сомнения по поводу всевозможных вариаций на тему о «советской угрозе». И в самом деле, правда о минувшей войне — мощное оружие в борьбе против дезинформаторов. В этом каждый раз убеждаешься, когда беседуешь с американцами. О деяниях американцев и их союзников в ходе второй мировой войны они слышаны и начитаны, а вот о решающей силе, разгромившей немецкий фашизм, им рассказать вроде и забыли. Сотни, тысячи книг, телепередач, кинофильмов созданы в США о второй мировой войне, а вот о Великой Отечественной из них не знаешь. Парадокс? Нет! Фальсификация истории. И чем дальше уходим мы от тех огненных лет, тем активнее и наглее происки дезинформаторов и фальсификаторов. Не секрет, например, что американская пропаганда вносит свой немалый вклад в попытки обелить немецкий фашизм, отмыть его от грязи и крови. О Гитлере и его ближайшем окружении американский обыватель знает намного больше, чем о Великой Отечественной... Причем, повторяем, знает из рук фальсификаторов истории.

Известный американский писатель Эрскин Колдуэлл рассказал в газете «Нью-Йорк таймс» следующую историю:

«Вероятно, найдется немало людей, живших на Дальнем Юге в годы второй мировой войны, которые помнят, как в то время от Южной и Северной Каролины до Техаса распространялся один упорный слух. Многие восприимчивые южане с жадностью ухватились за него как за надежное обещание и вполне вероятно возможное. Было ли это продиктовано тайной враждебностью к северянам или же иллюзиями тех, кто подделывал этот слух, тем не менее многие твердо поверили в то, что некоторые видные политические деятели Юга заключили секретное соглашение с нацистской Германией. Согласно самой распространенной версии этого слуха, Адольф Гитлер обещал послать десант на побережье Южной Каролины и Джорджии и отдать приказ о систематическом истреблении всех негров и евреев на Дальнем Юге. Эта высадка ожидалась в середине войны, когда Гитлер одерживал победы в Европе. В Южной Каролине и в Джорджии, а, быть может, также в Алабаме, Миссисипи и других местах находились люди, которые были твердо убеждены в том, что нацистские военные корабли уже ждут у побережья Каролины и Джорджии. Во всяком случае, некоторые из них были столь уверены в том, что Гитлер выполнит свое обещание, что они держали на-

готовое оружие и автомобили, дабы по первому приказу выехать из дома и отправиться на побережье на соединение с десантными силами нацистов.

Даже сейчас, спустя много лет после того, как надежды на гитлеровское вторжение и оккупацию американского Юга не оправдались, в некоторых отдаленных горных районах все еще встречаются твердолобые люди, которые готовы утверждать, что Гитлер все еще жив и в любую минуту может прийти.

И хотя это звучит как нелепая выдумка, бытующая в местном фольклоре, люди, которые рассказывают об этом, говорят так, как если бы речь шла о втором пришествии Христа, будучи твердо уверенными в том, что Гитлер сдержит свое обещание, придет с карательными отрядами и поможет сохранить чистоту белой англосаксонской протестантской расы, истребив всех негров и евреев от Каролины до Техаса».

Эта история звучит анекдотично, по злобеще. И она еще одно обвинение в адрес буржуазной пропаганды, которая где тонко, где грубо, но всегда упорно и настойчиво пытается, с одной стороны, лишить американца правдивой информации о нашей стране и ее врагах, с другой стороны, дезинформировать его, исказить прошлое и настоящее. И если от дейкой истории, поведенной Колдуэллом, перейти к нашим дням, то получается, что, скажем, провокационный шум о тридцатикратном советском превосходстве в ракетах услышал в США каждый, а вот о том, что это оказалось ложью, мало кто знает. «Многие из тех, кто раньше говорил о «бомбардировочном пробеле», «ракетном пробеле» и «пробеле в средствах противоракетной обороны», сегодня говорят о «пробеле в гражданской обороне» и о ядерном перевесе Советского Союза», — констатирует журнал «Нью-Йорк таймс» и продолжает: «На протяжении всей истории гонки ядерных вооружений Соединенные Штаты первыми вводили большинство технических новшеств и новых систем оружия, за исключением ряда оборонительных систем, которым Советский Союз по традиции отводил более значительную часть своих военных усилий. Поэтому советские политические и военные обозреватели и говорят, что гонка ядерных вооружений — в значительной степени следствие того, что Соединенные Штаты все время вводят новые системы оружия, и, следовательно, виновны в ней только США».

Американский публицист Сидней Лэнс отмечает, что «лобби, наживающиеся на гонке вооружений, расходует ежегодно миллионы и миллионы долларов на оправдание гонки вооружений». За эти «миллионы и миллионы долларов» в стране создается такая атмосфера, в какой «трудно начать думать по-новому», как констатирует тот же Лэнс и продолжает: «Трудно преодолеть комплексы страха перед коммунизмом, которые держались шесть десятилетий, трудно подавить во имя служения человечеству свою националистическую гордость, укоренившуюся в течение двух веков, трудно расстаться с оглуляющим нас клише вроде «лучше быть мертвым, чем красным».

Верно, это клише, этот стереотип оглуляет человека. Это одно из самых печальных последствий буржуазной пропаганды. Дезинформация искажает представления человека о мире, приводит его к потере чувств реальности. Ведущий американский историк Ричард Моррис отмечает: «То, что телевизионные передачи расходятся с фактами, очень серьезно. Даже если искажено только пять процентов фактов, они могут оказаться ключевыми, и значительная часть публики будет вечно пребывать в заблуждении. Превратное понимание важных исторических событий может иметь серьезные последствия в национальном масштабе». Другой американский специалист, Уильям Янг, считает, что введение в заблуждение телевизионные передачи нарушили у множества зрителей представление об истине, изменили мировоззрение как взрослых, так и детей. А профессор Пол Куртц утверждает, что американцы оказываются событиями с толку и поставленными в тупик под влиянием электронных средств массовой информации, причем им становится все труд-

нее отличать вымысел от реальности. Что же касается прессы, то она, считает Куртц, во всем подражает телевидению.

Недавно лопнул еще один мыльный пузырь американской пропаганды. Дело в том, что буржуазные средства информации США годами создавали из иранского шаха образ просвещенного и гуманного монарха, «отца нации». Революция в Иране до конца разоблачила преступления этого палача своего же народа, а до его падения известный американский журналист Джозеф Крафт, автор традиционной колонки в газете «Вашингтон пост», писал: «Я был поражен необычайно широкими взглядами и осведомленностью шаха. Он является одним из самых здравомыслящих и искусственных правителей в мире». Другой корреспондент той же газеты дал репортаж о посещении одной из внутренних тюрем САВАК, в котором этот кровавый шахский застеночник выглядел чуть ли не санаторием! Революция в Иране вскрыла подноготную всех этих потуг буржуазных пропагандистов. Оказалось, что они просто напросто систематически получали взятки от иранского посла в Соединенных Штатах — деньгами, редкими винами, икрой (очень дорогой деликатес в США!). Многие из них относятся к ведущим журналистам страны. Истати, и в данном случае они служили не только шаху за его деньги и икру, но и все тому же военно-промышленному комплексу, которому был нужен именно образ благородного правителя Ирана, а не палача, погрязшего в коррупции. Ведь шах был крупнейшим покупателем американского оружия! Если с 1950 по 1971 год сумма военных закупок Ирана из США не превышала одного миллиарда долларов, то с 1971 по 1978 год она достигла 19 миллиардов. Можно сказать, что большой бизнес и Пентагон избрали новую деловую отрасль — иранскую, новый источник прибылей. Вокруг него тут же образовался целый рой предпринимателей и политиков, жадных до денег, и не обошлось, как видим, без дельцов от информации.

Одной из главных черт американских средств информации является их сенсационно-бульварный характер. Это одновременно стиль и метод. Этим они добиваются двух целей: портят вкус массового читателя, слушателя и зрителя и обалдывают его. Забивают ему голову ненужной, часто вредной чепухой, а о важных социальных проблемах и делах умалчивают. Светские сплетни и уголовная хроника превращаются в ведущие жанры. Обыватель давно приучен к ним и принимает сообщения из этой области за ту самую информацию об окружающем мире, которая ему необходима ежедневно. И наконец, такая тенденция средств массовой информации, рассчитанная на самый низкопробный вкус и самую широкую аудиторию, приносит наибольшие прибыли хозяевам эфира и газетно-журнальных полос. Каждый день работы американского телевидения и радио, каждый очередной номер любой буржуазной газеты и журнала убедительно свидетельствуют о такой целенаправленной деятельности, способствующей разложению общества и падению нравов. Эти черты буржуазной пропаганды ни для кого не секрет, их не скроешь за кулисами, они нагло заявляют о себе аршинными газетными заголовками и бесконечным потоком радио- и телепередач. Здесь не место подвергать их подробному анализу, но можно в этой связи вспомнить об одной из многих аналогичных кампаний, на примере которой видно, как работает механизм раздувания бульварной сенсации до общенациональных и даже мировых масштабов.

В Нью-Йорке одно за другим были совершены покушения на жизнь молодых женщин, шесть из них были убиты, семеро ранены. Полагали, что это дело рук одного преступника. Пресса, радио и телевидение развили поистине бешеную деятельность вокруг этих трагических событий. Еще долго до поминки преступника средства информации стали буквально его соучастниками. Зарабатывая на новой сенсации огромные деньги, они фактически прославляли и поощряли убийцу. Подскакивали тиражи печатных изданий, радио и телевидение, разумеется, не отстали от них. Пресса подумалась до того, что высказала такое

предположение: маньяк совершит очередное убийство в годовщину со дня своего первого преступления. И вполне возможно, что это предостережение привело к еще одному убийству через два дня после злоебной годовщины. После того как маньяк был арестован, в его комнате нашли целый склад газетных и журнальных вырезок о его преступлениях и жертвах. Выяснилось, что он буквально упивался тем, как широко подавали его пресса, радио и телевидение, какой культ создали они вокруг него. Он убивал, а средства информации делали деньги.

Убийцей оказался пекни Дэвид Беркович по кличке «Сын Сэма». Был на военной службе в Южной Корее, пристрастился там к наркотикам, после демобилизации стал мелким почтовым служащим. Наркотики, царящий в стране культ насилия, одиночество привели к искривлениям в его психике. История для Америки ordinaria. Но вот что выяснилось. Оказывается, еще до ареста «Сына Сэма» американские издательства, телевизионные и киномпании заключали договоры на книги и сценарии о жизни убийцы, о его преступлениях и жертвах. После ареста сам Беркович тоже взялся за перо, у него, как это водится в США, тут же появился свой «литературный агент». Даже адвокат убийцы начал торговать магнитофонными записями рассказов своего клиента. Сосед Берковича стал брать за каждое интервью о своем знакомом по 15 тысяч долларов, бывшая возлюбленная «Сына Сэма» распродала его письма (по несколько сот долларов за каждое), родители жертв убийцы каким-то образом подсчитали нанесенный им моральный ущерб и перевели его в доллары, предъявив иски на несколько миллионов. Одним словом, кровавый маньяк породил многомиллионный бизнес! Журнал «Ньюсик» приводит такое высказывание одного из американских редакторов: «Это была одна из самых тошнотворных и отвратительных кампаний, которые мне довелось видеть за всю свою жизнь». Любопытно, что тот же «Ньюсик» сам внес свою посильную лепту в эту «отвратительную кампанию»: не только опубликовал много материалов о Берковиче, но и поместил его цветной портрет на своей обложке. Весьма характерно для нравов американской журналистики то, как объяснил этот факт один из руководителей еженедельника. Кеннет Очинлос: «После той колоссальной шумихи, которая была поднята вокруг этого дела даже самые уважаемые издания и телевизионные компании, трудно согласиться с тем, что публикация его портрета на обложке нашего журнала добавит к его известности нечто новое. «Ньюсик» посвятил ему главную статью номера лишь потому, что она вызвала огромный интерес». С одной стороны, это вроде бы беспомощный полет, с другой — что вернее — программа: ради «огромного интереса» (и прибыли!) можно пойти на все! И плевать на мораль и нравственность...

Не менее убедительно о сути и стиле буржуазной пропаганды говорит и то, как из жизни одного заурядного убийцы средства информации устроили всеамериканское шоу. Можно вспомнить, что еще в 1849 году Чарльз Диккенс писал: «Человеку трудно представить зрелище более чудовищное, чем вид веселящейся толпы, собравшейся для лицезрения казни. Я твердо убежден: ничто другое не оказывает столь телероющего влияния, как одна публичная казнь». Во времена Диккенса на ужасном «спектакле» могла присутствовать толпа зрителей. В наше время в США на такое «развлечение» собрали миллионы телезрителей.

Некий Лоуренс Шиллер, кинопродюсер и фотограф, обошел, перебрал всех своих конкурентов и не только стал очевидцем расстрела приговоренного к смерти Гэри Гилмора, но и получил монопольное право на публикацию связанных с этим событием материалов. Предпринимчивый дельц заключил контракты с преступником и членами его семьи, и все газеты, журналы, радио- и телекомпании вынуждены были иметь дело с Шиллером. Он дал десятки тысяч долларов Гилмору, его родственникам, его подруге и ее матери, семьям двух жертв убийцы

и после этого стал загребать сотни тысяч с разных средств информации. Он бойко торговал магнитофонной пленкой (на 16 часов) с записью его бесед с Гилмором, а также фотографиями преступника. Журналу «Плейбой» Шиллер продал полную историю Гилмора, а с приговоренным и его родственниками подписал контракт на съемку фильма для показа по телевидению.

Такого рода «дельце» не первое в «творческой» биографии Шиллера. Он возмущается, когда его называют королем «некрофильной журналистики», когда говорят, что он «питает слабость к трупам». Сам он считает, что в случае с Гилмором был лишь «инспектором манежа» в разыгрываемом средствам массовой информации цирковом представлении.

И вот миллионы американцев наблюдают настоящую казнь по телевизору. Кстати, тюремные власти каждый час издавали бюллетени о подготовке и самой казни (издавали, может быть, за деньги того же Шиллера?). Когда начальник тюрьмы объявил, что приговор будет приведен в исполнение на рассвете, телезрители возмущались: «Нельзя ли поточнее? У нас же намечена передача прямо в эфир?»

Как бы подводя итог всей этой истории, газета «Интернэшнл геральд трибун» пишет: «Бои гладиаторов в Риме принято считать одним из признаков разложения Римской империи. Что же можно сказать о стране, где в наши дни возмездие за содеянное преступление превращают в цирковое представление и несут это зрелище в каждый дом?»

Американская пропагандистская машина действует не только через приводные ремни бизнеса и политики. Как важная составная часть в нее входит и государственный аппарат информирования общественности, в этом федеральном аппарате работают около пяти тысяч специалистов по информации, а его ежегодные расходы составляют около одного миллиарда, долларов. Любопытно, что правительство тратит на собственную рекламу около 200 миллионов долларов в год.

Не каждый, наверное, знает и об огромной пропагандистской машине Пентагона. Американский публицист Лэдд справедливо отмечает: «Общепризнано, что могущество Пентагона в американском обществе пронизывает из двух источников: денег и оружия, покупаемого на них. Незаметным остается третий источник власти: контроль над информацией. Имея огромные ресурсы в своем распоряжении, военные сословию обладают возможностью большого контроля над информацией, чем любое другое ведомство правительства». Верно! Пентагон издает и распространяет по всему свету более тысячи газет и журналов, у него 350 станций в тридцати странах, в том числе 100 телевизионных. Мощная пропагандистская кампания Пентагона внутри США и за их пределами «целиком направлена, — как говорит видный американский политический деятель Фулбрайт, — на создание впечатления, будто милитаризм несет пользу каждому из нас». Ну, и, разумеется, та же пропаганда утверждает, что разрядка международной напряженности вредна и опасна для Америки. Ко всему прочему необходимо отметить то большое влияние, какое Пентагон оказывает в США на органы информации и телевидение, на издательства и киностудии. Прославляющие военизм, милитаризм, агрессивный внешний курс книги, телепередачи, фильмы постоянно и широким потоком обрушиваются на американца. Точно так же его всюду преследует специальная реклама Пентагона, зазывающая молодежь в армию. «Вступив в армию — увидишь мир», «Морская пехота делает из тебя мужчину», «В армии бесплатно получишь профессию, бесплатно станешь первоклассным спортсменом» (тоже, можно сказать, профессия!) — такие и подобные им призывы раздаются со страниц газет и журналов, с телеэкранов, ими завешены улицы и дома.

Тоже, конечно, солдафонский перл! Но если учесть, что безработица больше всего бьет по молодежи, если учесть, что за учебу в высшей школе надо много платить, то и такая реклама сойдет, подействует, осо-

бенно когда тебе всего-навсего восемнадцать лет...

Точно так же орудует в сфере пропаганды и Федеральное бюро расследований (ФБР), то есть американская охранка. Серия фильмов о ФБР шла на телеэкранах несколько десятков лет (!), сам глава бюро Говер лично выбрал главного героя серии и просматривал каждую новую передачу до ее показа зрителям. Разумеется, это теледетище Говера запугивало американцев «внешними и внутренними врагами» и прославляло роль ФБР как спасителя нации.

С не меньшим рвением использует американскую пропаганду Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Недавно выяснилось, что его агентами являются сотни американских журналистов как в самих США, так и за пределами страны. При расследовании деятельности ЦРУ комиссия американского конгресса установила, что по крайней мере 29 процентов тайных операций ЦРУ велось через органы массовой информации и пропаганды. Так сформулировала этот итог американская газета «Вашингтон пост» и продолжала, что такая практика ЦРУ «означала расходование миллиардов долларов на то, чтобы заставить другие страны следовать тайной линии американской пропаганды». Газета «Нью-Йорк таймс» по этому же поводу писала, что «ЦРУ прибегало ко всевозможным ухищрениям с целью повлиять на общественное мнение других стран — от подделки исторических документов до приукрашивания истинного положения вещей, от тенденциозных новостей до откровенных фальшивок».

Здесь самое время упомянуть и об американской пропаганде, направленной не только на США, но и на другие страны. Официальные власти США уделяют ей большое внимание. Очевидно, с их точки зрения, затрачиваемые на нее огромные средства не производили должного эффекта, и поэтому в 1978 году внешнеполитическая пропагандистская служба Соединенных Штатов была перестроена. На базе информационного агентства США (ЮСИА) и бюро госдепартамента по вопросам образования и культуры было создано новое пропагандистское ведомство — управление по международным связям (УМС) США. Бывшее главное внешнеполитическое ведомство — ЮСИА, можно сказать, политически обанкротилось. Созданное в годы «холодной войны», оно было безнадежно заражено ее вирусом. «ЮСИА родилось на волне «холодной войны». Большинство его работников воспитано в этом духе», — писал в книге «Война слов» американский специалист по пропаганде Т. Соренсен. Недаром только за 15 месяцев против деятельности ЮСИА произошло 67 массовых выступлений в разных странах. Пришлось сменить вывеску, произвести реорганизацию, но суть нового ведомства осталась, увы, прежней, правда, теперь его деятельность придан еще больший размах. УМС имеет более двухсот заграничных отделений, где работают свыше пяти тысяч сотрудников. Новому управлению подчинен «Голос Америки», имеющий свыше ста передатчиков, ведущих трансляцию на 37 языках. Ко всей этой мощной пропагандистской машине добавляются также и подпольные радиостанции ЦРУ «Свобода» и «Свободная Европа», засоряющие эфир ненавистью и клеветой (тоже на американские доллары).

Апологеты американского образа жизни не любят упоминать о том, что американские власти имеют в своем распоряжении поистине гигантский пропагандистский аппарат. Более того, они нередко имеют наглость утверждать, что такой официальной машины вообще не существует, поскольку у них все, мол, основано на «независимости» и «свободе слова». На приведенных выше примерах мы смогли убедиться, что на самом деле на американца обрушивается поток такой информации, какая устраивает власть имущих в США. Сила и направление этого потока точно рассчитаны на то, чтобы манипулировать сознанием общества в целях правящих в нем кругов. И от этого факта нигде не уйти даже самой изощренной буржуазной пропаганде.

Центральный Комитет КПСС с удовлетворением отмечает, что коллективные объединения на протяжении длительного времени устойчиво обеспечивают высокий уровень добычи нефти — 40 миллионов тонн в год. Претворяя в жизнь решения XXV съезда партии, за четыре с половиной года вы добились сверх заданных пятилетнего плана свыше 7 миллионов тонн нефти и около 600 миллионов кубических метров газа.

Достигнутые успехи — результат самоотверженного труда...

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из приветствия рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям производственного объединения «Башнефть».

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

Есть на буровой место, называемое деревенским словом — полата. Ведет к ним несколько маршей позвонивающей металлической лестницы. Поднимаясь, а сердце слегка екает, особенно если работаешь ледбедом и вышка вибрирует. Зато, когда заберешься на самую верхокруту, — хорошо. Видно далеко: набегает порох за полями, умытый лес кудрявится, по линейке дороги ползет жуток автомобиля, осколок воды поблещивает под солнцем... К далам приглядываясь и обязательно увидишь где-нибудь еще такой маячок — хрупкую в нестойком мереве вышку. А заберись на ту, заметишь еще не одну тоненькую пирамидку. Так и бегут они, кажется, по всему пространству от Волги до Урала и даже дальше — туда, за Урал, к Оби, на Север. И есть среди них одна, с которой все и началось...

Недолго пылил «газин» по степным накапанным дорогам и мчался по леснящемуся полотну асфальта. Вскоре неваднее от горола нефтяников Ишимбай мы остановились перед стеной, украшенной чешанкой и надписью: «16.05. 1932 г. скважина 702 положила начало «ВТОРОГО БАКУ». Возле стояла вышка. А под ней скважина. Она-то и дала во всем этом огромном регионе первую тонну нефти. Первую из добытого к лету нынешнего года миллиарда тонн.

Мы вносили Ишимбай, из брав дорожку, что побыстрее доведет нас до другого нефтяного центра Башкирии — города Октябрьского. Широкий рейдер пылит, выматывая душу, а скачущий «газин» словно и рад этому — мчит вволю, разве что не ржет от счастья.

— Братцы, не дать ли бокам отдохнуть? — взмолился я, когда мы подъезжали к Белебее. — Да и знакомых надо бы познакомиться.

Было время, когда название города чуть ли не каждый день в нашем доме звучало. Брат здесь работал нефтяником: то приехал от него, то сам придет. А теперь здесь работает одноклассник брата — мой хороший знакомый.

«Генрих Исаевич!» — чернул я в записке. — Проездом я здесь, свидимся ли? И вечером я слушал рассказы первого секретаря Белебеевского горкома КПСС Генриха Исаевича Николаева, и город передо мной поворакался разными гранями, словно наместек в

луче света. Белебей немолод — ему около двух веков. Жил, как положено захолустью, — дремал. В революцию дал немало героев и выдвинул славные имена. В гражданскую Чапаев хаживал здесь. Так что история небезна. А новые ее страницы открылись с появлением нефти.

Ты помнишь знаменитое Шапозское месторождение? Оно ведь здесь. В пятидесятые годы выросли поселки нефтяников — Приютово, Аксаково. Теперь в Белебее с этими поселками вместе — семидесят тысяч человек. В наши предпринял Посмотреть хотя бы завод «Актонормаль» — там готовят почти все метизы для БАЗа и КамАЗа — громадина. А наши нефтяники! Жаль, что уезжаешь, с хорошим буровым мастером хотел тебя познакомиться: Латыпов Ахат Фасхутдинович...

Наутро мы отправились к Латыпову. Он местный. Родился Ахат в деревне Тоукай-Гайны в 1933-м, когда еще и года не прошло с открытия башкирской нефти. А между тем многим из его сверстников нефть уже уготовила поворот в судьбе. Вероятно, все люди, которые успешно сложили свою жизнь, говорят, что им повезло. Вот и Ахат Фасхутдинович утверждает, что ему повезло: попал он в комсомольско-молодежную бригаду. Там и стал настоящим буровиком. А та бригада, с которой он работает сейчас, организовалась восемь лет назад. Латыпов преисполнен знаний своих специалистов. Скажем, один буровик, рабочий, ведет бурение, зато отлично справляется с обсадкой колонны. Этот лучше других умеет начать скважину, а то тонко чувствует сам процесс бурения. 27 декабря 1973 года бригада уже выполнила пятилетку, десять раз латыповцам присуждали призовые места в республиканском социалистическом соревновании.

Когда мы с Латыповым подъехали к буровой, инженер и несколько молодых ребят рассматривали валяющийся на земле обрывок трубы. Несколько часов назад здесь произошла авария — оборвалась буровая колонна. Но неприятность быстро ликвидировали, хотя скважина эта и необычная. Точнее, не скважина — обычная, а буровая бригада. Она состояла из бойцов студенческого строительного отряда имени Салawatора Альдеина, отряда Уфимского нефтяного института. А возглавлял ее тот же Латыпов, имеющий, заметьте, еще и собственную бригаду.

Работа начала скважину недавно, а уже дошли до глубины 1300 метров. На полатах, куда я забрался, погуливал ветерок. Я полюбовался работой молодого парня — строителя Фазыла Ахмадишина, гнул он анза, под ноги, туда, куда ускользали тротуры. На крохотном пятнышке буровой трудился товарищ Фазыла, и, когда, провояная взглядом, пылающую вверх трубу, он вскидывал головы, на их лицах вспыхивала мальчишеская улыбка...

До города Октябрьского мы есетами добрались. Сначала увидели большие и огромные заводские кор-

пуса, затем — дома современной архитектуры, и, только уже по порядку проехав по городу, попали в его «старую» часть: многоэтажные дома с башенками (в стиле излншества) на центральной площади, от которой расходились хорошие спланированные и уютные улицы.

Если Ишимбай знаменует открытие башкирской нефти, то Октябрьский — расцвет нефтедобычи. В тяжелое для страны время, в годы войны, главный геолог «Башнефти» — ныне академик, А. А. Трофимук принимал решение: возобновить разведку глубинных, девонских горизонтов на Туймазинском месторождении. Приходилось работать в непривычной грязи, в бездорожье, при нехватке жилья и остром дефиците инструмента. Но в сентябре 1944 года скважина № 100 дала мощный фонтан, сразу удвоив добычу всего треста «Туймазанефть». Так начинался Октябрьский — новый центр нефтяного района республики, вложивший в башкирский миллиард чуть ли не треть.

В исполное городского Совета мы познакомимся с двумя заместителями председателя — Анваром Ахметгалеевичем Санаевым и Александром Николаевичем Рыковичем. Многие люди здесь, они казались вполне под стать городу, которому не исполнилось и тридцати пяти лет. Мы беседовали втроем.

— Сейчас в Октябрьском живет девятно тысяч человек. А в двухтысячном будет 140 тысяч. — И все они работают будут на нефть?

— Почему все? Строится завод «Автомобиль» — заводное, виден эти корпусы. Но основная доля, больше половины, это, конечно, нефть, газ, различные виды оборудования, приборы для нефтяников.

Но есть в «продукции» Октябрьского еще одно, о чем следует упомянуть особо, — опыт. Так сложилось с самого начала, что многие нововведения в работе нефтяников начинались здесь, в городе Ленина треста «Туймазанефть». Сейчас уже мало кто, наверно, вспоминает роторное бурение, когда, подобно сверлу, вращается вся колонна, трубы испытывают трение, нагрузка, ногами за буровой стоит ужасающий грохот. На смену ротору пришел турбобур. Отсюда пошла и технология «законтурного заводнения» и масса других нововведений.

В самом конце поездки встретился я с генеральным директором ордена Ленина производственного объединения «Башнефть», депутатом Верховного Совета РСФСР Евгением Васильевичем Столяровым и задал ему несколько вопросов.

— Скажите, чем республика обязана нефть?

— Если говорить коротко, то с нефтью связана около двух третей экономики Башкирии. У нас мощнейшая в Союзе нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность. Нефтяная промышленность повлекла за собой развитие энергетики, строительство дорог. Вообще трудно назвать такую отрасль в республике, которая бы не была связана с нефтью.

Мне приходилось встречать башкирских специалистов и в Тюмени, и в Туркмени, и на Крайнем Севере — словом, почти всюду, где возникает сылзур буровой вышки и на нефтяном резервуаре. Чем это объясняется?

— Башкирские нефтяники были первопроходцами многих направлений в нефтедобыче, которые затем стали широко применяться по всей стране. Вслед за турбобурами у нас испытывались электробуры. Именно в Башкирии первыми переходили на бурение скважин сначала уменьшенного, а потом и малого диаметра. Это значительно удешевляет скважины.

Первыми в стране мы освоили электророторные насосы. Испытали систему автоматического телеконтроля, внедрили футерованные и остеклованные трубы — это решает проблему борьбы с осадением парафина. Мы начинали наклонное, а затем и кустовое бурение. С одной точки сейчас бурим до двадцати скважин, теперь этот метод широко применяется повсюду. Но там, где возникают новые методы, воспитываются и хорошие кадры. И башкирские специалисты всегда помогали соседям. Помогают и сейчас. 1800 наших нефтяников работают в летающих бригадах. Они отправляются на вахты в районы Тюмени, а на отдых возвращаются домой, в Башкирию. Такие бригады помогают обеспечить быстрое освоение месторождений в местах труднодоступных, где не ведется бурение, освоение посевных посевков. Поэтому вы повсюду встречаете земляков.

— Со времен детства помнится мне такая история. Хозяйка на рынке выбирает рыбку. «Ага, — расщелкает она к башкирке, — а рыба твоя неросником не пахнет?» «Нет». Женщина принимает: «А говоришь, не пахнет!» «Так это не неросник. Нефть-а...» уважительно объясняет апа. Так что, неросником рыба не пахнет?

Столяров смеется:

— Былает, и пахнет. Только это скорее вина речников — кто мазут сбросит, кто еще что. И к этому вопросу подходим строго. Замечали, как выглядят буровая и потом то же самое место, когда остается действующая скважина? хлеба и ный подходить чуть ли не вплотную. Сюда работы из буровой мы тщательно разравниваем место, где она стояла, покрываем почву гумусом, аккуратно соранным перед началом работ, и только в таком виде, едва площадь колхозу. Сейчас начинаем использовать воду в замкнутом цикле, более того, закачиваем в пласт водные отходы других производств — например, Стерлитамакского содового комбината. Одно из для защиты природы нужны усилия не только нефтяников. Мы проводим антикоррозийную защиту труб в полевых условиях, но нет-нет да и слышится разрыв трубы. Если бы такую защиту делали на самом заводе-изготовителе, было бы надежнее. Природа — наше главное богатство, заботиться о ее сохранности — не менее важно, чем бороться с загрязнением.

— Один миллиард тонн. Путь дайному в сорок восемь лет...

Разве следить за ходом мысли, когда стоишь ранним утром над проспектом реки? Да не просто рекой, а той, что знакома с самого детства. Вот от того здания «купальни» — так звали мы водную станцию — впасть перебиралась на другой берег. Пока Белую переплывешь, течение снесет чуть не до устья впадающей в нее Демы. Тут нужно не зевать, а то унесет под железнодорожный мост. А если смотреть в другую сторону, ослепительная солнечная туман не растворяется под автомобильный. Проскользнула белая катерок под его крутую арку и словно растворилась в бликах солнечной дорожки. Нет, туман. Вспомнил, а Уфимский еще одну реку, которая оплетает город, расположившийся на откосах. Вот так и стоит он — горка на горке, шихан на шихане. Говорят, шихан — черт башкирский — умирал, поднимался, и выдохнул: «У-у-у-у... а-а-а». Так и пошло — Уфа... Да, изменилась и ты, Уфа. Выросла настолько, что и горы прежние уже просто хлямки. Вот уже родился твой миллионный житель. Кем он будет? Нефтяником?

Отсюда не видно, но я знаю: вниз по реке пойдут заводы, заводы, заводы. Убожал катерок скрылся за плесом. Вплзла на мост зеленая гусеница электрники — и тихо, тихо так над водой.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВНА

41

...Минут через десять после взлета он поднялся со своего места первый раз. Бортпроводница вскинулась с кресла в хвосте самолета:

— Гражданин, просили ж со своих мест не подниматься!

— Девочке дуется, — сказал Кротов, просяще, — ребенку холодно.

— Местами поменяйтесь, вам дуть не будет.

— Я легочник, — ответил Кротов, — но не во мне дело, дайте дочке в окно посмотреть, а то плакать начнет, пассажиров нервировать...

Бортпроводница покачала головой, но все-таки отдернула занавеску. Кротов вошел в багажное отделение, чувствуя на себе взгляд девушки. Открыл чемодан женщины так, чтобы из-за спины было видно его содержимое (ину, кулемы бабы, ничего и сложить не могут толком), достал теплую кофточку.

— Спасибо вам, — сказал он и вернулся на свое место.

Укрыв девочку, спросил:

— Ну, теперь тепло?

— А мне не-е было хо-о-лодно, — протянула девочка, — мне хорошо было.

— А вот смотри, какая гора, — сказал Кротов. — Видишь, какая высокая?

— А кто на ней живет?

— Бараны пасутся.

— Там волшебник живет, — сказала девочка. — На высоких горах живут волшебники.

— А чего им там делать? — спросил Кротов, не спуская девочку с рук. — Волшебники на море живут, там, где пальмы растут.

— И на горах тоже, откуда видней.

— Ты давай спи, волшебница, — сказал Кротов.

— Ой, она такая беспокойная, — сказала мать. — Не могу ее приучить днем спать, а в консультации была, врачи упреждали, что детям надо днем спать, а то нервы расшатываются.

— Спи не спи, все одно расшатываются, — усмехнулся Кротов.

Самолет вошел в облака, начало болтать, и Кротов подумал, что это тоже в его пользу, пусть бы девочка начала блевать, хоть тут зеленые пакеты воткнути, все равно хороший будет повод встать, одержонку, мол, надо помянуть, а то мучается доченька, сердце-то у вас есть?

Он глянул на часы, спросил соседку:

— Горшок везете?

— Так здесь же туалет.

— В туалете дребезжит все, испугается дочка...

— В сумке банка есть...

— Я принесу...

Женщина улыбнулась:

— Да как же в банку-то? Неудобно, люди кругом...

«Я уж ей не человек, — отметил Кротов. — Со мной уж, как со своим. Ишь, кошки, все одним миром мазаны. Представляю, как орать обе будут, когда я и ачну. Это, между прочим, хорошо. Когда истерика и вопль — это делу

помогает, это только слабонервных пугает, мне, наоборот, сил придает, спокойствия. Не зря батя учил: «Когда кругом шум, ты в себе спокойствие ищи. Особенно если бабы голосят. Ты тогда и начинай то, что задумал. Мно их крик силы придает. Я же — ледекол, мне ли на вопли да сопли внимание обращать? Мне идти вперед, по своему курсу. И тебе — тоже». Интересно, отчего ж я детей не люблю? Но злодей же я, нормальный человек, значит, о потомстве должен думать, чтоб помирать было не страшно... Это, наверно, мне в голову засело, когда батя велел матери в больницу идти. А мно потом сказал: «Пеленки воняют, корыто на кухню, бока все набьешь... Писку сколько! А толк? Вот и ты: подрастешь, станешь своею жизнью жить, не зря говорят: «отрезанный помоть». Человек — животное, а каждое животное рождено для того, чтобы свою судьбу прожить. И глаза-то не отводи: сейчас ты для матери пуп земли, а родился б еще кто — побочку, нет тебя, все младенцу. Так что обиду не строй, тебе ж самому свободной жить, а то ухаживай, слушай, как орет, — не велика радость. Свободу ценю, Николай, как ветер, должен жить. Захотел — снялся, чего себя привязывать? Один раз в мир пустили, так и пожить надо всласть». «А ты? — спросил он тогда отца. — Ты-то привязанный, и я у тебя сын». «А ты думаешь, я тебя хотел? Не сопи, не сопни носом, я правду говорю, сам знаешь, как отшошу к тебе. Ее для меня нет, прими-подай, пшла вон, потому что отца твоего предала, и прощения ей моего никогда не будет. А ты решай: с нею ты или со мной. Решай, я не люблю, когда и нашим и вашим. Утриси! Как с мужиком говори! Ценю! Говоришь, привязанный я... Были б деньги... Тебя будут учить: мол, труд, порыв — это ты слышишь и с силой не спорь, не перешибешь. Но себе на ус намотай: сила — это все, а сила — золото, другое тленно... Дед наш был сильным, но глупым, моей прямоты не снес, обделил, но я-то помню время нашей силы».

Кротов глянул на часы.

«Нет, еще надо подождать, — размышлял он. — А может, нет? Может, пора? Сейчас мой чемодан лежит сверху, открыть его — секунда, не должна теперь эта сука у меня за спиной стоять, я ж ее успокоил, все высмотрела. Пора, видно».

Он поднялся, и бортпроводница не закричала, чтоб он сел на место.

Проходя мимо девушки, Кротов заставил себя улыбнуться, хотя знал, что улыбается он плохо. Перед зеркалом не один час присидел, изучая лицо, каждый мускул свой знал. Сострадание имел угрей, внимание получалось отменно, грусть, радостное ожидание. Никто, как он, не умел реагировать на анекдоты — это очень располагает людей, а расположенного к себе можно мять, как пластилин, только без нажима, контролируя мышцы лица, чтобы ненароком не отпустить себя, не выдать постоянную напряженность. Людям, которые напряжены, не очень-то верят, их бавизуются. Хороши к тем, от кого не надо ждать неожиданностей, а все это сокрыто в лице, изучи его — и ты победитель. В школе абвера сколько раз отца вспоминал, тот постоянно м а с к у держал — полуулыбка, полуунивание. И за ртом особенно следил, Кротов, у тебя губы плохие, поджатые, прямые, с белинкой. И брови почаще поднимай, словно удивляешься чему-то, вот так, верно держишь себя, молодец, Кротик, молодец...

Он — зашел — за занавеску, стремительно открыл свой ящик, поднял полочку с инструментом, достал пистолет, сунул за ремень, начал открывать чемодан женщины и тут услышал за спиной голос:

— Вы чего так долго, гражданин!

42

Костенко, выйдя от Лебедева, сразу же передал из машины по рации:

— Вниманию оперативных групп для передачи по Союзу: разыскиваемый нами преступник чаще всего менял внешность на старика — брил голову и отпущал бороду. Умел наводить на лицо шрамы.

Тадава немедленно передал эту информацию по всем аэропортам Закавказья, откуда уходили самолеты на Батуми и Сухуми. Такого же рода установка ушла в Среднюю Азию, Прибалтику, Карелию и в Калининградское пароходство.

...Костенко ехал в Сухуми, ажавшись в сиденье «Волги», норовил как-то приладиться, чтобы хоть немного подремать. Предстоял полет в Тбилиси, оттуда после очередного совещания с пограничниками вылет вместе с Серго Сухишвили в Адлер. Должен поддыхать Месроп и Юсуф-заде из Баку.

Костенко давно присматривался к Юсуф-заде, и чем больше он к нему приглядывался, тем большей симпатией проникался.

Капитану только-только исполнилось тридцать, в милицию он пришел юношей, закончил юридический заочно, сейчас кончает, тоже заочно, философский факультет. Костенко норовил попасть на каждое совещание, которое проводилось в Баку союзным министерством, потому что жил здесь старинный друг Зия Буниятов, ставший Героем Советского Союза в двадцать два года. Здесь, в Баку, Костенко и познакомился с Юсуф-заде. Он тогда спросил капитана: «Зачем вам философский факультет, хотите уходить в науку?» Юсуф-заде не обиделся некоторой снисходительности вопроса, а может быть, сумел не подать вида, ответил убежденно:

— Хочу теоретически разобраться в тезисе, который давно уже сформулирован: «Преступные преступления, ее базис ликвидированы». В чем же тогда дело, если социальная подоплека нет? Почему грабители? Хулиганы? Насильники? В чем дело? Каковы наши упущения? Нельзя жить моралью чеховского персонажа: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Такой ли уж реакционер Ломброзо? И нужно ли постоянно атаковать Фрейд? Что есть причина той или иной человеческой аномалии? Как можно рассчитать на компьютере генетический код того или иного преступника? Можно ли это вообще делать? Нет ли в этом нарушения нашей морали?

Костенко, выслушав Юсуф-заде, сразу же заметил себе: «Надо его тащить в центральный аппарат».

Юсуф-заде, однако же, не только отказался от предложения Костенко, но и вовсе, по мнению его коллег, отчуждил: попросился на работу в горный сельский район. Его не хотели отпускать — звезда бакинского угрозыска, — но он доказал начальству, что даже год работы вдали от центра поможет понять, в чем разница динамики преступности деревни и города и правда ли, что преступления там и здесь сугубо разнотипны по своей изначальной причинности. То есть хотелось ему высказать для себя вопрос, поднятый в литературе: «Мол, город дурно влияет на человека, деревня же, наоборот, лечит душу».

Просьбу его уважили, откомандировали на год. Вернулся он с тремя папками, педант, что твой немец. Посмеивался: «Почвенность — слово, конечно, звучное, однако к на-

Окончание. См. «Огонек» №№ 22—36.

Это место на буровой называется — полати. Верховой Фазыл Ахмадишин — один из бойцов студенческого строительного отряда имени Сальвадора Альенде Уфимского нефтяного института. * В детском саду № 15 города Ишимбая. * Под этими тихими водами, возможно, скрывается нефть.

шему веку никак не приложимо, кренил не в ту сторону. Ибо город и деревня настолько взаимосвязаны и близки — чуть не в каждый совхоз вертолет летает, — что уповать на диллиню сельской благости, на ее особую духовность — значит прятать голову под крыло, уходить от острых вопросов, а это никак не годится. Ленин учил острые вопросы обнажать, а не замалчивать.

Когда Костенко подбирал себе группу, он попросил генерала, чтобы тот санкционировал привлечение и Юсуф-заде. В Баку согласились. Капитан отправился на электронно-вычислительный пункт и вместе с воздушной милицией составил график полетов: к границе и в глубь республики.

— Он вполне может приехать на поезде к погранзоне, — объяснил свою мысль Юсуф-заде, — а полет в центр всегда более беспечен, если так можно сказать о полете...

— Ну-ну, — откликнулся Костенко, — что-то в этом есть, давайте будем проецировать такую возможность и на другие районы, мысль занята...

...Задремать Костенко, конечно же, не мог: вспоминая этот разговор с Юсуф-заде, сразу же явственно увидел лицо Лебедева — этот бы поступил именно так, по-змейски, от противного. Он и «Салэм» держит от противного. Ни одной прямой линии, весь запутан зигзагами и кривизнами. Живет не своей жизнью, он играет жизнь, каждый день, видимо, наново придумывая себя. А какая же сильная штука — память! Эй! Эх его перекуюжило, когда я прочел ему показание, — вся краска исчезла! Какая там краска! Он, словно разбитое стекло витрины, ополз, превратился в крошево.

«А ведь что-то грядет, — подумал Костенко. — Эй-богу, грядет, чувствую кожей, будь неладяны эти мои чувствования, как же спокойно без них, а! Может, Жуков прав, может, никакое это не чувство, а логика? Действительно, убийство Кротовой, весна, полное вероятно, что оба трупа уже обнаружены; им не могут не заинтересоваться — в конце концов отпущены ему дни, точнее, часы... Или уже ушел? Может, замерз где, когда лез через границу по снегу? Или в шторм попал, не смог выгнать, потонул, и мы ищем память о гаде, а не его самого? Почему он ждал зиму? Потому что был убежден в снеге, который все скроет. Ладно, а зачем он столько времени ждал? Почему не предпринял попытки уйти? Оттого что убирал память о себе, искал тех, кто мог отдать нам хоть какую-нибудь улику. А улика — это письма, фотографии истинного Кротова, ставшего Милинко. И, видимо, считал, что еще мало взял; у Кротовой взяла тысяч на сорок, бриллианты и сапфиры, товар на Западе ходкий, груз небольшой, в два кармана можно расставить».

Костенко посмотрел на часы: с того момента, как он связался по рации с Тадавой, прошло двенадцать минут. Нет новостей — хорошие новости. Нет, неверно. В данном конкретном случае неверно. Этакая протажность дела изматывает нервы; когда зверь вырвался из клетки, нет ни минуты покоя, каждый миг черт в а т.

Костенко полез за сигаретами, закурил, несколько раз жадно затянулся, шофер, увидав, как он тяжело задыхается, заметил: — Товарищ полковник, на вас смотреть жалко, вы ж табак заглатываете.

— Если быть точным, — ответил Костенко, — то я заглатываю табачный дым.

— Вот и наживаете себе...

— Чего недоговариваете! — усмехнулся Костенко. — Рак наживу?

— Ну, так уж и рак... Туберкулез какой или хронический бронхит тоже не подарок...

— Тут к морю есть где-нибудь съезд? — спросил Костенко, снова глянув на часы, — он любил ломать ритм, это успокаивало.

— Нейдем, — ответил шофер. — Вторую машину предупредить по телефону?

— Скажите, пусть едут в управление, мы их догоним и сразу на аэродром, если никаких новостей не придет.

Шофер связался со второй машиной, которая пылила зади, передал слова полковника, ловко съехал на проселок и понесся по длинной улице к морю.

Костенко вспомнил, как он прилетел однажды в Гульришши, — там отдыхали Митька с Леоном. Давно это было, так давно, что кажется — никогда и не было. И они провели вместе два дня, лежали на пляже, молчали, камушки кидали, а вечером шли пить вино; с гор привозили маджари, шипучее, тогда еще можно было пить, тогда про алкоголь не знали, тогда им по двадцать два было, снимали сарюшку, спали на двух койках, сдвинув их воедино, утром ели горьковатый сыр, запивали его кефиром и шли на пляж. Иногда пели на два голоса: Леоушка умел как-то по-особому организовать песню, а вил и Митьку и Костенко, делал это аккуратно. Эх, Лео, отчего ж так все несправедливо, а! Сорок лет, всего сорок лет... Сколько ж ты картин не снял, скольких людей не оспечивал своей дружбой, скольких не поднял до себя...

Костенко тяжело вылез из машины, пошел на пляж, оставив китель на сиденье; курортников было множество уже, особенно мамаш с дошколятами.

«А все-таки не мамаша это, — подумал Костенко. — Сейчас бабушки больно молодые пошли, вон Клаудия Кардинале, звезда экрана, сорок лет, фигурка — ого-го, а бабушка, гордится потомством, не скрывает. Лучшие всего выставлять напоказ то, что хочешь скрыть. Нейнтересно людям говорить об очевидном, все нороят о тайном еще...»

Костенко шел к морю, и внутри как-то все слабело, сердце отпущало постоянную застенчивость, оттого что покой был в этом детском визге, в плеске прибоя, в смехе женщин, в той ласковости, с которой они прижимали к себе голышей в панамках. Как же прекрасны эти маленькие комочки, сколько нежности в них, доверчивости и сколько тревоги...

«Почему тревоги? — не понял даже понахалу себя Костенко. — Почему я подумал о тревоге за них? Кротов не маняка, он на пляже стрелять не пойдет, он — по-волчий».

Костенко сел возле самой кромок прибоя, дохнул соленый воздух моря и с отчаянной тоской подумал о невозвратности времени. Аришка выросла, не принадлежит ему уже, а он только один раз смог вырваться вместе с Марьей в отпуск, когда Аришка была маленькая, и можно было ее прижать к груди, и услышать гульки и ровные удары ее сердечка. Ну что он сейчас один, здесь? Господи, как же у него зажалось горло, когда Маша наехала тогда Аришку и пригрозила: «Отведу в горы и там одну оставлю». А маленькая ответила, раздвывая свои ноздришки: «Я камушки буду бросать»...

Сзади раздался крик. Костенко стремительно обернулся: за его спиной лежал на камнях карапуз. Бежал, видно, — они скорости не чувствуют, это к старости мы его ощущаем, начинаем не торопиться, цел ляем время, только б. х. как-то остановили эти внутренние часы, безжалостно отсчитывающие секунды...

Костенко поднялся, подхватил с камней карапуза, прижал его к себе. Тот наконец выдохнул, зашелся в плаче, ссадил себе живот, здорово ссадил: подбежала мама, или, быть может, бабушка, выхватила дитя, улыбающийся Костенко, начала шептать что-то карапузу в ухо, понесла его в море — промыть ссадину соленой водой. И Костенко вдруг точно понял причину острой в нем вспыхнувшей тревоги. Он побежал к машине, резко снял трубку рации, попросил соединить с Тадавой.

— Вы на всякий случай, — успокоившись сразу же, как только услышал голос майора, — проверьте, чтобы все люди были подготовлены, если что-нибудь начнется. Ясно?

— На меня это тоже распространяется! — спросил усмехливо Тадава. — Мы возвращаемся к вопросу о рыцарстве, Владислав Романович.

— На вас это распространяется в полной мере, — сказал Костенко, — бравада граничит с мужским кокетством, а сие неприлично, вы на службе...

«Ранимость тела, незащищенность человека, — понял Костенко, — вот что не давало мне покоя...»

Он сел рядом с шофером:

— Все, отдохнули, едем.

43

Козаков, тот младший лейтенант милиции на воздушном транспорте, что дежурил в аэропорту, получив установку Костенко, пробежал ее дважды, ничего особенно интересного для себя не обнаружил и пошел в буфет — благо вылетов в ближайшие сорок минут не предстояло.

Заказав себе стакан сметаны, сырое яйцо, творог и компот, Козаков сел у окна. Он отодвинул от себя хлеб — старался худеть, форму надо хранить и в тридцать лет, упустишь, потом не наверстаешь — и принялся смешивать в суповой тарелке сметану с яйцом и творогом.

— Нануля! — крикнул он буфетчице. — А зелени нет?

— Кто ж тебе ее сюда привезет? — ответила толстая и добрая Нануля. — Ее грузят на твои самолеты и гонят в Москву, на Центральный рынок, тридцать копеек пучок, а киндза — рубль, по-старому значит десять. — Была б моя воля, ни одного бы не пустил с этим товаром на самолет, — ответил Козаков. — Паразиты на теле народа.

— Зачем людей обижаете? — возразила Нануля. В буфете сейчас никого, можно ответить душой. — Ты пойдй эту травку вырви! Ты пойдй достань под нее навоз, ты пойдй согрей каждую, если мороз ударит!

— Значит, снова дорогу частичку открыл? Мироеду! Эксплаторатору!

— Ты, дорогой, не на трибуне, выражения выбирай! Мой сосед — борода седая, геолог, двадцать девять лет отработал в экспедиции, — трое внуков у него учатся, помогать надо, так он со старухой кормит уважаемых людей города, когда тем нужно гостей принять и настоящими блюдами домашней грузинской кухни угостить... Что ж, этот геолог, по-твоemu, тунеядец?

Козаков вдруг вспомнил старика, заросшего седой щетиной, с теодолитом: бритый, кражистый.

«А вдруг он!»

Козаков вскочил со стула, бросился в отделение милиции, сел к рации.

— Майора Тадаву хочу! — крикнул он. — Срочно!

44

— Я банку беру, девушка, — ответил Кротов бортпроводнице. — Для нашей маленькой, не в туалет же ее везти.

— Пусть потерпит, скоро прилетим.

Кротов посмотрел на часы:

— Сорок минут терпеть...

— Тридцать, — ответила девушка, — ветер попутный, мы раньше прилетим.

— Это хорошо, — ответил Кротов, застегивая чемодан. — У вас, кстати, валидола нет?

— Сердце болит?

— Не то, что болит, жмет маленько. Но если нет, я перенесу, не у пилотов же просить, им садиться надо, не до нас...

— Бледный вы...

— Жмет...

— Сейчас в аптечке посмотрим, — сказала девушка, — йод есть наверняка, желудочные есть...

Она достала жестяную баночку с красным крестом, открыла ее, начала перебирать бинт, пластырь, йод, пирамидон, папаверин.

— Вот, — протянула бутылочку с корвалолом, — на ваше счастье.

— Нет, корвалол нельзя, — ответил Кротов, — от него мне еще хуже. Только валидол: под язык положить — и сразу отпустит.

— Садитесь на место, — сказала девушка, — я у пилотов спрошу. Наш второй курить бросил, он какие-то таблетки сосет, в баночке из-под валидола, может, это и есть валидол. — Спасибо вам.

«Еще лучше, — думал Кротов, возвращаясь на место, — вообще-то замок в двери легко простреливается, не зря я на этих самолетах столько тысяч налетал, давай, красоточка, стучи в дверь, давай проси валидола».

Он сел на место, оглядываться не стал, напряженно, спиной, плечами, затылком ожидая, когда услышит шаги, несмотря на наутраженный, ставший уже привычным рев мотора. Он услышал их за мгновение перед тем,

как девушка подошла к двери, ведущей в кабину пилотов.

— Пристегнулись? — спросила она Кротова. Тот заставил себя вымученно улыбнуться, отвечать не стал, только глазами показал, что пристегнут.

— Видишь, как у дяди сердечко болит, — сказала соседка, — может, холодной водички попьете?

— Сейчас пройдет, — прошептал Кротов, — это бывает у меня, ничего страшного...

Бортпроводница постучала — условным стуком — в дверь, подождала, постучала снова. Дверь открылась, высунулось лицо второго пилота.

Кротов репетировал все дальнейшее сотни раз. Он шептал те слова, которые предположительно могла бы сказать бортпроводница: «Тут у пассажира сердце болит, а в аптечке нет валидола, у вас, может, случаем, есть?» Или: «У вас валидола нет? Пассажир жалуется на сердце». Или еще короче: «У вас нет валидола!» Даже эти четыре слова были достаточны для того, чтобы нажать на замок пристегнутого ремня и, выхватив пистолет, рвануться вперед.

...Второй пилот склонился к девушке.

Кротов вскинулся с кресла, в броске выхватил пистолет, обрушив удар на затылок бортпроводницы, левой рукой с растопыренными пальцами ткнул в лицо пилота, ощутив холод глаза безымянным пальцем. Пилот отпрянул, закричал. Кротов ударил его по темени рукояткой, оглушил штурмана, захлопнул дверь, уткнулся дулом пистолета в затылочную шею командира:

— Полетим в Турцию, начальник.

Левой рукой, нагнувшись, взял кобур с пистолетом — висела именно там, где объяснял пьяный магаранский летчик, сука, водку не пил, только «Наири» двадцать девять за бутылку, тут тысячу уплатишь, только б знать.

— В Турцию не полетим, — ответил командир.

— Тогда — пуля, мне терять нечего.

— Стреляй.

— Я выстрелю, но хочу предупредить, что кончил школу Осоавиахима, самолет посажу сам, так что не пугай своей смертью. Я хочу, чтоб все было добром.

Командир хотел было оглянуться — Кротов сильно ткнул его дулом:

— Не надо.

Стремительно глянул на второго пилота: тот лежал недвижно, бледнел, из темени медленно сочилась кровь. Штурман не двигался.

«Даже если очухается, пройдет десять минут, нет, за десять не очухается, минут двадцать. Мало времени, а стрелять не надо, там тюрьма — тоже тюрьма. Или еще выдадут красным под пулю, террористов все боются».

Он ударил лежавшего пилота ботинком в висок, голова бессильно дернулась, на боль никак не среагировал, порядок, не очухается.

— Считаю до трех, — сказал Кротов. — Потом стреляю.

Он передвинул пистолет к виску пилота, поясняя:

— Так сподручней, чтоб приборную доску не порушить. Раз. Два.

— Убери пистолет, гадюка.

— Пистолет не уберу. Спускайся, границу будешь переходить на бреющем, над морем,

чтоб радары не сработали.

— Они сработают, только стрелять не станут по живым людям.

— Верно говоришь, командир. Только все же спускайся, уходи из своего эшелона.

Кротов переложил пистолет в левую руку, достал наушники второго пилота, надел на голову.

— Садиться будешь без «коробочки», — сказал он, — направление возьмешь на Сары-вар, там военная база. Посадишь машину, я выйду, и можешь возвращаться обратно.

В ушах зашеравило, потом Кротов услышал голос:

— Борт двадцать два — тринадцать, почему сошли с курса?

Кротов шепнул пилоту:

— Скажи: неисправность двигателя, в кабине запах дыма.

— Так не говорят, — ответил пилот. — Тогда поймут, прижмут военным самолетом и посадят на наш аэродром. Или на теран прикажешь идти?

«Врет? Нет. По идее, говорит верно. Пусть говорит, я ж услышу, что они ему ответят».

— Это борт двадцать два — тринадцать, у меня отказала приборная доска, магнитный компас не работает, сообщите мои координаты.

— Вас понял. Где второй пилот?

Командир поднял голову на Кротова. Тот не ждал этого вопроса, ответил:

— Скажи, что вышел в туалет.

— Второй пилот осматривает проводку в салоне, — сказал командир. — Опрашивает пассажиров, нет ли кого с магнитами, ученые, может, летят.

Как только Тадаве сообщили по радию, что командир борта двадцать два — тринадцать сказал о магнитном компасе, он бросился к машине: все летчики на линии были проинструктированы: в случае попытки угона произнести эти слова.

Информация Костенко и сообщение Козакова опоздали примерно на сорок секунд: командир борта начал принимать сообщение с земли о «геологе», когда бандит забирал у него пистолет, и более всего он боялся, что тот сорвет его наушники, но, к счастью, бандит взял наушники второго пилота, а командир прижал подбородком кнопку, благо Кротов целил ему теперь в висок, поворот головы вниз был оправдан, поэтому земля, как он считал, слышит весь его разговор с бандитом.

— Алло, борт двадцать два — тринадцать, вы потеряли курс, вы идете в горы, дайте указание второму пилоту определиться без компаса, берите на десять градусов влево, но будьте осторожны, не прерывайте с нами связи, вы в пятидесяти километрах от границы.

— Земля, вас понял, — ответил командир и резко положил самолет вправо.

Кротов нащупал рукой планшетку с картой, которая висела сбоку от кресла второго пилота, бросил ее на сиденье, начал изучать красные линии, нанесенные на нее штурманом.

— Сколько лету до границы?

— Пятнадцать минут.

— Спускайся на бреющий.

— Дай-ка я выйду, а? И ты сам спускайся, если окончил школу Осоавиахима. Я гробить пассажиров не намерен. Общипи меня, оружия нет, запрись и сажай машину сам.

— Алло, борт двадцать два — тринадцать, вы двигаетесь в направлении госграницы, срочно уходите на пятнадцать градусов вправо.

— Вас понял, ухожу на пятнадцать градусов вправо...

— Я тебе уйду, — усмехнулся Кротов и пощекотал дулом седой висок командира. — Прямо!

— Я не знаю, что впереди. Может, горы...

— Опускайся вниз.

— Не буду я гробиться, — озлился пилот и чуть заметно нажал на педаль. Самолет шагнуло вниз, Кротов почувствовал, что его отрывает от пола. Он вцепился рукой в ворот командира, закричал:

— Ты что, сука!

— Яна это, — ответил пилот и выровнял самолет, взяв еще круче вправо.

— Алло, алло, борт, вы следуете в направлении границы. Говорит служба погранзоны, дайте вашу волну, выходите на связь по двенадцать сорок, как слышите, прием?

— Что отвечать? — спросил пилот.

— Молчи.

— Алло, алло, борт, вы в пяти километрах от границы, немедленно поверните назад, алло, как слышите!

— Молчи, — повторил Кротов шепотом, — молчи, пилот, молчи...

...И вдруг в наушниках возник жесткий голос с иностранным акцентом:

— Со стороны России в воздушное пространство вторгся пассажирский самолет. Команда, вы слышите нас?

— Отвечай, что слышим, — сказал Кротов.

— Да, мы слышим вас.

— В связи с чем отклонились от курса и нарушили воздушное пространство? Ложный ответ позволит нам применить особые меры. Кротов хватил воздуха, только сейчас почувствовал, как тяжело дышать:

— Отвечай: мы просим политическое убежище.

— Я так не отвечу. Я не прошу убежища.

— Отвечай, гад, как я говорю!

— Дурак ты, политический, — ответил командир. — Это ж ложный ответ. И я им скажу, что это ты меня принудил так сказать. Силой.

— Хорошо, ответь, что на борту пассажир, выбравший свободу.

Командир покашлял, сказал в микрофон:

— На борту находится пассажир, вынуждавший меня пересечь границу. Наш борт принадлежит Аэрофлоту СССР, выполнял рейс Кутанси — Батуми. Я политического убежища не прошу.

— Если на борту есть убитые, мы не разрешим посадку и не примем вас...

— Отвечай, что ни убитых, ни раненых нет.

— На борту убитых нет, — ответил командир.

— Предупредите того господина, который решил просить политическое убежище, что он предстанет перед нашим судом в любом случае.

— Хорошо, я передам. Да он сам все слышит.

Кротов сказал:

— Я готов предстать перед их судом, передай им, но они гарантируют, что я не буду выдан Советам!

— Он готов предстать перед вашим судом, но требует, чтоб вы не выдавали его Советам.

— Ждите нашего ответа.

— Сколько ждать, у меня горячее на исходе.

— Ждите нашего ответа, — монотонно повторили с земли.

— А мне куда идти? — устало, безликим голосом спрашивал молчащую землю командир. — Вперед или круги давить? В каком радиусе, направления — дайте, — эшелон, — высоту, параметры.

— Кружите, не спускаясь к земле, из облачности не выходить, в случае, если пойдете самовольно по курсам сорок три или сорок пять, вынуждены будем открыть огонь...

— База, — вслух сказал командир, — боятся, союзники...

Кротов стремительно обернулся, почувствовав на себе взгляд, штурман действительно пытался подняться, завороченно глядя на спину Кротова. Тот стремительно обернулся и снова ударил парня рукояткой пистолета по темени; штурман обвалился кулем, захрипел...

— Ну, скотина, — сказал командир, — ну ж нелюди! Если убил — отдадут тебя нам, под расстрел отдадут, гадюку...

— Не убил, — ответил Кротов, оглянувшись, — дышит. Я глушусь его.

— Борт русского самолета, в случае, если

у вас нет жертв и человек, желающий просить политическое убежище, не применял огнестрельное или холодное оружие, он будет судим, но выдан России не будет. Берите курс двадцать четыре и начинайте снижение, не уходя из того сектора, в котором сейчас находитесь...

Когда облака кончились, Кротов увидал горы, одни горы, а в горах две узкие взлетно-посадочные полосы. У левой, в самом ее конце, стояло два «джипа» и длинная американская машина.

— У девки оружие есть? — спросил Кротов, кусая губы.

— У кого?

— У проводницы?

— Нет.

— Если есть — пристрелю, и меня оправдают, самооборона.

— Нет у нее оружия.

Когда самолет, вздрогнув, остановился и Кротов увидел, как высокий, черный американец неторопливо отделился от группы других американцев и пошел к аэроплану, счастье сделало его горячим, словно вошел в парную с мороза.

— Подними руки, — сказал он командиру. Тот послушно руки поднял. Кротов, не выпуская из левой руки пистолет, достал из кармана веревку с заранее заготовленным кольцом, продел обе руки командира в это кольцо, затянул его, обмотал кисти еще несколько раз, сунул пистолет за пояс, завязал веревку своим особым узлом, геленовским, надежным; пятась, подошел к двери, распахнул ее, резко обернулся: навел пистолет на пассажира, не вынимая левой руки из кармана:

— Граждане, сейчас вы улетите домой. У кого из мужчин есть ножи, встаньте.

Поднялся старик, который уступил место женщине с девочкой.

— Брось на пол, — сказал Кротов.

Старик достал из кармана перламутровый перочинный ножик, бросил его и сказал:

— Пес!

Кротов медленно, тяжело ступая, пошел сквозь замершую тишину салона в хвост, взяв свой чемодан, где под инструментом хранилось золото и бриллианты из магазина сестрицы, открыл дверь.

Внизу, улыбаясь, стоял черный американец.

— Спрыгните! — спросил он с каким-то странным акцентом.

Кротов ответил:

— Спрыгну. Только сначала покажите мне свой паспорт.

Военнослужащие сдают свой паспорт в Пентагон, — ответил американец. — А вы свой паспорт бросьте мне, я хочу его посмотреть.

Кротов, не опуская пистолета, достал из кармана паспорт и бросил его к ногам американца.

Тот поднял, раскрыл: Милинко...

— Прыгайте, господин Милинко, — он протянул ему руку, — прыгайте.

— Покажите ваш документ. Любый документ.

— Хэй, Пол! — крикнул кто-то из тех, что стоял поодаль.

Кричали по-английски. Кротов ничего не понял, но он часто слушал их радио, голос действовал на него завороченно, как и раскованность людей, стоявших у длинного «форда» и «джипов». За рулем «джипов» сидели рослые парни в формах и, лениво жуя резинку, смотрели на происходящее.

Американ пожал плечами, повернулся и пошел, бросив паспорт Кротова на теплые плиты взлетной полосы.

— Эй! — крикнул Кротов. — Вы чего?!

— Ультиматум не для меня, — не оборачиваясь, ответил американец.

— Эй! — снова крикнул Кротов. — Да стойте, я шуткой!

И, спрыгнув, он поднял паспорт и побежал следом за американцем. Тот обернулся, усмехнувшись, достал из кармана пачку «Мальборо», протянул Кротову. Тот потянулся трясущимися руками к коробке.

— Вообще-то я не курю, — сказал он, — разве что после пережитого...

Сигарета никак не доставалась, он опустил глаза на пачку, и вдруг холод сказал его.

«Производство табачной фабрики «Ява» и объединения «Филипп Моррис», — успел прочитать Кротов, и, не раздумывая, отбросил тело назад, он выстрелил в американца, в сердце ему выстрелил. Тот рухнул на землю.

Кротов вскинул пистолет, чтобы перешел к тем, кто был возле машин — все сразу понял, и гре, — но выстрелить не успел. Пуля пробила ему руку, пистолет выпал на землю.

43

...Костенко склонился над Тадавой:

— Ну, что, дед? Больно?

— Слова вы правы, — ответил он, — даже как-то противно: я ведь не хотел колечку надевать.

— Мцри, — усмехнулся Костенко. — А мне еще одного хоронить?

Он поднял простыню, увидел страшный, черный кровоподтек на груди Тадавы, разорванную кожу, простыню опустил, покачал головой, вздохнул.

— А что это вы меня дедом величаете? — спросил Тадава.

— Да так, — ответил Костенко. — «Дед» — хорошее слово, очень нравится мне, когда человека можно назвать дедом.

Из госпиталя Костенко поехал в тюрьму. Кротова допрашивали бригадой. Костенко поблагодарил коллег, остался с Кротовым с глазу на глаз.

— Сейчас поедем в Москву, Милинко. Самолет, как понимаю, переносите нормально?

— Вполне, — ответил тот. — Вы, я думаю, главный, так что протест вам можно заявить?

— По поводу чего?

— По поводу того, что до сих пор не вызван врач-психиатр? Я действовал под гипнозом... Главный, тот, кто виновен в моих неосознанных действиях, остался на свободе...

— Протест принято заявлять прокурору. А я сыщик... Я свою работу сделал... Как фамилия гипнотизера?

— Это я скажу работникам прокуратуры после того, как буду освидетельствован врачом-психиатром...

— Что ж... Это даже не протест — вполне законная просьба... Но я могу вам назвать фамилию «гипнотизера»... Его фамилия Кротов, Николай Иванович, разве нет?!

...Через сорок два дня Костенко позвонил в Магаран Жукову:

— Подполковник, привет вам, дорогой, и поздравления...

— Все равно в Москву не поеду, — ответил тот.

— Ну и не надо, — легко согласился Костенко. — Вы поезжайте к Журавлевой, к этой красавице Диане. Желательно, чтобы в это время ее муж был в вечерней смене. Сядьте к столу, облокотитесь, протяните правую руку, разожмите пальцы и скажите ей следующее: «Мадэм, если вы сейчас же не положите сюда, в эту мою ладонь, самородок, я обещаю вам трудные времена...»

...Журавлева стала мертвенно-бледной, откинулась на спинку стула, хотела что-то ответить, но слова застряли в горле...

— Храните вие дома! — помог ей Жуков. Она кивнула.

— Ну, одевайтесь. Надо ж вам до прихода благоверного вернуться. Или он в курсе?

Женщина отрицательно покачала головой, а потом заплакала. Но плакала она не поженски — беспомощно, жалостливо, безысходно, — а как-то совершенно по-особому, очень рационально и зло...

С № 38 в нашем журнале будет печататься
новый роман Юрия БОНДАРЕВА «ВЫБОР»

«А ЧЕЛОВЕК ИЩЕТ...»

Так назывался очерк Галины Куликовской, опубликованный в «Огоньке» [см. № 4 за 1980 год]. В нем на примере судьбы Н. Н. Галкина, инженера Оренбургского газоперерабатывающего комплекса, рассматривалась проблема правильности использования специалиста — на своем ли он месте! Очерк вызвал много читательских откликов. Печатаем некоторые из них...

И ОЦЕНКА «СНИЗУ»

Нашел ли человек свое место в жизни? Вопрос этот не нов, но раз поднимался в прессе. Но в очерке «А человек ищет...» он поставлен необычно.

Конечно, каждый из нас имеет свой «потолок». Но как и кто определяет его? Умеем ли мы вовремя и точно, с определенной объективностью зафиксировать оценку этого «потолка», дав тем самым человеку своего рода ориентиры?

Разумеется, речь идет об организаторских способностях человека, его таланте управлять, быть воспитателем коллектива. Возможно, что это вопрос спорный, но мне кажется, что организаторские способности, талант организатора, вождя — качество в значительной мере врожденное. Так же, как талант музыканта, дирижера, певца... А вот, скажем, в сельском хозяйстве да и в иных отраслях подчас бывает мнение, что можно быть «солистом» и без такого таланта. Между тем человеку наблюдательному, с наметанным, как говорится, глазом не так уж трудно заметить, что организаторские способности, их первые росточки начинают прорезаться уже в ранней молодости. Окончательную же оценку организаторского таланта определяет практическая деятельность человека. По-видимому, и сам он должен неплохо знать свой «потолок». Мне известны случаи, когда прекрасные бригадиры выдвигали руководителями хозяйства, и он валил новое дело: не по плечу!

В очерке раскрыты не все грани характера Николая Нестеровича Галкина. И тем не менее у читателя складывается самое доброе отношение к нему. Верить — такой способ, имеет право управлять. У него есть

то, чем, с моей точки зрения, должен обладать хороший руководитель-воспитатель: талант организатора, знание порученного дела, нравственный облик...

Известен случай, когда руководитель (говорю о близком мне сельском хозяйстве) потерял уважение возглавляемого коллектива, но его не снимают с работы. Я за то, чтобы «потолок» определялся не определенными лицами и даже кругом лиц, а объединенными усилиями снизу и сверху. Тут должна быть достигнута максимальная объективность.

А ведь в жизни бывает и так: думаем одно, говорим другое, делаем третье. И дети наши это видят. И не лучшим образом это сказывается на их воспитании. И страдает дело, которому все мы служим. Есть ли в этом хоть малейшая объективная необходимость? Думаю, что нет.

Е. ДЕВЯТИСИЛЬНЫЙ,
старший научный сотрудник
Главного ботанического сада
Академии наук СССР

Редакционная почта принесла и такое письмо. По крайности оценок поступков героя очерка оно отличается от всех остальных (читатели, очевидно, помнят, что мотивы неудовлетворенности своим положением у Н. Н. Галкина не те, что приписывает ему автор письма).

А НЕ КАРЬЕРИСТ ЛИ ОН?

Мне кажется, вы несправедливо пытаетесь «выдвинуть» Галкина, начальника промысла, на более высокую должность. Ваш

Галкин, по-видимому, карьерист. Этот человек сильно мечется, ищет, но не где труднее, а где должно быть проще. Если он действительно хорошо организовал свою работу на промысле, значит, он на своем месте. И пусть он еще научится получать моральное удовлетворение от работы, которую ему доверили. Только в этом случае он «покажет меру подлинного счастья».

И. ЮЛБАЧАЕВ,
председатель Илшевского
райобъединения «Сельхозэнерго»
Башкирская АССР.

ОТКРОЙТЕ ШЛАГБАУМ!

Мне хорошо знакомо это чувство: неудовлетворенность своей работой, обида — ты способен на значительно большее, чем делаешь. Четыре вышестоящих товарища подтверждают: да, Н. Галкин способен руководить более масштабной организацией. А автор пишет, что «проблемы, собственно, нет. Все дело во времени». Так ведь в этом и заключается проблема: общество не получает от человека ту максимальную пользу, которую он может дать. Между тем, «...кроме «хочу» и «могу», еще надо получить подлинный шлагбаум на своем пути и увидеть заветный «зеленый огонек». Вот это самое тяжкое для таких людей, как Галкин. Не работа, нет! Работы, какой бы она ни была трудной, Галкин не боится. Но «самому-то Галкину нелегко напоминать о себе».

Хочу преодолеть свою неловкость, скромность и впервые написать о себе. Я инженер-строитель. Мне 44 года. 12 лет руководил двумя ПМК (передвижная механизированная колонна). Принимал их с убытками, исчисляющимися сотнями тысяч рублей. Через некоторое время доверенные мне управления занимали призовые места в социалистическом соревновании по министерству. Коллективы, которыми руководил, и сейчас присылают мне теплые письма. Но чувствую, что давно перерос должность начальника управления. А как об этом рассказать? Знаю, что если бы мне дали даже самый отстающий трест в Якутии (сейчас я работаю на Севере), через два-три года (в зависимости от степени запущенности) это было бы предприятие, выполняющее план по всем показателям. Но как получить «поднятый шлагбаум»?

Передайте, пожалуйста, Николаю Нестеровичу Галкину пожелания удачи и «поднятых шлагбаумов».

И. СОКОЛЬСКИЙ
Поселок Торго, Олекминского района,
Якутской АССР.

Николай ЭНТЕЛИС

НИЖЕ НУЛЯ

ПАМФЛЕТ

Тепло на планете, но мистер Мороуз К «холодной войне» не на шутку прирос.

Остаться не хочет в покое:
Ну что бы сморозить такой?
Сверх меры старается мистер Мороуз,
Воссю раздувает «афганский вопрос».

Его выступленья нервозны,
Они неизменно морозны.

Все чаще задиристый мистер Мороуз
Сует за границу колючий свой нос:

В Персидский залив полетели
Опасные вихри-метели.

Пытался заносчивый мистер Мороуз
Создать на пути олимпийцев занос.

Но факелы Олимпиады
Рассоветили все снегопады.

Напрасно воинственный мистер Мороуз
Освоил язык леденящих угроз.

Но сдержит его «наступленья»
Разрядку, Весну, Потопленья!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ВАШЕ НОВОЕ ПЛАТЬЕ

В. МОРОЗОВА

Был беспокойнейший день. Еще с раннего утра небо обложили дождевые тучи. Было душно и как-то неспокойно. Городское лето шло на убыль, а впереди целый месяц солнца, моря, отдыха от всех забот, хлопот домашних и рабочих. Но одна забота еще оставалась, извечная женская проблема. Что взять с собой в отпуск? Некоторые посмеиваются над частыми заявлениями женщин: «Мне не в чем пойти...» при том, что одежда в доме есть. Но проблема эта существует, и она не так проста. Умение красиво, правильно, то есть всегда к месту, одеваться требует от человека большой эстетической культуры, вкуса, умения, а быть может, и таланта. С помощью одежды женщина выявляет свой характер, вкусы, склонности и привязанности. По внешнему облику человека можно часто угадать его профессию, образ жизни. Хотя, конечно, в отличие от прошлых времен сейчас уже не может быть одежды, дозволенной одним и совершенно невозможной для других. Моде, как никогда, демократична и предлагает самый широкий ассортимент различной одежды. Вот тут-то и таится опасность: надо не растеряться в этом многообразии, суметь устоять перед соблазнами авангардных предложений моды и вместе с тем не слишком отстать от ее направления.

Какие же конкретные рекомендации можно дать женщине, решившей создать себе разумный, со вкусом подобранный гардероб? Не подумайте, что эти советы не годятся в том случае, когда вы собираетесь купить илишить одноединственное платье. Как раз

именно в такой ситуации надо быть особенно разборчивой и не ошибиться. С чего же начать?

Прежде всего каждая женщина должна выявить свою группу цветов, тех, что освежат ее, украсят, помогут подчеркнуть достоинства и скрыть возможные недостатки. Никакие соблазны моды не должны вас поколебать в выборе тона платья. Тем более что, как правило, и лидирующий цвет и сопутствующие тона не бывают в единственном числе. «Этот цвет убивает ее» — более точной фразы невозможно придумать, когда видишь женщину, нарушившую это правило.

Не менее важно знать и наиболее приемлемый силуэт с учетом особенностей вашей фигуры, возраста, образа жизни. И в этом случае можно пригнаться к любым предложениям моды с помощью современных деталей отделки, нового кроя, где-то что-то чуть заузив, удлинив или приоткрыв.

В молодости все к лицу, поэтому авангард моды — для молодых. С годами женщина должна быть разборчивее и строже. Перемены не один десяток платьев, туфель, шляпок, следуя моде или отрицая ее, она тем не менее должна выработать в конце концов свой собственный индивидуальный стиль, то есть постараться с помощью одежды проявить неповторимое, что заложено изначально природой в каждой из нас. Именно поэтому женщина с хорошим вкусом никогда не изменяет своему стилю, беря от каждой моды только то, что ей близко, соответствует ее образу, будь то спортивно-деловой, элегантно-романтический или, напротив, яркий, броский, экстравагантный стиль.

Теперь, когда вы изучили себя, поняли, что вам к лицу, можно приступить к изучению предложений сегодняшней моды.

Для этого направимся в Московский Дом моделей. Особенность его в том, что он является своеобразным методическим центром, который практически руководит работой более шестисот ателье столицы, разрабатывает модели по всему ассортименту одежды. Работа этого коллектива сложна и по-своему очень интересна. Ведь, создавая новую модную коллек-

цию, разрабатывая новые установления для системы индустрии, художник-модельер должен учесть вкусы, потребности любого заказчика — от скромной пожилой домохозяйки до изысканно-экстравагантной дамы, посещающей дипломатические приемы. Художники Московского Дома моделей должны владеть всеми видами отделки, невыполнимых в массовом производстве. А если заказчица, к примеру, принесла в ателье материал, дотеле никогда не виданный, то и тут у закройщицы должна быть соответствующая случаю модель. Но как и у каждой медали есть оборотная сторона, все эти трудности дают художнику большой простор для творческой фантазии, для смелого эксперимента, позволяя создавать модели любой степени сложности. Здесь нет ограничений массового производства, связанного с технологией.

Другая задача МДМ — пропаганда современной моды. Двадцать его художников ежегодно создают коллекции новой одежды. Здесь и авангард моды, предназначенный для молодежи, для узкого потребления, а также модели для широкого круга потребителей. Остроумные предложения дают представление о новых течениях. Они, как правило, и несколько утрированы. Поэтому слепо копировать их для повседневной жизни не стоит. Важная деталь сегодняшней моды — функциональность одежды, то есть каждый туалет женщины должен «знать» свое место и время. Вечернее парадное платье не смотрится на лугу среди скромных одуванчиков и ромашек. И если появление на пляже мужчины в темном костюме, при галстуке в наше время вызывает улыбку окружающих, то некоторые женщины, к сожалению, еще не понимают, что в своих самых лучших туалетах сугубо городского типа они смотрятся на природе так же нелепо.

Каковы же конкретные предложения сегодняшней моды и как целесообразнее одеться на отдыхе? — с этим вопросом наших читателей Н. Смирновой и В. Савельевой из Подмосковья мы обратились к художественному руководителю Московского Дома моделей одежды Е. А. Рыбкиной и искусствоведу Н. М. Аршавской.

— Модная палитра сегодня столь многолика, многообразна, что здесь есть все, что может понравиться женщине с любым вкусом, — так начала нашу беседу Елена Александровна Рыбкина. — Главное — суметь выбрать то, что вам идет и что вам необходимо в данный момент.

Известно, как долго царил в моде прошлых лет спортивно-деловой стиль, как популярны были джинсовые ткани, используемые в женской и мужской одежде. Дело доходило до пародийных ситуаций, когда силуэты девушки и юноши были столь схожи, что их можно было спутать. Сначала это всех забавляло, но потом в конце концов женщинам это надоело, и они решили напомнить о себе в полный голос. Так произошло воз-

вращение к романтическому стилю 40-х годов «ретро». Женщина снова одела себя в струящиеся шелка, украсила мягкими складками драпировок, затейливой игрой рюшей, оборок. В прямом и переносном смысле вышли на свет из бабушкиных сундуков кружева, вышивки, появились плиссировки.

Моде сегодняшнего дня сохранила этот стиль, но уже камерно, в единичных моделях, а основном в группе нарядных туалетов. А в центре внимания снова преобладающий стиль нашей эпохи — спортивно-деловой. Конечно, он видоизменился, претерпев влияние романтизма, и выразился уже значительно мягче, женственнее. На смену джинсовому увлечению пришел практичный, удобный стиль сафари. Он тоньше, элегантнее, ближе к классике. Как видите, в моде ничто не проходит бесследно, а главное, женщина никогда не отказывается ни от одного приобретения моды, разумно вводя старые, полюбившиеся мотивы в новое. Так получился сегодняшний спортивно-деловой стиль элегантно-наполнения. Остались модные широкие прямые плечи, но они стали чуть меньше, уже, мягче. Вернулись и полуприлегающий силуэт с явной тенденцией еще больше акцентировать линию талии. Уменьшились воротнички и некоторые другие детали в женских блузах.

— На просмотре нашей коллекции вы, вероятно, обратили внимание на то, что не забыты и «мини», так долго господствовавшее в женской одежде, — вступает в разговор Н. М. Аршавская. — Но сегодня оно уже не прежние, не активное, что называется, «не в лоб», существующее не самостоятельно, а лишь как часть туалета: юбочка «мини» в сочетании с короткими (за колено) прямыми брючками, однотонными или контрастными по тону. Эта новинка моды требует очень осторожного отношения и может быть рекомендована главным образом очень молодым стройным женщинам для отдыха.

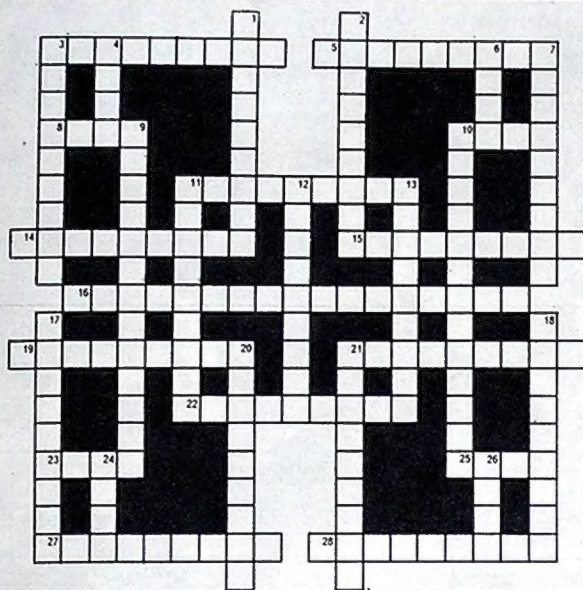
После многих лет диктата синтетических тканей типа кримплена снова сильное тяготение ко всему натуральному — шелку, легкой шерсти, плащевой ткани и хлопчатобумажной, шифону, бархату. Кстати, бархат хорошо смотрится в вечерних туалетах самостоятельно и в сочетании с гладкими блестящими тканями, а также с однотонным шифоном. В отделах очень модны ризелье, мережка, вышивки, аппликации, кружева. Модная гамма цветов тоже несколько видоизменилась, стала светлее, чище, теплее. Модельеры условно назвали эти три основные группы — цикламен, лазурная вода, золотые шары. Очень модны черные и белые ткани в сочетании с контрастными цветами.

В заключение хочется еще пожелать нашим женщинам: не покупайте ненужных вещей, не стремитесь быть как все, соблюдайте свою индивидуальность, привлекайте внимание. И пусть каждое ваше платье будет вам к лицу.

С № 38 журнал «Огонек» начинает печатать
поэму Алексея МАРКОВА

«КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ»

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Спортивная командная игра. 5. Небольшая железнодорожная станция, полустанок. 8. Действующее лицо комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 10. Торжественная песня. 11. Горная система в Азии. 14. Город в Якутии. 15. Овощное растение семейства зонтичных. 16. Наука о художественных письменных произведениях. 19. Опера Д. Верди. 21. Летчик на безмоторных аппаратах. 22. План деятельности, работ. 23. Морская единица расстояния. 25. Обрамление зеркала, картины. 27. Русский изобретатель, разработавший простейшую схему реактивного летательного аппарата. 28. Телескоп.

По вертикали: 1. Старая русская мера. 2. Морская птица. 3. Советский психолог, академик. 4. Помещение в деревенской избе. 6. Река, берущая начало в Гималаях. 7. Этнограф, автор книги «Народные русские сказки». 9. Наука об ископаемых организмах. 10. Писатель, композитор, народный артист СССР. 11. Копия кинонегатива. 12. Прибор для нагревания воздуха. 13. Пьеса с острой интригой. 17. Студент, готовящий выпускную работу. 18. Движущаяся лестница. 20. Поэт-декабрист. 21. Цитрусовое дерево. 24. Разделенное на гудусы кольцо в угломерном инструменте. 26. Низкий детский голос.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36:

По горизонтали: 7. Горлица. 9. Лазурит. 10. Надфиль. 11. Муравьед. 12. «Пуритане». 13. Холодильник. 15. Кедровник. 18. Посланик. 20. Троп. 21. Брыль. 22. Шадр. 25. Структура. 27. «Партизаны». 30. Плоскоугольцы. 33. «Прогресс». 34. Епиходов. 35. Казанов. 36. Топливо. 37. Салават.

По вертикали: 1. Мальва. 2. Грузия. 3. Собрание. 4. Мандолина. 5. Альпинист. 6. Вивальди. 8. Офелия. 13. Хроноскоп. 14. «Красавицы». 16. Дутар. 17. Корма. 18. Полин. 19. Нерча. 23. Луговойской. 24. Трубочек. 26. Тепловоз. 28. Народная. 29. Формат. 31. Пролет. 32. Охрана.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Портрет Абу Али ибн Сины в реконструкции М. М. Герасимова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели из коллекции Московского Дома моделей 1980 года. (См. в номере материал «Ваше новое платье»).

Фото И. Гаврилова.

Главный редактор—А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАВЛЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14/7
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 214-33-70; Межгосударственный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-21-89; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.08.80. Подписано к печати 09.09.80. А 00417.
Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2051. Заказ № 2824.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правда», 24.

Апофеоз представления — над манежем голуби мира.

РАЗ! ДВА! ТРИ!

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

Фото Дм. БАЛТЕРМАНЦА

В одном городе в Швеции стоит памятник, не только самый высокий в мире, но, пожалуй, единственный — в честь циркового трюка. Шведский скульптор Калле Эрнемарк изобразил индийского факира, устремившего ввысь канат и взбирающегося по нему мальчишка. Размеры поражают: фигура высотой 24 метра весит 75 тонн; общий же вес скульптурной композиции — 300 тонн.

Как рассказывает автор, еще в детстве на него огромное впечатление произвел записанный рассказ о том, как факир взметнул вверх канат и приказал мальчику подняться по нему в небо. Сюжет основан на реальных фактах: индийские факиры с незапамятных времен владели искусством, подбрасывая свернутый в кольцо канат, превращая его в вертикально стоящий шест и взбираться по нему. И все же у нас этот трюк считался фантастикой до тех пор, пока он не был осуществлен в московском цирке на Цветном бульваре. Исполнил этот номер не загадочный индийский маг и чародей, а вполне современный молодой человек: за считанные мгновения канат в твердую, прямую мачту, по которой взбирается вверх очаровательная гимнастка. Но стоит ей спуститься, как фокусник тем же мановением руки превращает «мачту» в связку обычного каната.

Заслуженный артист РСФСР Игорь Кио, о котором идет речь, показывая этот и другие фокусы, не изображает могущественного мудреца и не создает вокруг себя ореол волшебства: он ведет аттракцион в подкупающе доверительной манере, как бы говоря: «Вы, мол, прекрасно понимаете, что чудес не бывает; я вас обманываю, но попробуйте угадать, как».

На этот раз младший представитель династии цирковых магов вынес на суд зрителей своеобразие иллюзионного реву «Раз! Два! Три...» (сценарий написан им самим совместно с драматургом О. Левиным). Это нарядное, красочное представление (художники Е. Богданова и А. Авербах) веселит зрителя, опять и опять внушая ему: «То, что я показываю, — это обыкновенные цирковые фокусы. Настоящие творцы чудес — вы, наши зрители».

Слова Кио: «Подлинное волшебство — это те, кто воздвигает новые прекрасные здания, создает новые ступени, вырабатывает хлеб», — воспринимаются не как кокетство или заигрывание с публикой, а как убежденность публициста арены.

В новом представлении много танцев, музыки, песен. (Композитор А. Калыварский), но оно подчтено главному: как можно эффектное, доходчивее подать трюк, сделать его артистическим.

Переведшая заповедь мастера иллюзиониста, подтверждает в беседе эту мысль Игорь Эмилевич, — не затеряться среди фейерверка «чудес», а как бы стать над ними. В центре аттракциона должен быть артист, а не фокус. Можно показать трюк без фокусника с помощью современной электронной аппаратуры, но это будет оптический, физический, механический опыт. Нужны вкус, чутье, такт, чтобы превратить выступление иллюзиониста в демонстрацию новых достижений науки и техники. Подлинный артист может даже разбавить подоплеку фокуса: эффект от этого не уменьшится. Ведь, зная сюжет пьесы, мы смотрим ее с удовольствием, если она поставлена даровитым, изобретательным режиссером, сыграна талантливыми актерами...

Так, с выдумкой, нешаблонно и в то же время не отступая от стилистики реву, подает все эпизоды. Классический трюк «Сундук Гудини» преподносится, например, как своеобразный ответ на вопросы зрителей.

Многие просят меня, — говорит Игорь Кио, — рассказать о несравненном американском эспаписте Гарри Гудини. Я решил, что самое лучшее — показать один из его прославленных фокусов.

Если есть кудесник, рядом должны быть волшебницы.
Перед магом склоняются даже женщины.

И вот на арену выносят сундук. Кто завязывают в мешок и кладут в сундук. Добровольцы из публики убеждаются в том, что узлы затянuty, как полагается — крепко и без обмана. Дальше все идет по сценарию, построенному еще Гудини. Однако время подсказывает новые приемы, и было бы грешно их не использовать.

Игорь замурован в сундук вместе с микрофоном. Поэтому он может, находясь в своей темнице, руководить событиями на манеже.

— Проверьте, прошу вас, замки, хорошо ли они закрыты! — обращается к добровольцам Кио. — Проверили! Теперь поднимите сундук и поставьте его на пьедестал. Только, пожалуйста, не уроните меня.

Короткая пауза. Добровольцы из публики да и сама публика не спускают глаз с сундука.

— Раз, два! Три! — произносит Кио. — Можете открывать сундук!

Ассистенты с помощью добровольцев в считанные секунды поднимают крышку, но в сундуке, кроме пустого мешка, ничего нет.

— Внимание! — слышится голос Кио. — Я здесь! — И ошеломленная аудитория видит артиста в верхних рядах зала...

А вот еще один из наиболее «танцевальных» и в то же время забавных трюков... На манеже девушка в длинных красных перчатках; она заходит в будку, откуда просовываются наружу ее голова и руки. Кио приглашает добровольцев из зала. Одного он приметил давно — явный скептик, считающий себя знатоком закулисной цирковой механики: все время наклоняется к своей соседке и, как завзятый эрудит, объясняет ей «секреты» фокусов Кио.

Эрудит и на манеже верен себе. Он недоверчиво ухмыляется, вынимает на всякий случай из кармана бумажник и расческу, снимает с рук часы и отдает все это соседке, подмигивая и ей и публике: дескать, меня не проведешь!

Кио командует: «Прошу взять девушку за руку и вывести ее из ящика». Зритель галантно целует руку в красной перчатке — знай наших! — и выводит из ящика... кого же! Да это Олег Попов! А где прекрасная девушка! Как не бывало!

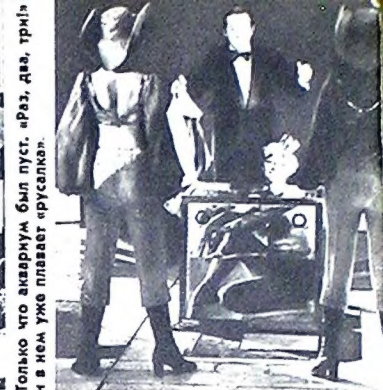
Обманутый скептик — отнюдь не «подсадка». На каждом представлении находится такой самодовольный и «компетентный» зритель, уверенный, что сможет перехитрить артиста. Но еще не было случая, чтобы это удалось.

В арсенале Эмиля Кио, моего отца, народного артиста РСФСР, были сотни фокусов, — говорит Игорь, — но испытание временем выдержали немногие. Лучшие из них я охотно использую. Уверен, что в иллюзионном жанре тоже должна быть своя классика. Конечно, иллюзионист, как и всякий другой артист, обязан прежде всего быть первооткрывателем, а значит, отказываться от отжившего, обладать вкусом, позволяющим точно определять, когда тот или иной трюк устарел.

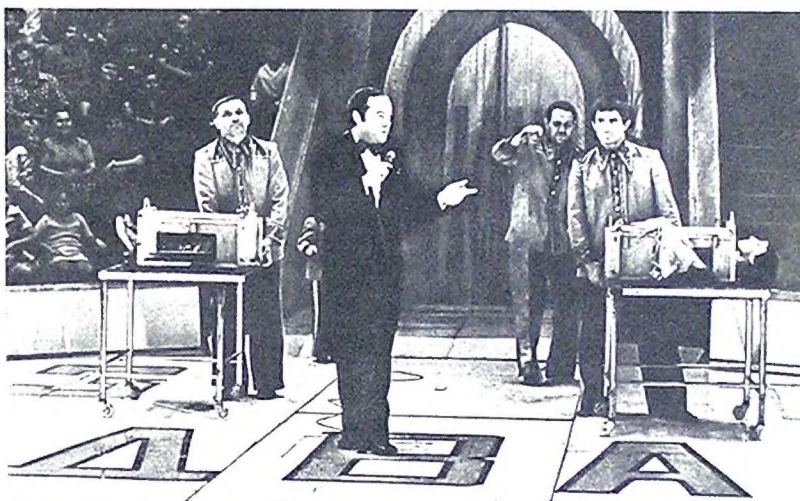
Игорь Кио обладает чувством нового. Просеивая сквозь сито времени свои фокусы, он создает зрелище яркое, озорное, исполненное сказочных превращений.

Миг — и зритель увидит эту девушку в другой кабине.

Только что аквариум был пуст. «Раз, два, три!» и в нем уже плавают «русалки».

Оказывается, и женщину можно «распилить».

В эту клетку войдет девушка. Мгновение — и вместо нее здесь окажется лев.

По знаку волшебника канат вдруг обретает упругость.

ISSN 0131—0097
 Цена номера 35 коп.
 Индекс 70663